

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И.И. ПОЛЗУНОВА

На правах рукописи

Головань Олег Валерьевич
**СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА
“ВОЙНА”**

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Р. ОЛДИНГТОНА И В.М. ГАРШИНА)

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор А.А. Стриженко

Барнаул 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА	16
1.1 Лингвистический аспект исследования сущности концептуальной картины мира	16
1.2 Психолингвистический аспект исследования сущности концепту- альной картины мира	26
ГЛАВА 2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА РИЧАРДА ОЛДИНГТОНА	36
ГЛАВА 3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В. М. ГАРШИНА	49
ГЛАВА 4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКО- АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА “ВОЙНА”	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	121
ПРИЛОЖЕНИЕ (АНКЕТЫ)	140

Список условных сокращений:

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М. 1996.

РАС – Русский ассоциативный словарь. – М. 1994.

OALD – Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary, Oxford University Press, 1992.

CED – The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S.Horby University Press, 1972.

PED – Practical English Dictionary, Holland Enterprises Ltd., 1990.

ВВЕДЕНИЕ

В современной психолингвистике проблема понимания текста стала одной из приоритетных, потому что текст, являясь продуктом речевой деятельности писателя, репрезентирует фрагмент концептуальной картины мира автора. Исследование сущности, функционирования и структуры концептуальной картины мира писателя является актуальным в настоящее время. Если содержательная (конвенционально-личностная) сторона концептуальной картины мира представлена в научной литературе довольно широко, то межконцептные и внутриконтцептные связи обозначены как проблемные. “В структуре концептуальной картины мира автора фиксируются реляционные категории, обеспечивающие взаимосвязь или противопоставленность как отдельных концептов, так и конвенциональных и субъективно-личностных компонентов концептуальной картины мира” [Пищальникова 1993, с. 69].

Объектом нашего исследования являются тексты произведений Р.Олдингтона и В.М. Гаршина. **Предмет** исследования – семантико-ассоциативная структура концепта “война” как компонент концептуальной картины мира писателя. Художественный текст рассматривается нами как результат коммуникативной деятельности автора и коммуникативной деятельности респондентов.

В качестве источников исследуемого материала используются роман “Смерть героя” Р.Олдингтона, созданный в 1929 г., рассказы “Четыре дня”, “Аясларское дело”, “Очень коротенький роман”, “Трус”, “Денщик и офицер”, “Сигнал”, “Из воспоминаний рядового Иванова”, “Происшествие”, “Надежда Николаевна”, “Ночь”, “Художники”, “Attalea princeps”, “Красный цветок” и стихотворения В.М.Гаршина, созданные в период с 1877 по 1888 годы.

Причина выбора текстов данных авторов состоит в том, что названные произведения были мало изучены с точки зрения психолингвистики, особый интерес вызывает мировидение, претворение реальности в художественных

произведениях английского и русского авторов, живших в XIX и XX веках, глобальных военных событий.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении семантико-ассоциативной структуры концепта “война” и выделении интегративных признаков в этом концепте.

В первую очередь наше исследование направлено на выявление субъективно-личностного содержания концептуальной картины мира писателя (“реконструкция субъективной части картины мира невозможна без учёта конвенциональных знаний, так как только на базе их присвоения образуются личностные смыслы; без актуализации интересубъектных знаний не осуществляется процесс понимания” [Голикова 1996, с. 4]).

Философские исследования решают проблемы, связанные с выявлением роли процесса понимания. Проблема понимания ставится, прежде всего, как проблема соотношения языка, мышления и действительности. В монографии В.К. Нишанова “Феномен языка: когнитивный анализ” представлен анализ философских концепций сущности процесса понимания [Нишанов 1987].

В психологии с проблемой понимания связаны категории “субъект”, “сознание”, “мышление”, “концептуальная картина мира”. Процесс понимания определяется как процесс усвоения знаний о действительности, осуществляющийся посредством соотнесения известных и новых сторон познаваемого объекта, отражённых в сознании субъекта, причём такое соотнесение должно быть осознанно и осмысленно, а также должно осуществляться в деятельности автора художественного текста. В настоящее время в психологии отмечается тенденция различать процессы понимания и интерпретации. Понимание текстов – адекватное восстановление содержания данных текстов, интерпретация – это личностно-интеллектуальный процесс выражения отношения субъекта к себе, к другим, к миру. Поэтому процесс интерпретации поддается теоретическому и экспериментальному исследованию, так как

процесс понимания остаётся инвариантным по отношению к совокупности субъективно-личностных интерпретаций.

В психолингвистике понимание текста означает восстановление по тексту внетекстовой реальности, которое зависит, прежде всего, от социальных связей индивида. Адекватное восприятие смысла подразумевает соотнесение текста с действительностью, результатом которого является текст (критерием адекватности восприятия и понимания текста становится общность моделей ситуации у коммуникантов).

Для нашего исследования важно утверждение психолингвистов об учёте индивидуальной картины мира в процессе понимания.

Концепция О.Д. Кузьменко-Наумовой представляет попытку выявления конкретных стратегий понимания текста [Кузьменко-Наумова 1980; 1986].

Как и в психологии так и в психолингвистике, ставится вопрос об адекватности понимания. Одним из критериев адекватности понимания служит деятельность писателя, адекватная ситуация использования речи.

В лингвистике данная категория соотнесена с категориями “смысл”, “значение”, “субъект”, “мышление”, “концептуальная картина мира”, и так далее. В. Гумбольдт одним из первых обосновал проблему понимания языка [Гумбольдт 1984]. Именно на базе слов происходит понимание, то есть соотнесение имеющегося знания с приобретаемым. В современной лингвистике обозначился переход от грамматических исследований языка к исследованиям фактора субъекта (реципиента), фактора концептуальной картины мира.

Исследование сущности процесса понимания и смысла языковых выражений осуществлено Р.И. Павилёнисом. Исследование сущности концептуальной системы невозможно без рассмотрения сущности процессов понимания языковых выражений, репрезентирующих содержание концептуальной системы. Процесс понимания – это процесс образования смыслов (кон-

цептов), причём проблема понимания языка не релевантна вне проблемы понимания мира.

Проблема понимания является главной и в герменевтике, современной трансформацией которой служит филологическая герменевтика Г.И. Богина, утверждающего, что в основе процессов понимания лежит рефлексия, а понимание возможно только благодаря рефлексивной способности человека. Г.И.Богин выделяют три типа понимания: семантизирующее, когнитивное и распремечивающее. Семантизирующее понимание имеет место в любой речевой деятельности и организуется на основе вербальной памяти реципиента, представляя собой декодирование отдельных знаковых единиц текста. Когнитивное понимание представляет собой смысловое понимание текстовых ситуаций, которое организуется опытом знаний реципиента и строится в результате соотнесения текстовых ситуаций с образами реальных ситуаций. Распремечивающее понимание – это более высокий уровень собственно смыслового понимания, связанный с восстановлением ситуаций, с воспроизведением процессов смыслообразования силой рефлексии реципиента с привлечением собственного опыта мышления, в том числе опыта коммуникации [Богин 1984; 1989; 1993] .

Проблема понимания, на наш взгляд, должна ставиться, прежде всего, как проблема понимания мира субъектом на базе сформированной у него концептуальной картины мира.

В художественном тексте, как продукте речевой деятельности, автор определённым образом фиксирует собственную концептуальную картину мира.

Философия вводит понятие концептуальной картины мира в контекст категорий “индивидуальное сознание”, “мышление”, “отражение”, “мировоззрение”, “представление”, “информация”, устанавливая связи с понятиями “язык”, “мысль”, “мир”. В истории лингвистики Л. Витгенштейн понятием “картина” опосредует триаду “язык” – “мысль” – “мир”. В его концепции

картина – это модель, изображение, отображение действительности. Картина реальна, так как представляет собой факт, имеет свою структуру; состоит из мыслей, называемых логическими картинами факта. Языковые выражения являются схематичным выражением мысли, а понимание языковых выражений – это интерпретация, то есть перевод в другие символы по определённым правилам “языковой игры” [Витгенштейн 1994, с. 67-120].

В отличие от Л. Витгенштейна, М. Хайдеггер отождествляет понятие картины и представления. Картина мира – это системное представление действительности, возникающее у субъекта и соотносимое с его опытом. Мирозрение – активное отношение субъекта к миру, оно может включаться в картину мира субъекта. Признание системного подхода картины мира, а также её структурности, продуктивно для изучения сущности индивидуальной концептуальной картины мира.

Современная философия представляет различные трактовки понятия концептуальной картины мира: интегративное образование на базе отражения и информации; модель, изображение, отражение действительности; представление о мире, включающее в себя мирозрение; системное, схематическое образование, упорядочивающее мирозрение. Выделяются следующие сущностные характеристики концептуальной картины мира: реальность, структурность, системность, схематичность, динамичность [Нишанов 1987].

В современной логике наиболее разработанной, на наш взгляд, является теория концептуальной системы и смысла языковых выражений Р.И. Павилёниса. Под концептуальной системой понимается система информации, включающая в себя мнения и знания, которой располагает индивид о мире. Основными свойствами системы признаётся континуальность и последовательность введения концептов. Язык в данной системе является символическим репрезентантом концептуального содержания.

В психологии используется эквивалентный термину “концептуальная картина мира” термин “образ мира” [Павиленис 1983, с. 286].

В лингвистике разными исследователями используются различные термины исследуемого нами понятия “концептуальная картина мира”: концептуальная система, модель мира, образ мира, и другое. В определении лингвистами сущности концептуальной картины мира нет однозначной позиции.

Вследствие различной трактовки понятия концептуальной картины мира выявляется и расхождение в выделении единиц концептуальной картины мира и их определении: концепт – совокупность представлений и образов; понятие в традиционном смысле этого термина - значение и смысл. Возможно выделение двойных единиц концептуальной картины мира: концепт и понятие, значение и смысл.

Важнейшими общепринятыми характеристиками концептуальной картины мира являются целостность, системность, континуальность и динамичность.

Единицей концептуальной картины мира признан концепт, который определяется как комплементарная совокупность всех понятий, смыслов, значений, несущих эмоциональную, ассоциативную, вербальную и иную информацию об объектах.

Концептуальная картина мира может быть определена как система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида.

Исходя из вышесказанного, цель первой главы заключается в исследовании сущности понятия концептуальная картина мира с точки зрения таких наук, как лингвистика, психология, психолингвистика.

Для всестороннего исследования данного понятия в психологическом, лингвистическом, психолингвистическом аспектах необходимо решение следующих задач: определение сущности понятия концептуальная картина мира; выявление основных закономерностей формирования концептуальной

картины мира в деятельности писателя; выявление закономерностей фиксации континуальности содержания концептуальной картины мира.

Такое понимание концепта и концептуальной картины мира имеет методологическое значение при анализе текстов.

Так как концептуальная картина мира автора художественного текста репрезентируется в его деятельности, то на основании языковых репрезентаций возможна реконструкция модели концептуальной картины мира автора текста и представление определённого фрагмента её содержания.

Цель второй главы заключается в моделировании фрагмента концептуальной картины мира Ричарда Олдингтона (на материале романа писателя “Смерть героя”). Посредством концептуального анализа был определён концепт “война” как доминантный.

Цель третьей главы заключается в моделировании фрагмента концептуальной картины мира В.М.Гаршина (на материале произведений писателя).

В исследование включается анализ рассказов В.М. Гаршина. Посредством концептуального анализа произведений писателя выявляется концепт “война” как один из доминантных. Поэтому во второй главе рассматривается смысловая и эмоциональная структура доминантного авторского концепта. Объём материала и объём содержания не позволяют нам развернуть анализ многих других доминантных концептов, представленных в художественных текстах В.М. Гаршина. Указываются только общие связи и отношения некоторых из них с исследуемым нами концептом “война”.

Экспериментальная часть исследования, цель которой – выявление семантико-ассоциативной структуры концепта “война”, включает проведение двух этапов.

Первый этап состоял в предъявлении реципиентам анкет, содержащих фрагменты художественных текстов В.М. Гаршина с целью выявления стратегий понимания ими художественного текста на основе выделения ключевых слов в том или ином рассказе, с их точки зрения.

Отбор материала для анкетирования определялся выделенными в ходе семантико-концептуального анализа доминантными личностными смыслами. Фрагменты текстов раскрывают основное содержание концепта “война”, выявленного в качестве доминантного в произведениях В.М. Гаршина.

Обработка данных первого этапа эксперимента позволила нам в ходе исследования сопоставить доминантные личностные смыслы, выделенные нами и реципиентами. Естественно при этом отмечалась степень адекватности понимания ими смысла фрагментов (понимания – непонимания). Критерием понимания в данном случае служит моделирование текста, фиксирующего доминантное смысловое содержание.

Результаты первого этапа эксперимента показали, что при различии смысловых компонентов структура полей интерпретации, выявленная нами посредством концептуального анализа и выявленная реципиентами в эксперименте, оказывается изоморфной. Это позволило нам сформулировать гипотезу: в процесс понимания включаются все компоненты концепта, актуализация которых происходит на базе имеющихся у индивида ассоциативных связей с тем или иным языковым репрезентантом. Поэтому актуализация даже одного компонента концепта ведёт к восстановлению структуры и содержания концепта в целом, что становится необходимым условием понимания.

Цель второго этапа эксперимента заключалась в исследовании процесса понимания на основе фиксации реципиентами языковых репрезентантов доминантных авторских смыслов. Это позволило сопоставить процесс актуализации доминантных смыслов автором и реципиентами, и выявить структуры и стратегии понимания, осуществляемые реципиентами.

Второй этап эксперимента состоял в предъявлении реципиентам анкет, содержащих те же фрагменты текстов В.М. Гаршина, что и на первом этапе. В текстах были пропущены слова, выделенные реципиентами в ходе первого этапа эксперимента.

Эксперимент показал, что процесс понимания текста представляет собой актуализацию определённого компонента концепта “война” в рамках концептуального поля в целом. При этом доминирующим является только концепт “война”. Интерпретация текста индивидом осуществляется посредством актуализации любого компонента концептуального поля, репрезентированного в рамках данного текста.

В диссертационном исследовании необходимо решение следующих задач:

1. Обосновать необходимость использования психолингвистического подхода к изучению творчества Р.Олдингтона и В.М.Гаршина в качестве вводной теоретической базы в данном исследовании.
2. Представить модели доминантных личностных смыслов фрагмента концептуальной картины мира Р.Олдингтона и В.М.Гаршина.
3. Представить модель фрагмента концептуальной картины мира Р.Олдингтона.
4. Представить модель фрагмента концептуальной картины мира В.М.Гаршина.
5. Экспериментально верифицировать структуру и содержание доминантного концепта “война” в концептуальной картине мира В.М. Гаршина.
6. Экспериментально выявить семантико-ассоциативную структуру концепта “война”.

Специфика целей и задач, поставленных в настоящей работе, потребовала использования следующих методов и приёмов исследования:

- концептуального (выделение доминантных личностных смыслов автора художественного текста);
- компонентного;
- экспериментального (выявление содержания доминантных концептов и закономерностей их фиксации в художественном тексте);

- статистического (обработка данных, полученных в процессе экспериментальной работы).
- полевого (выделение лексико-семантических полей).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка исследования творчества Р.Олдингтона и В.М.Гаршина в психолингвистическом аспекте, в выявлении авторской репрезентации концептуальной картины мира, доминантного концепта “война” и его семантико-ассоциативной природы. Экспериментальное исследование позволило выявить механизм моделирования семантико-ассоциативной структуры концепта “война”.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении доминирующего в творчестве Р.Олдингтона и В.М.Гаршина концепта “война”, его семантико-ассоциативной структуры и всех компонентов этого концепта. Такой подход помогает создать определённую методику интерпретации текстов писателей, что важно при обучении учащихся средних школ пониманию творчества писателей. Материалы исследования могут быть использованы в разработке методических рекомендаций для учителей средних школ, студентов и аспирантов филологических факультетов, а также научных работников, интересующихся поднятыми в работе проблемами.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концептуальная картина мира писателя как проявление авторского сознания отражена в его творчестве с особым авторским мировидением, анализ которого возможен только через вербально оформленные авторские тексты, представляющие собой совокупность специальных единиц и приемов.
2. Для творчества Олдингтона и Гаршина организующим центром авторского сознания является концепт “война”.

3. Способы вербальной репрезентации авторского сознания по одной и той же теме “война” частично совпадают и частично различаются у двух разных авторов, например, Гаршина и Олдингтона.
4. Доминантный концепт “война” в произведениях этих писателей представляет собой сложную модель семантико-ассоциативной структуры в связи с их трагическим видением войны.
5. Концепт “война” включает в свою семантику вариативные компоненты, отражающие негативные различные стороны реального видения войны, взаимодействие которых друг с другом отражает динамику темы трагического в творчестве этих писателей.

Апробация работы. Основные положения исследования в виде докладов, выступлений, сообщений излагались на Всероссийской научно-практической конференции “Проблемы формирования культуры и нравственности в современных социокультурных условиях” (г. Барнаул); на Международной конференции “Социально-экономические проблемы образования в Западно-Сибирском регионе России” по международной программе ЮНЕСКО “Образование в поликультурном обществе” (г. Барнаул); на Всероссийской научно-практической конференции “Православие, современное образование и культура” (г. Барнаул); на Международном симпозиуме “Языковая ситуация в России конца 20 века” (г. Кемерово); на Всероссийской научно-практической конференции “Концептуальная картина мира и интегративное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики” (г. Барнаул); на Всероссийском научно-практическом семинаре “Проблемы прикладной лингвистики” (г. Пенза); на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием “Язык образования и образование языка” (г. Великий Новгород); на Региональной научной конференции “Наука. Техника. Инновации” (г. Новосибирск).

По теме исследования имеется 14 публикаций.

Структура работы. Специфика исследования обусловила структуру диссертации, которая состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, Библиографического списка, Приложения.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА

1.1 Лингвистический аспект исследования сущности концептуальной картины мира

Содержание понятий “концептуальная картина мира”, “картина мира”, “модель мира”, “образ мира”, “языковая картина мира” рассматривается в рамках различных наук: философии, логики, психологии, лингвистики, психолингвистики. В диссертационных работах последних лет рассмотрены самые разнообразные точки зрения на понятие “картина мира”. Цель главы заключается в выявлении роли понятия “концептуальная картина мира” при решении проблемы смысла языковых единиц поля “трагическое” в художественном тексте.

В. фон Гумбольдт рассматривал проблему содержания языка и мышления с точки зрения “языкового мировоззрения”, полагая, что “язык - это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека” [Гумбольдт 1984, с. 47].

Доказывая связь языка и мышления, В. фон Гумбольдт писал, что “язык - орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль” [Гумбольдт 1984, с. 78]. По Гумбольдту, слово заключает в себе конвенциональное содержание и субъективные представления носителя языка. Поэтому субъективное начало воздействует на язык, представляя свое мировоззрение.

Л.Вайсгербер, продолжая исследования, выдвигает определение “языкового содержания” как “духовной стороны единиц языка”. Следовательно, “совокупность духовных объектов и образует промежуточный мир, а картина мира строится как сумма языковых вмешательств” [Баранов 1990, с. 457].

Л.Витгенштейн вводит термин “картина мира” в научный обиход. “Картина – модель действительности. Картина соответствует или не соответствует действительности; она верна или неверна, истинна или ложна. То, что картина изображает, – ее мысль. Мысль – логическая картина факта” [Витгенштейн 1994, с. 8,10].

Следовательно, “картина мира”, по Витгенштейну, является синонимом отечественному психологическому термину “образ мира” [Леонтьев 1983]. На наш взгляд, интересно одно замечание Л.Витгенштейна: “Невыразимое (то, что кажется мне полным загадочности и не поддается выражению), пожалуй, создает фон, на котором обретает свое значение все, что я способен выразить” [Витгенштейн 1994, с. 427]. Это утверждение находит продолжение в концепции неявного знания М.Полани [Полани 1985].

Особенность подхода М.Полани к проблеме познания определяется тем, что он одним из первых стал изучать роль неконцептуализированных форм передачи знания, где логико-вербальные формы играют вспомогательную роль средств в коммуникативном взаимодействии. М.Полани создает концепцию, используя термин “личностное знание”, имея в виду неявное знание. Основой концепции М.Полани является утверждение о существовании двух типов знания: центрального, или явного, эксплицируемого, и периферийного, неявного, скрытого, имплицитного. Имплицитный элемент познавательной активности субъекта трактуется как необходимое основание логических форм знания. Согласно концепции М.Полани, в каждом познавательном акте активность субъекта направлена либо непосредственно на объект, либо на систему, включающую этот объект в качестве элемента. Понятие неявного знания включает в себя не только периферическое знание элементов некоторой целостности, но и те интегративные процессы, посредством которых оно включается в центральное. Таким образом, процесс познания предстает как постоянное расширение рамок неявного знания с параллельным включением его компонентов в центральное, фокальное знание.

М.Полани утверждает, что получаемая через органы чувств информация значительно богаче той, что проходит через сознание. Неосознанные ощущения и образуют эмпирический базис неявного знания. По мнению М.Полани, раскрыть содержание понятия неявного знания мешает трудность семантического характера, обусловленная гносеологической природой этого типа знания как подразумеваемого. В связи с этим М.Полани говорит о функциональном аспекте этого понятия и дает его операциональное определение: “Надо иметь в виду три момента: данный текст, концепция, содержащаяся в нем, опыт, к которому эта концепция относится. Высказывая суждение, мы делаем попытку согласовать друг с другом эти три момента” [Полани 1985, с. 140]. На наш взгляд, понятие неявного знания соотносится с понятием фонового знания, которое может иметь разную онтологию. Оно может быть знанием, основанным на субъективных перцептивных ощущениях, происходить от особенностей характера мировосприятия субъекта, но так же иметь культурологическую природу, зависеть от стереотипов, выработанных обществом.

В психолингвистике концепция неявного знания соотносима с понятием концепта. Онтология неявного знания перекликается с довербальным этапом становления концептуальной системы Р.Й.Павилениса. Триада “концепция – опыт - текст” фактически представляет триаду “мотив – речевая деятельность - текст”, но в более усовершенствованном виде, так как отечественная психолингвистика и психология, начиная от Л.С.Выготского, выделяют комплекс этапов от мотива до речевой деятельности.

В концепции М.Полани для нас важна идея нелогизированного, периферического знания, к которому относится и трагическое. На наш взгляд, переход трагического из неявного знания в фокальное рождает различные его составляющие: скорбь, ужас, гибель.

Широкое освещение получил вопрос соотношения логической и языковой картины мира. Исследователи этого направления Э.Сепир и Б.Уорф

развивали тезис о том, что содержание мышления предопределяется языком, на котором говорит человек.

Э.Сепир говорит о том, что “в языке постоянна лишь его внешняя форма; внутреннее же его содержание, его психическая значимость или интенсивность меняются в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности, а также, разумеется, в зависимости и от общего умственного развития. С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью” [Сепир 1993, с. 36].

Продолжая развитие положений, выдвинутых Э.Сепиром, Б.Уорф заключает: “Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны: напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован в нашем сознании” [Уорф 1992, с. 174].

Положение о том, что язык предопределяет восприятие мира, и язык содержит в своей структуре присущую определенному обществу концепцию деятельности, составляет основу гипотезы лингвистической относительности, согласно которой картина мира сводится к языковой картине мира.

Г.А.Брутян, подвергая критике гипотезу лингвистической относительности, обосновывает принцип лингвистической дополненности. Согласно исследованиям Г.А.Брутяна “знания, в периферийных участках языковой модели мира, являются дополнительной информацией об окружающей нас действительности, варьируются от языка к языку” [Брутян 1973, с. 85]. Он утверждает, что составляющими картины мира являются концептуальная и языковая модели. В концептуальную модель мира включается знание, которое выступает как результат мыслительного и чувственного познания. В языковую модель мира входит информация о внешнем и внутреннем мире, за-

крепленная средствами языка. При соотношении концептуальной модели мира и языковой модели мира формируются понятийные категории. Информация же, находящаяся за пределами концептуальной модели мира, варьируется от языка к языку. Языковая модель мира расширяет концептуальную модель мира.

По определению Г.В.Колшанского: “Язык выступает формой овладения мира, но не формой особого мира. ... Нельзя говорить отдельно о языковом сознании, отдельно о языковом третьем мире и отдельно о языковой картине мира” [Колшанский 1990, с. 16].

По проблеме языковой картины мира не выработано общей точки зрения. Г.В.Колшанский акцентирует внимание на условности определения “языковая картина мира”, поэтому мы считаем, что в связи с этим следует говорить о концептуальной картине мира.

По Г.В.Колшанскому, в формировании картины мира язык выступает формой выражения мыслительно-абстрактного содержания [Колшанский 1990, с. 25]. Из этого следует, что картина мира - это “идеальное представление всей взаимосвязанности объективных предметов, соответственно существующих в такой же сложной сети взаимосвязей в мире понятий”, формой ее существования признается “абстракция в виде понятий и их отношений” [Колшанский 1990, с. 23]. Следовательно, понятие является элементом концептуальной картины мира. Но Г.В.Колшанский не раскрывает сущности понятия как единицы концептуальной картины мира.

Т.В.Цивьян оперирует понятием “модель мира”, которая понимается как “сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте”, “мир” как “человек и среда в их взаимодействии...” [Цивьян 1990, с. 5]. В этом определении Т.В.Цивьян говорит о сумме представлений о мире и о системности модели мира. Язык определяется как нечто внешнее по отноше-

нию к модели мира, как самостоятельный символический код, которым может быть зафиксирована вся модель мира.

По мнению Б.А.Серебренникова, языковая картина мира не является тождественной картине мира, потому что “язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым образом” [Серебренников 1988, с. 6].

Для авторов сборника “Текст как отображение картина мира” модель мира - это “продукт отражательной способности мышления” [Серебренников 1988, с. 3]. Однако сущность термина в данной работе не раскрывается.

И Э.Д.Сулейменова утверждает, что картина мира “создается благодаря познающей деятельности человека и отражающей способности его мышления” [Сулейменова 1989, с. 125]. Исследователь полагает, что создание картины мира обусловлено познавательной деятельностью человека и отражающей способностью его мышления.

По определению А.А.Стриженко, “в произведениях художественной литературы отражается особое видение автором мира и отношений между людьми, оно проявляется в стилизованном описании кинетического поведения (сопровождающего речевой акт), способствующего более полной эстетической информации в художественном произведении, более полному восприятию и декодированию вербальной информации. Выбор средств репрезентации картины мира определяется личностью автора” [Стриженко 1980, с. 216]. Из этого определения следует, что сумма языковых представлений автора о мире, репрезентируемая в особом, кодированном виде для дальнейшего индивидуального декодирования вербальной информации, и восприятие мира в целом зависит от параметров личности писателя, его образования, знаний, культуры, воображения.

Для Е.С.Кубряковой картина мира - это “сумма значений и представлений о мире, упорядоченных в голове человека по самым разным основаниям и объединенных в известную интегральную систему” [Кубрякова 1988, с. 141]. Подразумевается сумма языковых значений, функционирую-

щих в языковой картине мира, представления о мире, подчеркивается их упорядоченность по самым разным основаниям, объединенность в интегральную систему. Концептуальная система (этот термин употреблен как эквивалент термина “картина мира”) - это динамическое образование в сознании человека, служащее обработке информации о мире и одновременно накапливающее эту информацию в обобщенном виде...” [Кубрякова 1988, с. 142]. В этом определении Е.С.Кубрякова выделяет такие параметры, как динамичность и системность “динамического образования в сознании человека”, не определяя сущности терминологического словосочетания “динамические образования”. Е.С.Кубрякова считает, что “концепты, образы, представления, известные схемы действия и повеления” [Кубрякова 1988, с. 141] являются субстратом системы. В качестве элемента концептуальной системы она выделяет концепт, включающий в себя “разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия” [Кубрякова 1988, с. 143]. Такая позиция не дает точного определения понятия “концепта”: концепт является и субстратом и элементом; определение исключает из картины мира единичное перцептивное.

Интересной представляется модель Е.И.Ярославцевой и А.И.Новикова, основанная на семантическом треугольнике Огдена-Ричардса. Исследователи, моделируя речемыслительные процессы, разграничивают три сферы семантического означивания: сферу реалий, концептуальную сферу и сферу языка. По их мнению, “такой прием при моделировании вполне допустим и находится в русле современной тенденции рассматривать процесс порождения и восприятия речи как цепочку последовательных переходов от одного уровня представления (осмысления) информации к другому” [Ярославцева 1990, с. 65]. Признавая ограниченность такой модели, ученые допускают ее использование, например, для машинной обработки. На наш взгляд, рассмотрение процессов порождения и восприятия речи как цепочки последовательных переходов от одного уровня к другому противоречит положению об ин-

тегративной функции мозга, поэтому представляемая модель даже с условием ограничения ее использования не может отражать сущности исследуемого объекта.

Три сферы семантического означивания разграничиваются по аналогии с тремя сторонами классического семантического треугольника. “В сфере реалий происходит соотнесение означающего с совокупностями предметов и явлений реального мира” [Ярославцева 1990, с. 68]. Единицами этой сферы служат реалии – “субъективные образы предметов и явлений реальной действительности” [Ярославцева 1990, с. 69]. Подчеркивается, что реалии “отражают объективные свойства предметов” и одновременно “существенны для восприятия их субъектом в данной ситуации” [Ярославцева 1990, с. 69]. При таком понимании невозможно включение в сферу реалий отвлеченных понятий, они выделяются в концептуальной сфере. Главной особенностью сферы реалий является то, что в ней фиксируются исключительно динамические знания. Статические же знания или модель становятся шагом “на пути к концептуализации, т.е. перехода в концептуальную сферу...” [Ярославцева 1990, с. 70].

“Концептуальная сфера - это область семантического означивания, в которой происходит соотнесение означающего с единицами области знаний, выступающих в качестве элементов концептуальной модели действительности” [Ярославцева 1990, с. 70]. Единицей данной сферы признается концепт, который на базе понятия, называемого в философии дифференциально-общим, а в лингвистике - десигнатом. Концепт в понимании Е.И.Ярославцевой и А.И.Новикова- это “выработанная общественной практикой совокупность существенных и специфических свойств предметов, отличающих их от других предметов. Концепт ... будет той частью понятия, которая является общей для некоторого числа носителей языка и находится в отношениях оппозиции с другими концептами...” [Ярославцева 1990, с. 72].

В концептуальной сфере допустимо использование модели, т.е. “совокупности концептов и связывающих их отношений” [Ярославцева 1990, с. 72]. Характеристиками концепта являются “включенность в определенную тематическую область и синхронность представления” [Ярославцева 1990, с. 72]. Чтобы избежать противоречия между статическим знанием и непрерывностью формирования концептов, Е.И.Ярославцева и А.И.Новиков вводят понятие “умственной ситуации”, которую составляют динамические знания и которая строится на основе “полученных в результате концептуализации внешних (реальных) ситуаций” [Ярославцева 1990, с. 73]. При переходе от сферы реалий к концептуальной сфере “происходит подстановка элементов концептуальной сферы на место элементов сферы реалий и наложение логических отношений на предметные” [Ярославцева 1990, с. 75].

“Сферы языка - это область семантического означивания, в которой означающее соотносится с совокупностями элементов системы языка, имеющих определенную внутрисистемную значимость и организованных (представленных) в виде текстовой ситуации” [Ярославцева 1990, с. 76]. Отмечая несоответствие между моделью языка (“проекция концептуальной модели в сферу языка” [Ярославцева 1990, с. 77]) и концептуальной моделью, исследователи считают, что элементы модели языка отражают “в сфере языка любые, в том числе и новые концепты и отношения между ними, т.е. динамические знания” [Ярославцева 1990, с. 77]. В сфере языка также выделяется область, связанная с динамическими знаниями. Это текстовая ситуация, “являющаяся языковым выражением умственной ситуации” [Ярославцева 1990, с. 77]. Говоря о соотношении единиц концептуальной сферы и сферы языка, авторы подчеркивают, что “логическая связь концептов и концептуальной модели проецируется в модель языка как ассоциативное отношение слов, связанных с этими концептами когнитивными отношениями” [Ярославцева 1990, с. 80].

На наш взгляд, искусственное разделение трех сфер семантического означивания не может быть использовано в анализе порождения и восприятия речи, т.к. невозможно отграничение друг от друга и отдельное изучение каждой сферы, как и оперирование гетерогенными единицами при изучении целостного объекта, каким является концептуальная картина мира, ибо неясно, как же в таком случае будет осуществляться взаимосвязь выделенных сфер. В сфере языка выражается концептуальная сфера, языковые единицы репрезентируют концепты, а текстовая ситуация - умственную ситуацию. Определить же, каким образом "происходит подстановка элементов концептуальной сферы на место элементов сферы реальных", практически невозможно.

* * * * *

В рамках лингвистического подхода к изучению соотношения концептуальной картины мира и языковой картины мира наукой разработаны следующие основные положения: под языковой картиной мира понимается совокупность знаний человека о мире; в состав концептуальной картины мира входит языковая картина мира; выделяются структуры прямо и опосредованно связанные с языком.

1.2 Психолингвистический аспект исследования сущности концептуальной картины мира

В психолингвистике понятие концептуальной картины мира имеет термин “образ мира”, который определяется как “отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии” [Леонтьев 1993, с. 18]. Такое понимание “образа мира” берет свое начало именно в работах А.Н. Леонтьева.

А.Н.Леонтьев выделил “составляющие” “образа мира”, к ним он отнес “психологическое значение” и “личностный смысл”. “Психологическое значение” характеризуется как “обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или ... “образа действия”, нормы поведения” и т.п. [Леонтьев 1983, с. 242]; “личностный смысл”- как “личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях” [Леонтьев 1977, с. 147].

Учитывая существование феноменов психологического значения и личного смысла, А.А.Леонтьев предлагает различать наряду с “индивидуальными вариантами образов мира” и систему “инвариантных” образов мира, точнее – абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотношен со значениями и другими социально - выработанными опорами ..., а не “с личностно-смысловыми образованиями” [Леонтьев 1993, с. 19].

Мы считаем замечание очень важным. Такой подход к исследованию образа мира может быть использован при изучении особенностей национальной литературы и культуры.

Некоторые ученые, например, Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина объединяют индивидуальные и инвариантные образы мира термином “макрокартина мира”, которая рассматривается с точки зрения лингвокультурной специ-

фичности как “совокупность этнических социоментальных макрокартин мира (вариантов), в совокупности составляющих инвариант (макрокартину) образа мира во всем его многообразии и сложности” [Сорокин 1989, с. 18].

В этом определении идет речь о существовании общей национальной картины мира. Проблема ее реконструкции наиболее сложна и неопределенна.

В этой связи Е.Ф. Тарасов отмечает, что понимание текста представляет собой – восстановление по тексту внетекстовой реальности, которое зависит от социальных знаний индивида: соотнесение текста с деятельностью подразумевает адекватное восприятие смысла. При этом критерием адекватности восприятия и понимания текста становится общность моделей ситуации у коммуникантов [Тарасов 1981, с. 111].

Мы считаем, что для целей нашего исследования важно утверждение А.А. Залевской об учете индивидуальной картины мира в процессе понимания: “Возможность построения мыслительного содержания, соответствующего идентифицируемому тексту, базируется на феномене “высвечивания” в сложившейся в индивидуальном сознании “картине мира” оснований для реконструкции и оценки смысла сообщения, передаваемого посредством текста” [Залевская 1987, с. 24-29]. На наш взгляд, установление жестких границ между адекватным и неадекватным пониманием не продуктивно.

В психолингвистике предпринимаются попытки определения сущности концептуальной картины мира. Так, В.А.Пищальникова, анализируя работы Р.Й.Павилёниса, касающиеся его взглядов на концептуальную картину мира, делает следующий вывод: “Усвоенные субъектом значения слов и других содержательных единиц языка включаются в соответствующий концепт системы в качестве одного из его составляющих и способны наряду с другими составляющими концепта (визуальными, слуховыми и т.п.) представить концепт в целом. Поэтому восприятие языкового знака актуализирует субъективную образную, понятийную, эмоциональную информацию, содержа-

щуюся в концепте, и наоборот, любой вид такой информации может быть ассоциирован со знаком” [Пищальникова 1992, с. 38].

Из этого определения следует, что язык является одним из компонентов концепта. В свою очередь концепт следует понимать как образующую сознания, объединяющую возможные характеристики объекта: визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта. Обосновывается и характеристика картины мира: “Континуальная система смыслов, структурирующаяся в деятельности индивида в результате присвоения им конвенционального опыта, перцептивных процессов и собственно рефлексии мышления” [Пищальникова 1998, с. 72].

Для Л.М.Босовой концептуальная картина мира – это “система информации об объектах актуально и потенциально представленная в деятельности индивида. Единицей информации такой системы является концепт, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира” [Босова 1998, с. 57].

Из этого определения следует, что концептуальная картина мира – это упорядоченная система информации об объектах; система существует в деятельности индивида; единицей информации системы является концепт; функции концепта упорядочены, исходя из содержания объектов действительности.

К некоторым вышеупомянутым определениям концептуальной картины мира близко определение, данное Шварко, которая считает, что концептуальная картина мира – это “система концептов индивида, создающаяся и проявляющаяся в его деятельности, направленная на образование личностных смыслов и на присвоение психологических значений” [Шварко 1995, с. 57].

Л.И.Шварко определяет деятельностный характер концептуальной картины мира; акцентирует внимание на процессе образования личностных смыслов на основе присвоения психологических значений (психологическое значение и является личностным смыслом). Концептуальная картина мира индивида, в таком случае, представлена как система личностных смыслов, однако полностью не исчерпывающая содержания концептуальной картины мира.

Этот подход перекликается до некоторой степени с подходом Т.А.Голиковой, для которой концептуальная картина мира – это “система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида. Единицей информации такой системы служит концепт, функция которого заключается в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира” [Голикова 1996, с. 52].

На наш взгляд, из этого определения следует, что концептуальная картина мира – это информационная система; определен деятельностный характер концептуальной картины мира; единицей информационной системы определен концепт; упорядочены и функции концепта, исходя из содержания объектов действительности.

Другой подход к определению концептуальной картины мира у Н.Л.Дмитриевой, для которой модель мира (= концептуальная картина мира-О.Г.) “содержит программу действий в отношении данного явления” [Дмитриева 1996, с. 11].

На наш взгляд, определение понятия модели не конкретизировано, непонятно, что имеется в виду под программой конкретных действий.

Следует отметить, что практически все исследователи в определении концептуальной картины мира выделяют следующие составляющие концеп-

туальной картины мира: деятельностную природу и мировидение, как сумму представлений и знаний о мире, отражающую способность мышления.

Мы считаем, что важнейшими признаками концептуальной картины мира являются целостность, системность, континуальность, динамичность. Единицей концептуальной картины мира, мы считаем, следует признать концепт, который мы определяем как комплементарная совокупность всех понятий, смыслов, значений, несущих эмоциональную, ассоциативную, вербальную и иную информацию об объектах. Концептуальная картина мира может быть определена как система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида. Мы считаем, что такое понимание концепта и концептуальной картины мира имеет методологическое значение при анализе текстов.

Изучив литературу по данному вопросу, мы пришли к выводу, что, на наш взгляд, объективное определение концептуальной картины мира было дано Р.Й.Павилёнисом, для которого концептуальная система (= концептуальная картина мира – О.Г.) – это “непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире” [Павиленис 1983, с. 80]. Это определение в большей степени отражает непрерывность, динамичность и развитие системы информации, а значит и ее развитие.

Элементом концептуальной картины мира является концепт, структура которого, согласно современным психолингвистическим исследованиям выглядит следующим образом:

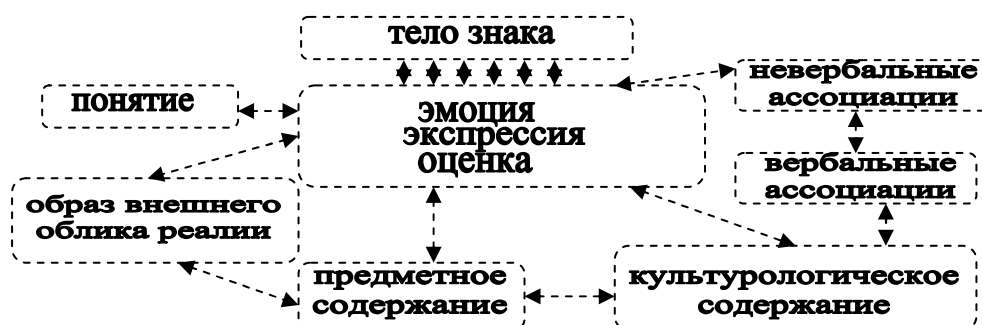

Рис.1

Обобщим самые существенные характеристики концептуальной картины мира (концептуальной системы, картины мира, модели мира, образа мира), сложившиеся в лингвистике и психолингвистике: анализ качественного состава концептуальной картины мира; характера представления и хранения знаний о мире; способа формирования значений; приобретения информации о мире.

Выделены такие параметры концептуальной картины мира, как континуальность, системность, динамичность. К ним можно было бы добавить изменчивость и обновление, которые вытекают из континуальности и динамичности. В систему информации всегда встраивается новая информация, без чего невозможно развитие общества. В связи с тем, что индивид способен освоить определенный запас информации и способен принимать и интерпретировать новую информацию на основе уже усвоенной информации, у него не возникает искаженной концептуальной картины мира.

При разных подходах могут быть выявлены следующие терминологические расхождения в определении единиц концептуальной картины мира: концепт; понятие; смысл; значение; концепт и понятие; смысл и значение.

“Трагическое” можно рассматривать как компонент концептуальной картины мира автора текста, который изучается в рамках текста, содержащего трагическое, с двух сторон: выявление роли “трагического” в структуре концептуальной картины мира писателя и в восприятии авторских смыслов читателем. Последнее можно установить только экспериментальным путем, а определение роли трагического возможно на основе исследовательского реконструирования фрагмента концептуальной картины мира писателя, репрезентированного текстом.

Используя определение концептуальной картины мира как системы информации, “трагическое” может быть отнесено к модальным категориям. “Трагическое” реляционно, по М.М.Бахтину, выражает: несоответствие ожи-

даемого и существующего, возвышенного и реального и т.д. На наш взгляд, “трагическое” в концептуальной картине мира писателя может иметь различные функции: быть средством репрезентации личностного знания либо отношения, быть средством социальной регуляции потребностей и деятельности писателя и способом познания окружающей действительности. Поэтому динамичность трагического основана на том, что трагическое фиксирует отношения между субъективной и интерсубъективной частью концептуальной картины мира автора, в психолингвистическом плане – это противопоставление значения смыслу, в результате чего и появляется новый смысл – трагический.

Реляционность как форма авторского отношения представлена в репрезентациях языковых средств, относящихся к лингвистическому, психологическому, культурному уровням текста.

Являясь репрезентантом фрагмента концептуальной картины мира писателя, трагическое закрепляет, как смысловое единство, противопоставленность конвенционального и личностного в концептуальной картине мира. Поэтому трагическое и является способом организации концептуальной картины мира писателя (индивида).

В процессе репрезентации трагического доминантного личностного смысла происходит процесс образования вторичного смысла между концептуальной картиной мира писателя и языковыми репрезентациями. На наш взгляд, характеристика вторичности наиболее полно была дана М.М.Бахтиным: “последняя смысловая инстанция творящего может непосредственно выразить себя в прямом, непреломленном, безусловном авторском слове. Когда нет своего собственного “последнего” слова, всякий творческий замысел, всякая мысль, чувство, переживание должны преломляться сквозь среду чужого слова, чужого стиля, чужой манеры, с которыми нельзя непосредственно слиться без оговорки, без дистанции, без преломления” [Бахтин 1994, с. 57-58].

“Трагическое” есть лингвистическая и когнитивная структура одновременно, так как языковые репрезентации являются компонентами в структуре трагического смысла, языковая актуализация компонентов смысла происходит на уровне несоответствия конвенциональных значений (понятий) и конвенционального понятия и личностного смысла. Трагическое показывает нерасчлененность в концептуальной картине мира писателя языкового и когнитивного компонента.

Суммирование актуальных компонентов концептов временной функциональной системы – принцип репрезентации трагического доминантного личностного смысла. При восприятии текста восстанавливается функциональная система, организующая разнонаправленные компоненты смысла, то трагическое структурирует концептуальную картину мира воспринимающего.

Смысловые отношения можно представить в виде следующей модели:

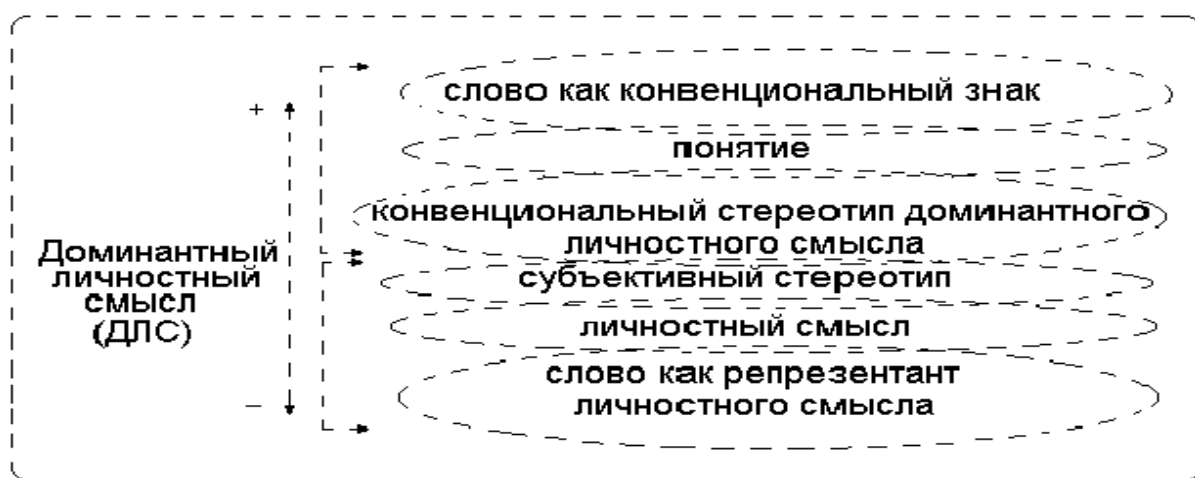

Рис.2

Представленная модель закрепляет структуру концепта, репрезентирующего трагический доминантный личностный смысл.

Эту модель можно представить и в виде схемы:

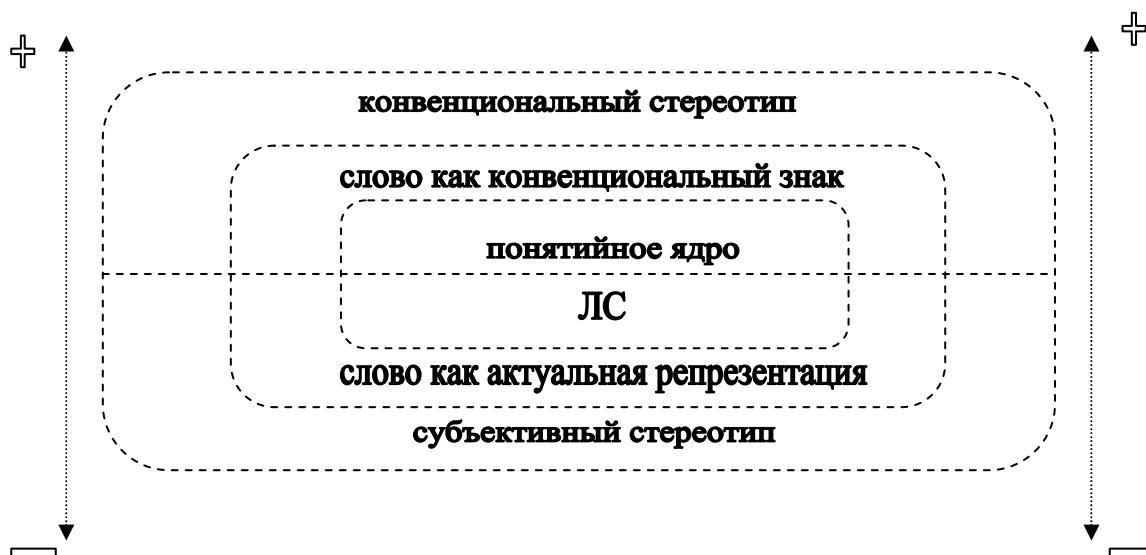

Рис.3

В структуру концепта входит субъективный, конвенциональный стереотип (Дмитриева Н.Л.), который был определен Дмитриевой Н.Л. как “когнитивная структура с фиксированной оценкой представляемого значения. Функционирующая в качестве психологического механизма стабилизации социально значимой деятельности” [Дмитриева 1996, с. 15].

Итак, трагическое есть лингвоментальная психолингвистическая категория. Трагический аспект художественного текста является системой мировидения и миропорождения автора, репрезентантом концептуальной картины мира автора, поэтому трагическое, как компонент этой системы, фиксируется в доминантном личностном смысле, представленном в данном тексте.

К подобным выводам в исследовании комического смысла приходит Т.Г.Утробина в работе “Экспериментальное исследование языковых репрезентаций комического смысла”. Для неё комическое реляционно, комическое

является компонентом концептуальной картины мира писателя, лингвоментальной психолингвистической категорией.

“Трагическое” затрагивается в данной работе постольку, поскольку оно формируется в результате взаимодействия различных компонентов доминантного концепта “война”, и при анализе взаимодействия этих смыслов мы показываем, как создаётся трагический фон в произведениях В.М.Гаршина.

ГЛАВА 2 . МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА РИЧАРДА ОЛДИНГТОНА

Концептуальная картина мира писателя репрезентируется в процессе его деятельности, поэтому на основе языковых репрезентаций мы можем реконструировать модель концептуальной картины мира автора художественного текста, описать конкретные составляющие её содержания. Цель главы заключается в моделировании фрагмента концептуальной картины мира Ричарда Олдингтона. Поставленная цель определяет задачи: выявление и описание смысловой структуры фрагмента концептуальной картины мира писателя.

Исследуется роман Ричарда Олдингтона “Смерть героя”, опубликованный в сборниках произведений писателя: Richard Aldington “Death of hero”. – Moscow, 1985.

“Бегство”, “беда”, “брань”, “бойня”, “веселье”, “вздор”, “вероломство”, “время”, “герой”, “действие”, “землетрясение”, “избавление”, “крушение”, “кровь”, “ложь”, “мир”, “мёртвые”, “неизбежность”, “очищение”, “оправдание”, “память”, “поколение”, “преступление”, “пытка”, “равнодушие”, “развлечение”, “смерть”, “списки”, “страдание”, “судьба”, “убитые”, “ужас”, “ущерб”, “утрата” и т.д. – являются основными инвариантными концептами, выявленными посредством концептуального анализа романа, обозначающие трагические явления и эмоциональные состояния, формирующие трагическое, где концепт “война” установлен как один из доминантных.

В романе “Смерть героя” (1929) концепт “война” может быть выявлен через противопоставление концепту “утрата – память - совесть”. Этот роман – исследование писателя, что есть война в жизни одного поколения одной страны; расследование одной из многочисленных смертей, произошедших на поле боя. Это автобиографический роман, роман – документ.

Писатель размышляет о судьбе своего поколения, “whose early manhood coincided with the European War. A great number of the men of our generation died prematurely. We are unlucky or lucky enough to remain” [Aldington 1985, с. 14] (war – “(state of) fighting between nations using military force” [OALEД 1992, с. 1018]; generation – “all people born at about the same time” [OALEД 1992, с. 374]). Поэтому его роман – это “this book is really a threnody, a memorial in its ective way to a generation which hoped much, strove honestly, and suffered deeply” [Aldington 1985, с. 15] (threnody – “song or lamentation; funeral song” [CED 1972, с. 1051]; memorial – “a monument with the names of men killed in war” [CED 1972, с. 613]).

Роман начинается с описания событий далёких от войны: “The casualty lists went on appearing for a long time after the Armistice – last spasms of Europe’s severed arteries” [Aldington 1985, с. 16] (casualty list – “a list of soldiers or sailors who are killed, wounded, or missing” [CED 1972, с. 147]). Автора, прошедшего войну, поражает общественное равнодушие, индифферентность как само собой разумеющееся: “Of course, nobody much bothered to read the lists. Why should they? The living must protect themselves from the dead, especially the intrusive dead” [Aldington 1985, с. 16] (the dead – “no longer living, all those who have died or been killed” [CED 1972, с. 250]). И никто не задумался о том, что “the twentieth century had lost its Spring with a vengeance” [Aldington 1985, с. 16]. В одном из списков “Under the heading ‘Killed in Action’ ” [Aldington 1985, с. 16] сообщалось о смерти героя романа: “Winterbourne, Edward Frederick George, A(Capt., 2)9 Battn. R. Foddershire Regt.” [Aldington 1985, с. 16] (action – “fighting in battle between troops” [OALEД 1992, с. 9]). Но почему-то “the small interest created by this item of news and the rapidity with which he was forgotten would have surprised even George Winterbourne; and he had that bottomless cynicism of the infantry subaltern which veiled itself in imbecile cheerfulness. ... But ... he had rather relied on four people to take some interest in him and his fate. They were his father and mother, his wife and his mistress.

If he had known what actually occurred with these four at the news of his death he would have been a little shocked, as well as heartily amused and perhaps a bit relieved. It would have freed him from certain feelings of responsibility” [Aldington 1985, с. 17] (fate – “person’s destiny or future”; “death or destruction” [OALEД 1992, с. 324]; death – “dying or being killed”; “end of life; State of being dead” [OALEД 1992, с. 232]; responsibility – “being morally obliged and liable to be blamed if one fails” [OALEД 1992, с. 771]). Джордж Уинтерборн был удостоен только нескольких слов: “A clean sportin’ death, an Englishman’s death” [Aldington 1985, с. 19], которые произносили, видимо, всегда в подобных ситуациях. Например, Элизабет, получив скорбную телеграмму, даже не расстроилась, потому что уже давно “George was a drab bird from a drab past” [Aldington 1985, с. 31] (past – “things that happened in an earlier time”; “person’s life and experience” [CED 1972, с. 711]).

И вновь автор задаётся тревожащим его существово вопросом: “What can we do?”. И сам пытается найти ответ: “Atonement – how can we atone? How can we atone for the lost millions and millions of years of life, how atone for those lakes and seas of blood? Something is unfulfilled, and that is poisoning us. It is poisoning me, at any rate, though I have agonised over it, as I now agonise over poor George, for whose death no other human being has agonised. What can we do? Headstones and wreaths and memorials and speeches and the Cenotaph – no, no, it has got to be something in us. Somehow we must atone to the dead – the dead, murdered, violently-dead soldiers. The reproach is not from them, but in ourselves. Most of us don’t know it, but it is there, and poisons us. It is the poison that makes us heart-less and hopeless and lifeless – us the war generation, and the new generation too. The whole world is blood-guilty, cursed like Orestes, and mad, and destroying itself, as if pursued by an infinite legion of Eumenides. Somehow we must atone, somehow we must free ourselves from the curse – the blood-guiltiness. We must find – where? how? – the greater Pallas who will absolve us on some Acropolis of Justice. But meanwhile the dead poison us and those who come after

us” [Aldington 1985, с. 36] (atonement – “compensation for a previous wrong, error” [OALEД 1992, с. 52]; blood – “red liquid flowing through the bodies of humans and animals” [OALEД 1992, с. 94]; headstone – “stone set up at the head of a grave” [CED 1972, с. 459]; wreath – “flowers or leaves twisted or woven together into a circle placed on a coffin, a grave, a memorial of the dead” [CED 1972, с. 1163]; reproach – “a scolding or upbraiding; a thing bringing discredit” [PED 1990, с. 439]; poison – “substance causing death or harm if absorbed by a living thing” [OALEД 1992, с. 689]; curse – “cause of misfortune or ruin” [OALEД 1992, с. 222]; blood-guiltiness – guilt – “blame or responsibility for wrongdoing”; “anxiety or unhappiness caused by the knowledge of having done wrong” [OALEД 1992, с. 404]).

Автор хочет разобраться в катастрофе двадцатого века. Ему важно понять, какие силы обрекли молодого человека Джорджа Уинтерборна на бесцельные муки, подорвали в нём волю и толкнули к пропасти – фактически к самоубийству. Историю жизни своего героя писатель разбирает фрагментарно, пробираясь ощупью сквозь разрозненные влияния, но прослеживает её от начала до конца, заранее предупреждая о трагическом исходе. Рассматривая материалы довоенной биографии Джорджа Уинтерборна, не богатой событиями, связанной с замкнутой специфически английской интеллигентной средой, Олдингтон стремится в точности восстановить атмосферу, в которой приходилось дышать его герою, круг его запросов, характерные черты внутреннего облика, быта. Олдингтона волнует проблема гармоничного человека и гармонических отношений между людьми, он ищет источник зла и средства устранить его. Эти поиски сопровождаются резкой и страстной критикой уродливого семейного быта: “We live in trenches, with flat revetments of house-fronts as parapet and parados. The warfare goes on behind the house-fronts - wives with husbands, children with parents, employers with employed, tradesmen with tradesmen, banker with lawyer, and the triumphal doctor rooting out life’s casualties. Desperate warfare – for what? Money as the symbol of power; power as the

symbol or affirmation of existence. Throbbing warfare of men's cities! As fierce and implacable and concealed as the desperate warfare of plants and the hidden carnage of animals" [Aldington 1985, с. 100] (trench – "ditch dug in the ground to give troops shelter from enemy fire" [OALEД 1992, с. 969]; warfare – "fighting war; violent conflict or struggle" [OALEД 1992, с. 1018]; casualty – "person who is killed or injured in war" [OALEД 1992, с. 138]; power – "political control; control over others" [OALEД 1992, с. 702]; existence – "state or fact of living"; "manner of living"; "continuance in life; survival" [OALEД 1992, с. 310]; carnage – "killing of many people" [OALEД 1992, с. 134]; "massacre; slaughter" [PED 1990, с. 74]); системы воспитания и общественных нравов, которые усердно старались сделать из Джорджа Уинтерборна "человека". "'The type of boy we aim at turning out,' the Head used to say to impressed parents, 'is a thoroughly manly fellow. ... Every boy must undergo six months' training, and is then competent to take up arms for his Country in an emergency.'

... On such occasions he invariably quoted those stirring and indeed immortal lines of Rudyard Kipling which end up, 'You'll be a man, my son'. It is so important to know how to kill. Indeed, unless you know how to kill you cannot possibly be a Man, still less a Gentleman." [Aldington 1985, с. 70] (arms - "weapons, eg. guns, rifles, explosives" [OALEД 1992, с. 44]; emergency – "sudden serious event or situation requiring immediate action" [OALEД 1992, с. 290]).

Но Джорджу не хотелось "he somehow didn't want to learn to kill and be a thoroughly manly fellow. ... Alas! it made a corpse of him" [Aldington 1985, с. 71] (corpse – "dead body of a human being" [OALEД 1992, с. 202]).

Или: "The prefects gave him a good many 'prefects' lickings' on various pretexts, but they never made him cry, even, let alone break down the wall between his inner aliveness and their thorough manliness.

... As the bullying urbane Head reproved, did he know that the sullen, rather hard-faced boy in front of him was not listening, was silently reciting to himself the Ode to a Nightingale, as a kind of inner Declaration of Independence?"

[Aldington 1985, с. 72] (independence – “state of being independent, not controlled by other people” [OALEД 1992, с. 458]).

С особой горечью и неприятием Олдингтон говорит об экспериментах в любви, искусстве (“suprematist painting” [Aldington 1985, с. 107]) и в нравственной сфере: “He would then gravely remark ‘Oe-oh’ or ‘In-deed?’ or ‘Really?’ with a deportmental air which was highly impressive and somehow slightly reproving. It was reported that Mr. Tubbe spent hours practising in private the exact intonation of his ‘Oe-ohs,’ ‘Reallys,’ and ‘Indeeds.’ He had certainly brought them to a high pitch of gentility and suppressed significance” [Aldington 1985, с. 109] (significance – “importance” [OALEД 1992, с.347]); или, чего стоят следующие размышления Джорджа Уинтерборна: “I’m glad you hate your parents, at least one of them. It’s so important to recognise these antipathies, which are after all perfectly natural. Most animals hate their mature young. ... But it ought to be the mothers. Men sometimes leave each other alone” [Aldington 1985, с. 117] (antipathy – “strong or deep dislike” [OALEД 1992, с. 34]).

На одном из богемных вечеров Джордж Уинтерборн познакомился и влюбился в Элизабет, которая вскоре стала его женой.

До роковой развязки осталось менее половины романа.

И тут же краткое замечание писателя о счастливой семейной жизни: “how many patriotic English gentlemen in the war armies were rather avoiding their wives than seeking their country’s enemies?” [Aldington 1985, с. 111] (army – “part of a country’s military forces that is organized and equipped for fighting on land” [OALEД 1992, с. 44]; enemy – (armed) “forces of a nation with which one’s country is at war” [OALEД 1992, с. 294]).

Лондон был наполнен разговорами о предстоящей войне, и каждый собеседник хотел выглядеть осведомлённым этой модной темой: “the coming war with Germany, it was absolutely certain to happen”; “War does nearly as much damage to the victor as the conquered” (damage – “loss (of value) or injury” [OALEД 1992, с. 226]; victor – “winner of battle” [OALEД 1992, с. 1007]; the

conquered – “defeated enemy” [OALD 1992, c. 190]); “A war between European nations in the twentieth century? It’s quite unthinkable. We’re far too civilised. It’s over forty years since the Franco-Prussian War”; “The people don’t want war” [Aldington 1985, c. 125]; “If there is a war, it will be a sort of impersonal, natural calamity, like a plague or an earthquake” [Aldington 1985, c. 182] (calamity – “great and serious misfortune or disaster” [CED 1972, c. 133; plague – “pestilence”; “centre, source, or symptom of moral evil”; “cause of disaster” [CED 1972, c. 737]; earthquak – “sudden, violent shaking of the earth’s surface” [CED 1972, c. 314]); “The various governments are all despicable intriguers ready to stoop to any crime and duplicity to attain their ends” [Aldington 1985, c. 183] (crime – “a wicked or forbidden act” [PED 1990, c. 116]; duplicity – “deceitfulness, double dealing” [PED 1990, c. 158]). “They were in for three months of carnage and horrors. Yes, three months. It couldn’t last longer. Probably less. Oh, much less. There would be an immense financial collapse, and the governments would have to cease fighting” [Aldington 1985, c. 186] (horror – “terror; intense dislike of fear of” [PED 1990, c. 252]; collapse – “failure, breakdown” [OALD 1992, c. 174]; fighting – “fight, struggle” [CED 1972, c. 369]; “combat battle; strife” [PED 1990, c. 193]).

Но как пишет сам автор: “All this time the war was drawing steadily nearer. Probably it had become certain since 1911, though most people were taken quite unawares. Why did it happen? Who was responsible? ... Adult lives were cut sharply into three sections – pre-war, war, and post-war. ... But such a wholesale shattering of values had certainly not occurred since 1789. God knows how many governments and rulers crashed down in the earthquake. ... And yet 1914 was greeted as a great release, a purgation from the vices supposed to be engendered by peace!” [Aldington 1985, c. 169] (purgation – “making clean or free; purging or purification from moral impurity” [CED 1972, c. 787]; vice – “evil or immorality” [CED 1972, c. 1115]).

И вновь та же неутолимая боль, тот же тревожащий душу вопрос, который заключает в себе ключ к авторскому пониманию войны: “‘You have a vendetta of the dead against the living.’ Yes, it is true, I have a vendetta, an unappeased longing for vengeance. Yes, a vendetta. Not a personal vendetta. What am I? O God, nothing, less than nothing, a husk, a leavings, a half-chewed morsel on the plate, a reject. But an impersonal vendetta, an unappeased conscience crying in the wilderness, a river of tears in the desert. What right have I to live? Is it five million, is it ten million, is it twenty million? What does the exact count matter? There they are, and we are responsible. Tortures of hell, we are responsible! When I meet an unmaimed man of my generation, I want to shout at him: ‘How did you escape? How did you dodge it? What dirty trick did you play? Why are you not dead, trickster?’ It is dreadful to have outlived your life, to have shirked your fate, to have overspent your welcome. There is nobody upon earth who cares whether I live or die, and I am glad of it, so glad of it. To be alone, icily alone. You, the war dead, I think you died in vain, I think you died for nothing, for a blast of wind, a blather, a humbug, a newspaper stunt, a politician’s ramp. But at least you died. You did not reject the sharp, sweet shock of bullets, the sudden smash of the shell-burst, the insinuating agony of poison gas. You got rid of it all. You chose the better part” [Aldington 1985, c. 170] (vendetta – “a blood-feud” [PED 1990, c. 560]; “committing murders in revenge for previous murders” [CED 1972, c. 1112]; vengeance – “revenge; the return of injury for injury” [CED 1972, c. 1112]; conscience – “the consciousness within oneself of the choice one ought to make between right and wrong” [CED 1972, c. 202]; tears – “drops of salty water coming from eyes” [CED 1972, c. 1035]; torture – “infliction of severe bodily or mental suffering; pain so inflicted or suffered” [CED 1972, c. 1066]; hell – “place of punishment after death”; “place, condition, of great suffering or misery” [CED 1972, c. 463]; trick – “smth done in order to deceive” [CED 1972, c. 1079]; blather – “foolish talk” [CED 1972, c. 97]; humbug – “dishonest and deceiving behavior or talk” [CED 1972, c. 482]; stunt – (U.S. slang) “a spectacular effort or feat” [PED

1990, с. 512]; ramp – “swindle” [OALD 1992, с. 745]; shock – “violent or damaging blow (as caused by a collision or explosion)” [CED 1972, с. 920]; agony – “great pain or suffering (of mind and body)” [CED 1972, с. 21]; poison-gas – “deadly gas used in warfare” [CED 1972, с. 747]).

В день вступления в войну Англии Джордж Уинтерборн ушёл добровольцем в армию. “George suffered profoundly from the first day of the War until his death at the end of it” [Aldington 1985, с. 188] .

Уже будучи в пекле военных действий, рядовой Уинтерборн столкнулся с “it was their first introduction to the curious fact that much of the War consisted in waiting about” [Aldington 1985, с. 208] (waiting – “staying where one is until smb or smth comes or smth happens” [CED 1972, с. 1124]); “To Winterbourne, as to so many others, the time element was of extreme importance during the war years. The hour-goddesses who had danced along so gaily before, and have fled from us since with such mocking swiftness, then paced by in a slow, monotonous file as if intolerably burdened” [Aldington 1985, с. 222] (time – “the passing of all the days, months, and years, taken as a whole” [CED 1972, с. 1057]).

Поражают разговоры солдат о “домашних” ранениях: “Which was the most convenient blighty? Arm or leg? Most agreed that if you lost your left hand or a foot, you were damned lucky – you were out of the bloody War for good and got a pension and a wound-gratuity” [Aldington 1985, с. 209] (blighty – “a wound involving a return to Britain” [PED 1990, с. 56]; wound – “hurt or injury to the living tissue of the body, caused by cutting, shooting, esp. As the result of attack” [CED 1972, с. 1163]).

Суровый военный быт предъявлял солдату новые требования: “The qualities needed were determination and endurance, inhuman endurance” [Aldington 1985, с. 222] (determination – “firmness of purpose, resolution” [CED 1972, с. 269]; endurance – “ability to suffer, undergo pain, hardship” [CED 1972, с. 327]); новые испытания: “The real nightmare was only just beginning. There had been

the torment of frost and cold; now came the torments of mud, of gas, of incessant artillery, of fatigue and lack of sleep” [Aldington 1985, с. 246] (nightmare – “terrible, frightening dream”; “smth dreaded” [CED 1972, с. 657]; torment – (smth that causes) “severe bodily or mental pain or suffering” [CED 1972, с. 1066]; fatigue – “condition of being very tired” [CED 1972, с. 361]; “weariness” [PED 1990, с. 188]).

Ричард Олдингтон раскрывает кошмар войны с её бесчисленными жертвами, разрушениями, изматывающим окопным бытом: “the Germans began a steady, systematic gas bombardment of all the ruined villages in the advanced area” [Aldington 1985, с. 255] (bombardment – “an attack with shells from big guns” [CED 1972, с. 105]); “Winterbourne found himself following Evans across what had been No Man’s Land for months. He noticed a skeleton in British uniform, caught sprawling in the German wire. The skull still wore a sodden cap and not a steel helmet. They passed the bodies of British soldiers killed that morning. Their faces were strangely pale, their limbs oddly bulging with strange fractures” [Aldington 1985, с. 270]; “The drum-fire began again next morning. Again they lined a trench and advanced through smoke over torn wire and shell-tormented ground. Prisoners passed through. At night they struggled for hours, carrying down wounded men in stretchers through the mud and clamour” [Aldington 1985, с. 271] (drum-fire – “heavy continuous rapid fire from big guns” [CED 1972, с. 309]); “Crash! Like an orchestra at the signal of a baton the thousands of guns north and south opened up. The night sprang to flickering daylight with the gun-flashes, the earth trembled with the shock, the air roared and screamed with shells. Lights rushed up from the German line, and their artillery in turn flamed into action. Winterbourne could just see a couple of his sections advancing as he started off himself, and then everything was blotted out in a confusion of smoke and bursting shells. He saw his runner stagger and fall as a shell burst between them; then his corporal disappeared, blown to pieces by a direct hit. He came to a sunken road, and lay on the verge, trying to see what was happening in the faint

light of dawn. He saw only smoke, and pushed on. Suddenly German helmets were all round him. He clutched at his revolver. Then he saw they were unarmed, holding shaking hands above their heads.

The German machine-guns were tat-tat-tatting at them, and there was a ceaseless swish of bullets. He passed the bodies of several of his men. One section wiped out by a single heavy shell. Other men lay singly. There was Jameson, dead; Halliwell, dead; Sergeant Morton, Taylor and Fish, dead in a little group. He came to the main road, which was three hundred yards short of his objective. A deadly machine-gun fire was holding up his Company. The officers and men were lying down, the men firing rifles, and the Lewis guns ripping off drums of bullets. Winterbourne's second runner was hit, and lay groaning: 'Oh, for God's sake kill me, kill me. I can't stand it. The agony. Kill me.'

Something seemed to break in Winterbourne's head. He felt he was going mad, and sprang to his feet. The line of bullets smashed across his chest like a savage steel whip. The universe exploded darkly into oblivion" [Aldington 1985, c. 309] (bullet – "shaped piece of lead (to be) fired from a rifle or revolver" [CED 1972, c. 124]; shell – "metal case, filled with explosive to be fired from a large gun" [CED 1972, c. 918]; confusion – "disorder"; "being confused" [CED 1972, c. 201]; oblivion – "forgetting or state of being quite forgotten" [CED 1972, c. 668]).

В романе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта "война", обозначающие трагические явления и эмоциональные состояния: "war", "generation", "threnody", "memorial", "casualty list", "the dead", "action", "fate", "death", "responsibility", "past", "atonement", "blood", "headstone", "wreath", "reproach", "poison", "blood-guiltiness", "trench", "warfare", "casualty", "power", "existence", "carnage", "arms", "emergency", "corpse", "independence", "significance", "antipathy", "army", "enemy", "damage", "victor", "the conquered", "calamity", "plague", "earthquake", "crime", "duplication", "horror", "collapse", "fighting", "purgation", "vice", "vendetta", "vengeance", "conscience", "torture", "hell", "trick", "blather", "humbug", "stunt",

“ramp”, “shock”, “agony”, “poison-gas”, “waiting”, “time”, “blighty”, “wound”, “determination”, “endurance”, “nightmare”, “torment”, “fatigue”, “bombardment”, “bullet”, “shell”, “oblivion”, “tears”, “drum-fire”, “confusion”.

Модель семантико-ассоциативной структуры концепта “война” по роману “Смерть героя” может быть представлена следующим образом:

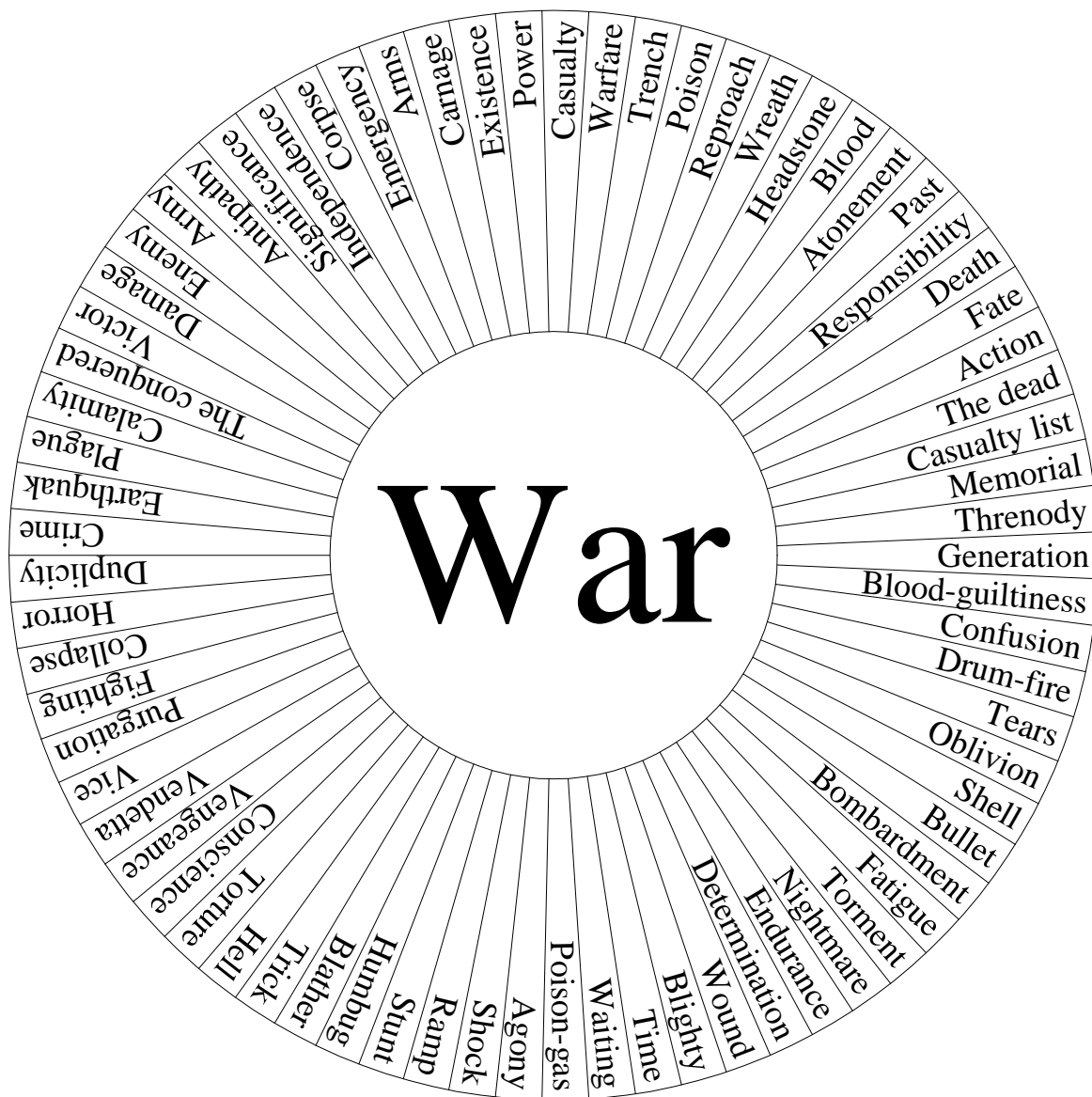

Рис.4

Концепт “война” включает в свою семантику вариативные концепты, обозначающие разные грани трагического. “Трагическое” в романе

Р.Олдингтона “Смерть героя” – это иерархически структурированная категория, где “war” (“война”), “generation” (“поколение”), “the dead” (“мёртвые”), “fate” (“судьба”), “blood” (“кровь”), “casualty” (“раненый”), “carnage” (“резня, кровавая бойня”), “arms” (“оружие”) и т.д. являются составляющими исследуемого концепта “война”.

ГЛАВА 3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В.М.ГАРШИНА

Концептуальная картина мира писателя репрезентируется в процессе его деятельности, поэтому на основе языковых репрезентаций мы можем реконструировать модель концептуальной картины мира автора художественного текста, описать конкретные составляющие ее содержания. Цель главы заключается в моделировании фрагмента концептуальной картины мира В.М.Гаршина (на материале художественных произведений писателя). Поставленная цель определяет задачи: выявление и описание смысловой структуры концептуальной картины мира.

Исследуются художественные произведения В.М.Гаршина, опубликованные в сборниках сочинений автора. Основные издания: Гаршин В.М. Собр. соч. в 3-х т.т. - С-Петербург, 1891; Гаршин В.М. Сочинения. - Москва: Художественная литература, 1955; Гаршин В.М. Полное собр. соч. в 3-х т.т. - Москва - Ленинград: Academia, 1934. Т. 3. Письма.

“Болезнь”, “война”, “враг”, “время”, “герой”, “горе”, “жизнь”, “зло”, “любовь”, “мир”, “смерть”, “судьба” и др. – являются основными, инвариантными концептами, выявленными посредством концептуального анализа произведений В.М.Гаршина, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое, где концепт “война” установлен как один из доминантных.

Концепт “война” выявлен практически во всех произведениях писателя. В рассказе “Четыре дня” (1877) концепт “война” может быть выявлен через противопоставление концепту “жизнь – существование”. Автор описывает сцену боя, который разделил жизнь героя на “ту” - мирную, рядом с матерью и сестрой, и настоящую – военную жизнь: “Я помню, как мы бежали по лесу, как жужжали пули, как падали отрываемые ими ветки, как мы продирались сквозь кусты боярышника. Выстрелы стали чаще...”

Что-то, как мне показалось, огромное пролетело мимо; в ушах зазвенело. ... вдруг все исчезло; все крики и выстрелы смолкли. Я не слышал ничего, а видел только что-то синее; должно быть, это было небо. Потом и оно исчезло” [Гаршин 1955, с. 3].

В рассказе представлен реальный мир, ограниченный в пространстве и времени, сопоставимый с миром воспоминаний и ощущений героя: “Целая картина ярко вспыхивает в моем воображении. Это было давно: впрочем, все, вся моя жизнь, та жизнь, когда я не лежал еще здесь с перебитыми ногами, была так давно...” [Гаршин 1955, с. 6] (воображение – “мысленное воспроизведение чего-нибудь, фантазия” [ТСРЯ 1996, с.360]; “В тот день я был счастлив. Я шел в каком-то опьянении, да и было отчего. Вы, воспоминания, не мучьте меня, оставьте меня! Былое счастье, настоящие муки...” [Гаршин 1955, с. 7] (воспоминание – “то, что сохранилось в памяти; мысленное воспроизведение этого” [ТСРЯ 1996, с.372], опьянение – “восторг, экстаз, самозабвение” [ТСРЯ 1996, с.842]; былое – “минувшее, прошлое” [ТСРЯ 1996, с.212])).

Мучительные воспоминания, постоянная боль, жажда, зловоние трупов обостряют и без того болезненные откровения героя перед самим собой: “Передо мной лежит убитый мною человек. За что я его убил?” [Гаршин 1955, с.7]; “Он лежит здесь мертвый, окровавленный. Зачем судьба пригнала его сюда? Кто он?” [Гаршин 1955, с. 7], разлагающе действуют на психику, раздваивают героя на вольноопределяющегося Иванова и на глупца-юродивого: “Ну и что же? Глупец, глупец! А этот несчастный феллах...” [Гаршин 1955, с. 7]; “... юродивый! Лезет, сам не зная чего!” [Гаршин 1955, с. 9].

На основании присутствия в рассказе двух миров, реального и мира воспоминаний, можно говорить об одном из доминантных концептов рассказа – “войне”. В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоцио-

нальные состояния, формирующие трагическое: “кровь”, “враг”, “раненый”, “убийство”, “судьба”, “воображение”, “воспоминание”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу В.М.Гаршина “Четыре дня” может быть представлена следующим образом:

Рис.5

В автобиографическом очерке “Аясларское дело” (1877) смысловое содержание концепта “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь – испытание”. Очерк повествует о реальных событиях, которые пришлось испытать герою, В.М., ожидающему “дела” [Гаршин 1955, с. 384]. Изматывающий переход до места сражения, когда “солнце пекло с какою-то яростью, будто торопилось допечь ...” [Гаршин 1955, с. 388], а далее - бой: “Загремели пушки, ... на высотах показались белые клубы дыма” [Гаршин 1955, с. 390]; “Орудия не умолкали, ... звук их делался неприятно силен” [Гаршин 1955, с. 393]; “Пули визжали все чаще и чаще, наконец отдельных выстрелов вовсе не стало слышно: все слилось в какое-то жужжанье. Гранаты летели, визжа, когда они приближались, уже не визжали, а скрежетали и хлопали, разрываясь и обдавая людей осколками и землей” [Гаршин 1955, с. 397]. Кровь, крики раненых о помощи, трупы составляли страшную картину Аясларской битвы - одной из битв “дела”.

В очерке представлен реальный мир, ограниченный в пространстве и времени, который противопоставлен миру воспоминаний: “Помню, ... все: родину, друзей” [Гаршин 1955, с. 398], а несколько раньше: “никто ни сло-

вом не намекнул, не вспомнил, что у него есть другой мир, родина, родные, друзья. Как будто бы все забыли свою прежнюю жизнь” [Гаршин 1955, с. 392]; также, как и воспоминание о “прежней жизни” [Гаршин 1955, с. 392], когда автор приводит описание “садика с абрикосовыми деревьями и белыми акациями” [Гаршин 1955, с. 390], оставленного умирать в “путанице” [Гаршин 1955, с. 396] настоящего.

В очерке актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “дело”, “воспоминания”, “смерть”, “солнце”, “муки”, “крест”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по очерку В.М.Гаршина “Аясларское дело” может быть представлена следующим образом:

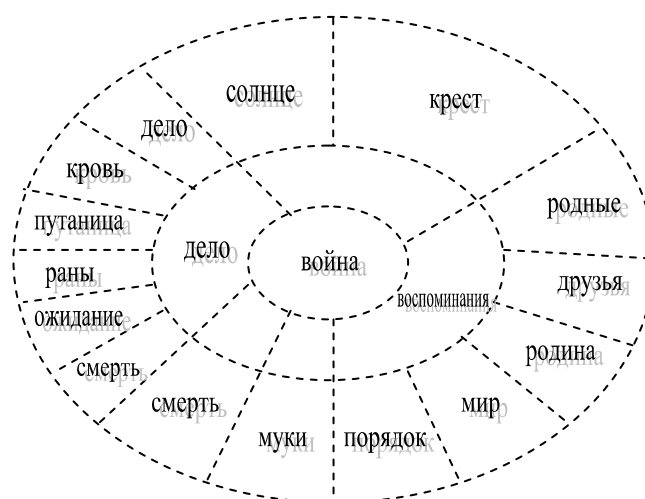

Рис.6

Далее концепт “война” реализуется в очерке “Очень коротенький роман” (1878). Концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь - фантазия – воспоминание”: “Не потому, чтобы я не нашел себе теплого угла, а по моей собственной фантазии” [Гаршин 1955, с. 399]; “Нет, я не подражаю: я действительно молодой человек на деревянной ноге. Только я сделался им так недавно...” [Гаршин 1955, с. 399]; “В этом году умерло так много... Мог умереть и я... Но я выдержал. Господа, сколько горя может выдержать человек...” [Гаршин 1955, с. 400].

Фантазия - это и трагическая любовь героя: “Мое сердце еще не нуждалось в штопанье, когда весной этого года я познакомился с Машею, наверно самую лучшую из всех Маш в мире” [Гаршин 1955, с. 400].

Описываемые любовные чувства героя должны быть проверены войной: “Маша приказала мне быть героем, и потому мне нужно было ехать в армию” [Гаршин 1955, с. 400].

И вновь война трагически изменяет жизнь героя: отрезана “нога с родимым пятном ниже колена” [Гаршин 1955, с. 402], и герой превращается в “какого-то раскоряку” [Гаршин 1955, с. 400]; в результате чего Маша вышла замуж за другого.

Таким образом в очерке актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “фантазия”, “воспоминания”, “смерть”, “горе”, “любовь”, “геройство”, “отчаяние”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по очерку “Очень короткий роман” может быть представлена следующим образом:

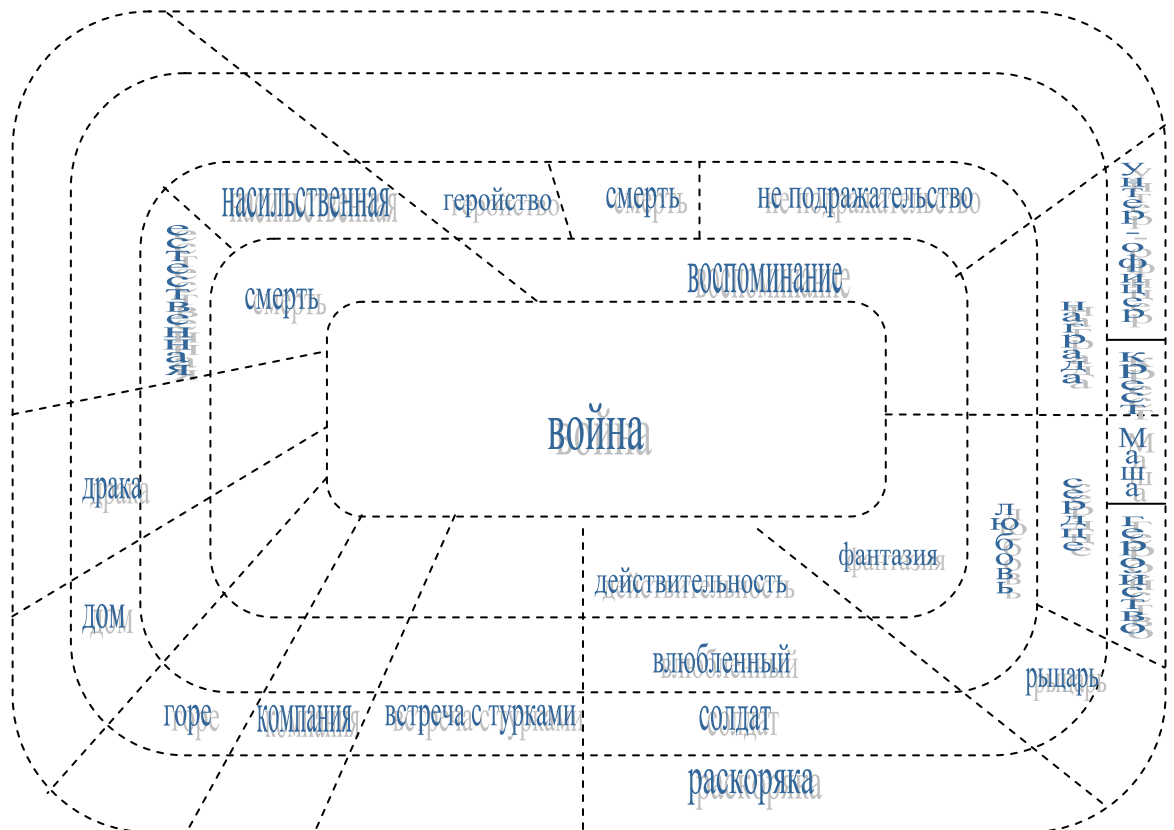

Рис.7

В рассказе “Трус” (1879) концепт “война” реализуется через противопоставление концепту “жизнь - неизбежность – закономерность”. Описывая переживания героя, его размышления о происходящих событиях, автор делает следующий вывод: “... нынешняя война - только начало грядущих, от которых не уйду ни я, ни мой маленький брат, ни грудной сын моей сестры. И моя очередь придет очень скоро” [Гаршин 1955, с. 33].

При всей реальности представленных событий, времени и пространства в рассказе присутствует и мир ирреальный, существующий в душе героя: “Куда ж денется твое “я”? Ты всем существом своим протестуешь против войны, а все-таки война заставит тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать. ... я, привыкший смотреть на мир объективно, привыкший ставить его перед собою, думавший, что всюду я понимаю в нем зло и тем самым избегаю этого зла, - я вижу все мое здание спокойствия разрушенным, а самого себя напяливающим на свои плечи то самое рубище, дыры и пятна которого я сейчас только рассматривал. И никакое развитие, никакое познание себя и мира, никакая духовная свобода не дадут мне жалкой физической свободы располагать своим телом” [Гаршин 1955, с. 33]; “Все новые битвы, новые смерти и страдания. Прочитав газету, я не в состоянии ни за что взяться: в книге вместо букв - валящиеся ряды людей; перо кажется оружием, наносящим белой бумаге черные раны. Если со мной так будет идти дальше, право, дело дойдет до настоящих галлюцинаций” [Гаршин 1955, с. 36].

События реального мира “лишают героя покоя” [Гаршин 1955, с. 32], чтение военных известий вызывает перед глазами героя целую “кровавую картину” [Гаршин 1955, с. 32], видя “горы трупов, служащих пьедесталом грандиозным делам” [Гаршин 1955, с. 35], он приходит к собственному выводу, что “война есть общее горе, общее страдание” [Гаршин 1955, с. 44]. Попав на передовую, он погибает, не вступив в бой с турками, “шальная пуля

пробила ему над правым глазом огромное черное отверстие” [Гаршин 1955, с. 3].

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “кровавая картина”, “убийство”, “трупы”, “зло”, “горе”, “страдание”, “смерть”, “протест”, “неизбежность”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу В.М.Гаршина “Трус” может быть представлена следующим образом:

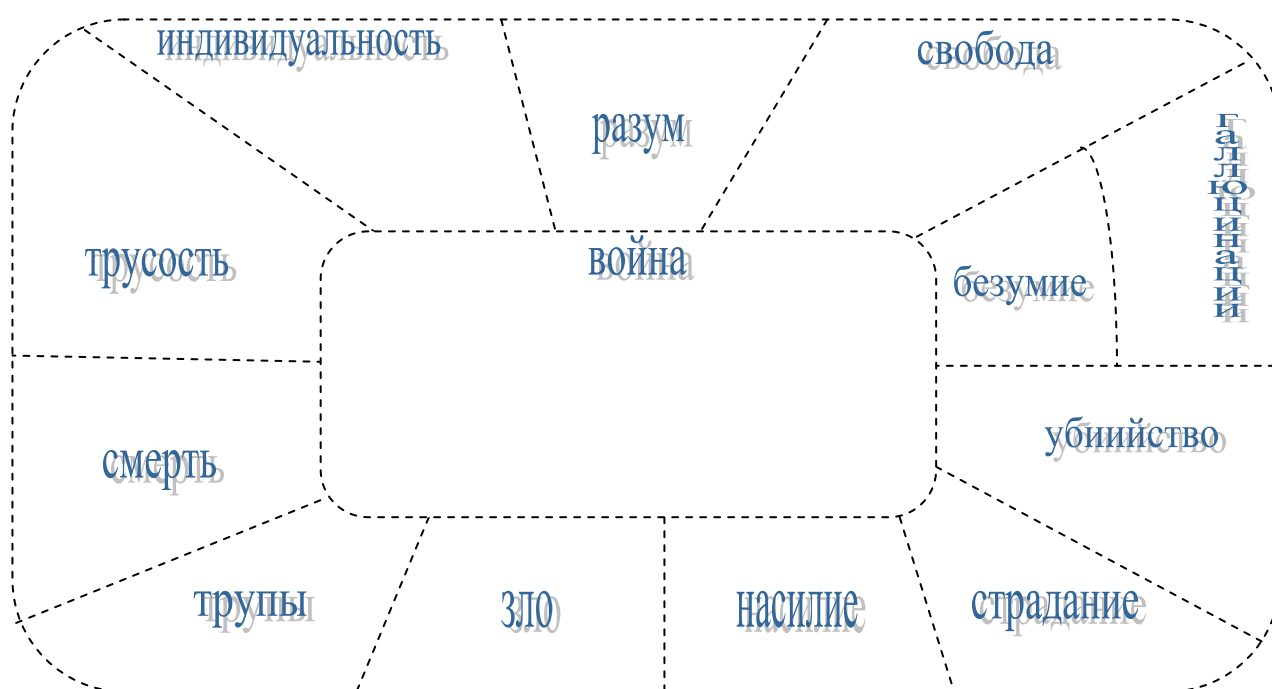

Рис.8

В рассказе “Денщик и офицер” (1880) концепт “война” может быть определен через противопоставление концепту “жизнь - судьба – армия”. Крестьянин Никита Иванов призван на “воинскую повинность в мирное время”. Старик-отчим сокрушается о нем, как о потере кормильца: “Захотел господь обидеть...” [Гаршин 1955, с. 120]; “Воля Господня... Один в семье был помощник, и того нет...” [Гаршин 1955, с. 120]; “Что ты станешь делать... Божья воля!” [Гаршин 1955, с. 120]; “То-то и горе наше... Бог послал, бог и взял...” [Гаршин 1955, с. 120]. В армии Никита “оказался самым плохим молодым солдатом” [Гаршин 1955, с. 121], потому что не поддается военной

муштре и ученью. “Обезьяна” [Гаршин 1955, с. 119], “дурак” [Гаршин 1955, с. 122], “аспид” [Гаршин 1955, с. 122], “идол” [Гаршин 1955, с. 122], “мужичье сиволапое” [Гаршин 1955, с. 122] - вот набор новых армейских имен героя, не способного освоить даже “первоначальное обучение” [Гаршин 1955, с. 121]. Оставив все попытки сделать из Никиты солдата, его отдали денщиком к новому офицеру. Жизнь “нового хозяина” [Гаршин 1955, с. 124], “вашего благородия” [Гаршин 1955, с. 125] проходила в “лежании на шинельке у печки”, в “ничегонеделанье” [Гаршин 1955, с. 127]. И не случайно в финальном сне чудится Никите страшная весть о смерти всех родных: “Твоих, брат, никого нету, всех бог прибрал!” [Гаршин 1955, с. 131].

В концепте “война” актуализируются доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “армия”, “повинность”, “судьба”, “Божья воля”, “ученье”, “муштра”, “солдат”, “офицер”, “денщик”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу “Денщик и офицер”:

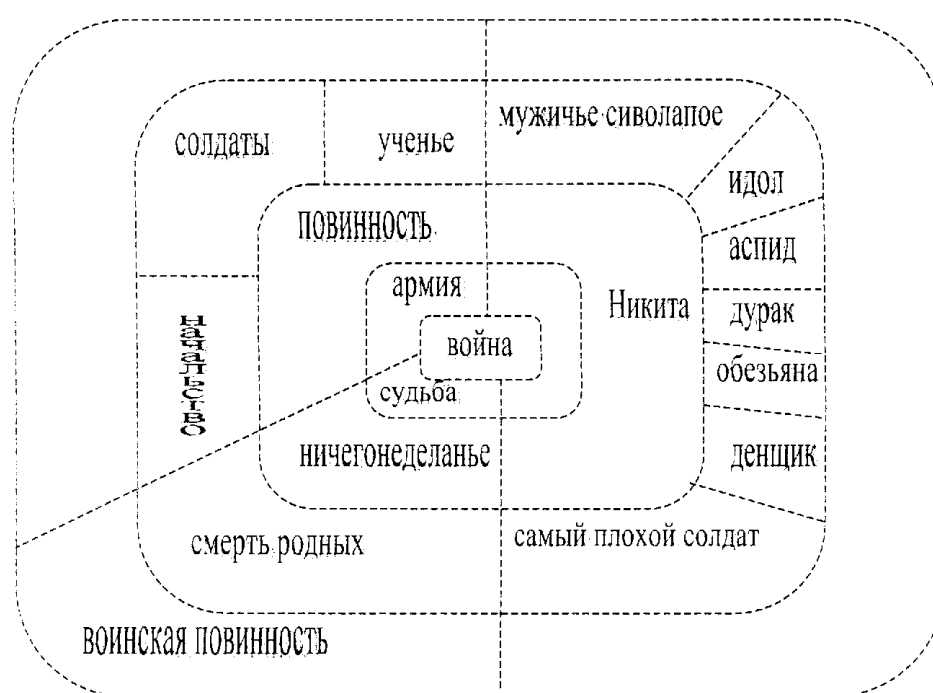

Рис.9

Задуманный, как продолжение рассказа “Денщик и офицер”, рассказ “Сигнал” (1887) повествует о судьбе героя в послевоенное время, Семене Иванове, служащем сторожем на железной дороге. Раньше он “служил в денщиках у офицера и целый поход с ним сделал ... Голодал он, и мерз, и на солнце жарился, и переходы делал по сорока и по пятидесяти верст в жару и в мороз; случилось и под пулями бывать, да, слава Богу, ни одна не задела” [Гаршин 1955, с. 299].

Доброта, упование на Бога, порядочность в отношениях с людьми и добросовестное исполнение порученного дела являются основой бытия героя, и поэтому концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь – судьба”: “Уж кому какую талант-судьбу Господь даст, так уж и есть” [Гаршин 1955, с. 301]; при встрече соседа “Семен шапку снял, поклонился: - Доброго здоровья, сосед” [Гаршин 1955, с. 301].

Размышляя о тяжелой судьбе, он приходит к выводу “От добра добра не ищут” [Гаршин 1955, с. 303]; успокаивая, отговаривая соседа от бунта, он призывает его к христианскому смирению и терпению - “лучше не сделаешь.” [Гаршин 1955, с. 303]. Погибает Семен, как солдат, спасая пассажирский поезд от аварии, с кровавым флагом в руках, и в последние минуты он просит Бога: “помоги, Господи, пошли смену” [Гаршин 1955, с. 307].

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “судьба”, “доброта”, “дело”, “кровь”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу В.М.Гаршина “Сигнал” представляется следующим образом:

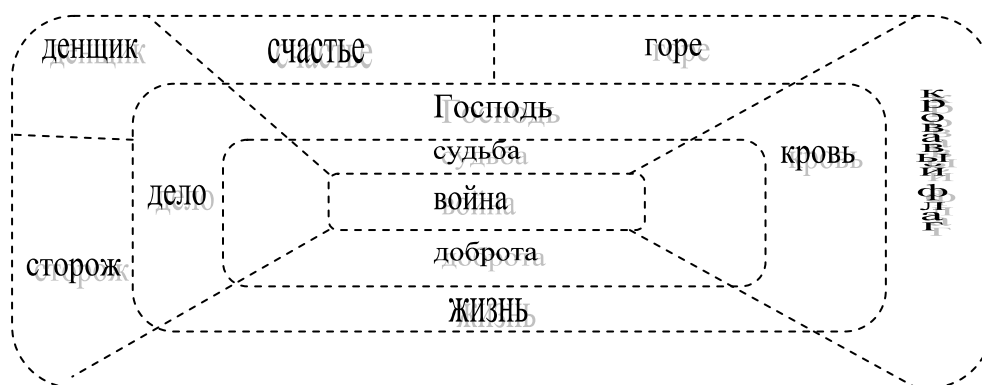

Рис.10

В рассказе “Из воспоминаний рядового Иванова”(1882) концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь-воспоминание”. Рассказ повествует о судьбе героя, вольноопределяющегося Иванова, решившего “побывать на войне” (Гаршин 1955, с. 137).

Армейские сборы, прощание с городом настраивали “душу твердо и спокойно” [Гаршин 1955, с. 138], только кладбище смотрело на них в недоумении: “Зачем идти вам, тысячам, за тысячи верст умирать на чужих полях...” [Гаршин 1955, с. 138]. Но герой, подчиняясь “неведомой тайной силе” [Гаршин 1955, с. 138], осознавая правоту дела, шел “на кровавую бойню - самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий” [Гаршин 1955, с. 138] - на войну.

“Трудные переходы, пыль, жара, усталость, сбитые до крови ноги, коротенькие отдыхи днем, мертвый сон ночью, ненавистный рожок” [Гаршин 1955, с. 163] - все это составляло только часть тяжелой армейской жизни.

Перед боем солдаты приняли присягу служить “не щадя живота” [Гаршин 1955, с. 173] и были “готовы умереть” [Гаршин 1955, с. 173] за родину.

И начался бой, ставший для героев рассказа испытанием на верность присяге, мужество, человечность: “Дым, треск, бешеное “ура!”. Запах крови

и пороха. Закутанные дымом странные чужие люди с бледными лицами. Дикая, нечеловеческая свалка...” [Гаршин 1955, с. 182].

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “смерть”, “тайна”, “дело”, “бойня”, “страдание”, “люди”, “свалка”, “сила”, “переходы”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу В.М.Гаршина “Из воспоминаний рядового Иванова” представляется следующим образом:

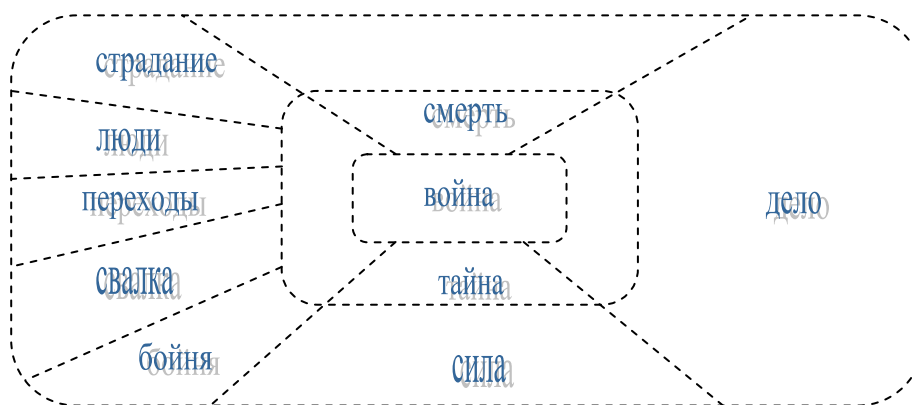

Рис.11

Два рассказа “Происшествие” (1878) и “Надежда Николаевна” (1885), объединенные общей темой падшей женщины, раскрывают перед нами иную сторону понимания Гаршиным войны. На страницах этих произведений мы не найдем описаний военных действий, русской армии, воспоминаний о службе, но по словам писателя, “эти вещицы до войны касаются” [Гаршин 1888, с. 154], если под этим подразумевать чисто гаршинский подход к теме: стремление передать потрясение человека, осознавшего свое бессилие перед злом.

В рассказе “Происшествие” (1878) концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь – судьба - грех”. Рассказ повествует о несчастной, мучительной жизни героев.

Надежда Николаевна осознает, что неожиданно для себя она начала думать: “Как случилось, что я, почти два года ни о чем не думавшая, начала думать, - не могу понять” [Гаршин 1955, с. 15], и натолкнул ее на эти “думы” [Гаршин 1955, с. 15] Иван Иванович, влюбившись в нее. Эти “два года” Надежда Николаевна провела в “привычном” грехе: пьянстве торговле своим телом: “Я начинаю пить и безобразничать, мысли путаются, ничего не помнишь. Тогда – легче.” [Гаршин 1955, с. 15]. Осознав свое настоящее положение – “должность” в обществе, Надежда Николаевна оценивает свое будущее и прошедшее: “Зачем мне думать о своем будущем, когда я и так знаю его очень хорошо – Екатериновка. Зачем мне думать о прошедшем, когда там нет ничего, что могло бы заменить мою теперешнюю жизнь” [Гаршин 1955, с. 17]. У Надежды Николаевны есть возможность “и даже не соломинка, а что-то понадежнее” - любовь Ивана Ивановича, который может и хочет помочь ей: “И вот этот-то человек может быть моей “опорой”. Стоит только заикнуться, и я сделаюсь законной женой. Законной женой бедного, но благородного человека, и даже сделаюсь бедною, но благородною родительницею” [Гаршин 1955, с. 20].

Искренняя любовь бедного, но благородного чиновника превращается для него в муку. У друзей на службе он не находит моральной поддержки, потому что для всех Надежда Николаевна есть “тварь”, “дрянь”, “его несчастье” [Гаршин 1955, с. 20]: “Ах вы, бабень, бабень вы чувствительный! Молодой человек, хороший чиновник, из-за дряни какую историю развел!” [Гаршин 1955, с. 20].

Именно размышления о возможной в будущем семейной жизни останавливают Надежду Николаевну: “Ах нет! Теперь он готов лизать мои руки, а тогда ... он придавит меня ногою и скажет: “А! Ты еще сопротивлялась, презренная тварь! Презирала меня!” [Гаршин 1955, с. 26].

“Жалость”, “презрение”, “отвращение” вызывал у Надежды Николаевны жалкий вид пьяного униженно молящего Ивана Ивановича, и только в последний момент, осознав близость несчастного к самоубийству, она бежала и молилась: “Господи, удержи его! Господи, оставь его мне!” [Гаршин 1955, с. 31], но в эту минуту, когда Надежда Николаевна коснулась ручки двери, “раздался выстрел, все бешено завертелось вокруг, и в голове (Надежды Николаевны) тоже все завертелось и исчезло” [Гаршин 1955, с. 31].

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “веселье”, “грехопадение”, “дрянь”, “думы”, “любовь”, “несчастье”, “пьянство”, “самоубийство”, “судьба”, “тварь”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу “Происшествие” может быть представлена следующим образом:

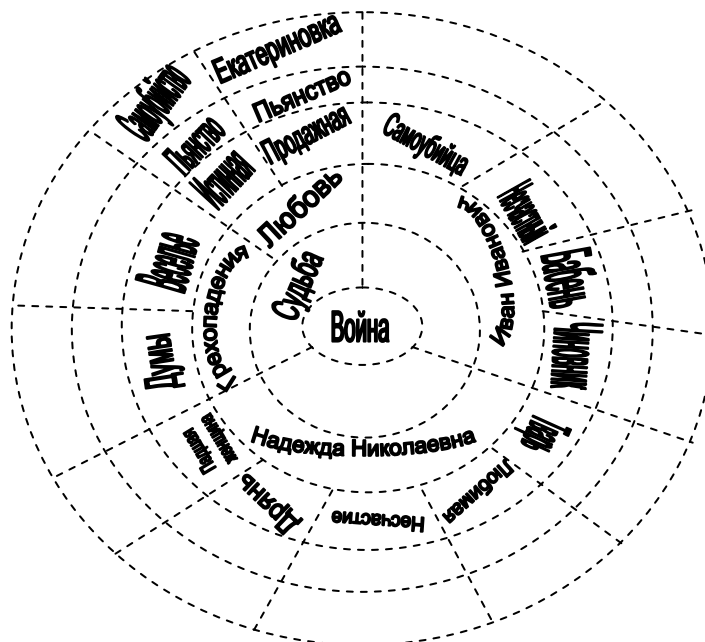

Рис.12

В рассказе “Надежда Николаевна” (1885) концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “судьба – творчество - смерть”. По сюжету “Надежда Николаевна” является продолжением “Происшествия”.

История Ивана Ивановича упоминается в 14 и 17 главах рассказа как эпизод из прошлого героини.

В рассказе представлен реальный мир, сопоставимый с миром воспоминаний и ощущений Андрея Лопатина: “Странная причина заставляет взяться за перо ... Я еще молодой человек; истории не делал и не видел, как она делается; клеветать на людей незачем и оправдываться мне не в чем. Еще раз пережить счастье? Оно было так коротко, и конец его был так ужасен, что воспоминания о нем не доставят мне отрады, о нет!” [Гаршин 1955, с.224]. Воспоминания – это “знакомые картины и образы”, которые являются умирающему герою ночью, особенно “один бледный образ”, который заставляет вновь пережить “ужас и ярость ... как в тот роковой день” [Гаршин 1955, с.224].

Андрей Лопатин был талантливым художником “по отзывам товарищей и знатоков, по чувству, которое являлось всякий раз, когда он начинал работать. Чувство тяжелого и сладкого волнения ..., когда дух погружен в образы” [Гаршин 1955, с.227]. И целью его жизни было написать картину Шарлотты Корде “с грустным, как будто чующим казнь, взором. В синем платье, в нарядном белом чепчике с большой трехцветной кокардой сбоку, с выбившимся из-под его белой оборки густыми волнующимися прядями темно-каштановых волос” [Гаршин 1955, с.227].

Но Лопатин не учел самого главного, чтобы написать такую картину, нужно быть французом и жить в том времени, в той обстановке.

Работа “овладела душой” Лопатина, “как первая любовь” [Гаршин 1955, с.227]. “О Шарлотта, Шарлотта! Благословлять или проклинать тот час, когда мне пришла в голову мысль написать тебя?” [Гаршин 1955, с.227] – думал впоследствии не раз смертельно больной художник. Но в тот момент все его естество было отдано ей – убийце - фанатику добра. Он видел ее, он грезил ею: “Я задумал написать ее во весь рост, одну, стоящую прямо перед

зрителями, с глазами, устремленными перед собой; она уже решилась на свой подвиг – преступление,. И это написано на ее лице: рука, которая несет смертельный удар, пока еще висит бессильно и нежно выделяет своей белизною на темно-синем суконном платье; кружевная пелеринка, завязанная накрест, оттеняет нежную шею, по которой завтра пройдет кровавая черта...”[Гаршин 1955, с.227]. Мог ли Лопатин представить себе, что Шарлотта Корде нанесет и ему смертельную рану?

Для выполнения подобного проекта нужна была особая натурщица: “Начав картину со счастливым страхом и радостным волнением, я сразу встретил неожиданное и трудно одолимое препятствие: у меня не было натурщицы.” [Гаршин 1955, с.228]. Свою Шарлотту Корде Андрей Лопатин случайно встретил в кафе, она обедала с Бессоновым, человеком с внешностью Мефистофеля, который в будущем станет убийцей. Шарлотта Корде “сидела за мраморным столиком в черном шелковом платье. Стройная фигура, тонкие руки и шея, черные волосы гладко зачесаны с затылка вверх” [Гаршин 1955, с.240]. На следующий день она робко вошла в комнату Лопатина, “где нашла потом свое счастье, единственную свою светлую полосу жизни и ... гибель” [Гаршин 1955, с.248].

В это же время друг Лопатина и Надежды Николаевны, художник Гельфрейх, писавший исключительно кошек, задумал написать “серьезную вещь” [Гаршин 1955, с.273]: картину об Илье Муромце, заточенном в подземелье и читающем Евангелие: “раскрыл он место о нагорной проповеди, и читает он о том, что, получивши удар, надо поставить себя под другую. И читает он это место и не понимает. Всю жизнь трудился Илья не покладая рук; печенегов, и татар, и разбойников извел великое множество; <...>; век прожил в подвигах и на заставах, не пропуская злого в крещенную Русь; и верил в Христа, и молился ему, и думал, что исполняет Христовы заповеди. Не знал он, что в книге написано. И теперь он сидит и думает: “Если ударят в правую

щеку, подставь левую? Как же это так, Господи? <...> И рука его дрожит, и дрожит в ней желтый лист книги с красными и черными литерами. Свеча горит тусклым пламенем; над нею тонкая черная струйка копоти вьется и уходит в темноту. И освещены этим светом только Илья да книга, только их двое...” [Гаршин 1955, с.275].

Прошло около месяца; счастливый, влюбленный в Надежду Николаевну Андрей Лопатин заканчивал работу над картиной, как вдруг явился Бессонов, наводя ужас своим видом: “Бледный, с красными, воспаленными глазами, с ненавистью устремленными на Лопатина” [Гаршин 1955, с.285]. После недолгого разговора, выхватив револьвер, он направил его на Надежду Николаевну: “Все покатилося куда-то с страшным грохотом. <...> Тогда началась казнь. <...> Я (Лопатин) упал к ней на грудь и покрывал поцелуями... Теперь лицо было неподвижно и строго; маленькая ранка над глазом уже не сочилась кровью. Она была мертва” [Гаршин 1955, с.287]. Бессонов был убит Лопатиным. Потом “какой-то голос, не переставая” [Гаршин 1955, с.288] нашептывал ему до самой смерти: “Ты убил человека” [Гаршин 1955, с.288].

Измученный воспоминаниями “рокового дня”, смертельно больной Андрей Лопатин мог думать только об одном: “Господь простит меня, и мы встретимся все трое там, где наши страсти и страдания покажутся нам ничтожными и потонут в свете вечной любви” [Гаршин 1955, с.288].

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “волнение”, “воспоминания”, “душа”, “казнь”, “кровь”, “любовь”, “муки”, “проклятие”, “раны”, “смирение”, “смерть”, “счастье”, “судьба”, “творчество”, “убийство”, “ужас”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу “Надежда Николаевна” может быть представлена следующим образом:

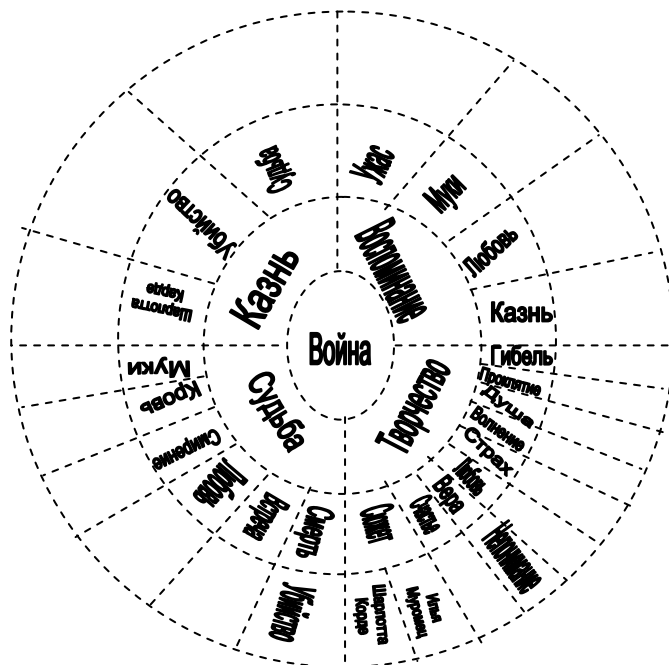

Рис.13

В рассказе “Ночь” (1880) концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь – банкротство - смерть”. Рассказ повествует об однозначности выбора героя: “Нужно, непременно нужно связать себя с общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидеть и любить не ради своего “Я”, всепожирающего и ничего взамен не дающего, а ради общей людям правды, которая есть в мире” [Гаршин 1955, с.116].

В рассказе представлен реальный мир, сопоставимый с миром воспоминаний и ощущений Алексея Петровича: “Все перебрал я в своей памяти, и кажется мне, что я прав, что остановиться не на чем, некуда поставить ногу, чтобы сделать первый шаг вперед. <...> Не знаю, но только вон из этого заколдованного круга. В прошлом нет опоры, потому что все ложь, все обман. И лгал и обманывал я сам и самого себя, не оглядываясь. <...> Я всю жизнь должен был самому себе. Теперь настал срок расчета – и я банкрот, злостный, заведомый...” [Гаршин 1955, с.102]. Воспоминания – это “маленький домик, спальня. <...> Красный ковер. <...> Утро с запахом соломы” [Гаршин 1955, с.112], это и “отец, которого любил, несмотря на всю его немудреность” [Гаршин 1955, с.114], “вся жизнь с кажущимся разнообразием: с горем и радостью, с отчаяньем и восторгом, с ненавистью и любовью” [Гаршин 1955,

с.100], и теперь, ночью, обезумев от нахлынувших переживаний, Алексей Петрович вдруг ясно осознал, что “все эти огорчения, радости, восторги и все случившееся в жизни – все это бестелесные призраки” [Гаршин 1955, с.100]. “Голоса из далекого уголка души” [Гаршин 1955, с.102], “издеваясь” [Гаршин 1955, с.103], заставляют его вспомнить “всю жизнь” [Гаршин 1955, с.101], а после – покончить с этой жизнью. Болезненные переживания усиливаются от случайно услышанного рассказа о самоубийстве молодого извозчика: “Сбрую с гвоздя снял, возле положил – веревку прицепил” [Гаршин 1955, с.105].

Уже заряжен револьвер, украденный у друга, окрепло решение убить себя, мысли подбадривают его: “Кончай!” [Гаршин 1955, с.110], как вдруг из тишины раздался удар колокола: “Колокол сделал свое дело: он напомнил запутавшемуся человеку, что есть еще что-то, кроме своего собственного узкого мирка, который его измучил и довел до самоубийства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминания, отрывочные, бессвязные и все как будто совершенно новые для него. В эту ночь он многое уже передумал и многое вспомнил и воображал, что вспомнил всю жизнь, что ясно видел самого себя. Теперь он почувствовал, что в нем есть и другая сторона, та самая, о которой говорил робкий голос его души” [Гаршин 1955, с.111] (измучить – “мучениями довести до полного изнеможения” [ТСРЯ 1996, с.1170]). В тот момент, когда Алексей Петрович почувствовал, “что не все еще пожрано идолом, которому он столько лет поклонялся, что осталась еще любовь и даже самоотвержение, что стоит жить для того, чтобы излить этот остаток” [Гаршин 1955, с.116]. Он понял, с чем в себе самом он боролся всю жизнь. Осознание своей правоты, счастье победы над собственным эгоизмом привело Алексея Петровича в восторг: “Такого восторга он никогда не испытывал ни от жизненного успеха, ни от женской любви. Восторг этот родился в сердце, вырвался из него, хлынул горячей, широкой волной, разлился по всем

членам, на мгновение согрел и оживил заочневшее несчастное существо. Тысячи колоколов торжественно зазвонили. Солнце ослепительно вспыхнуло, осветило весь мир и исчезло” [Гаршин 1955, с.117].

Пространство и время, представленные в рассказе, рассматриваются нами как нравственные категории. Наряду с дробным, рассыпающимся на частности мирком своего “я” (бронзовые гвоздики на двери, прореха в кармане, стук шагов за окном), зримым образом “общей жизни” [Гаршин 1955, с.116] появляется и общее пространство – “белый сад, окутанный инеем” [Гаршин 1955, с.109], “лунный свет” [Гаршин 1955, с.100], “красновато сияющий Арктур” [Гаршин 1955, с.109]. И взамен карманных часов, “торопливо и однообразно поющих две нотки” [Гаршин 1955, с.100], в небе над городом благовестит колокол, собирающий людей. Сиюминутность, питающее свое “я”, ощущение ценности жизни как суммы этих раздробленных минут и оттого стремление каждую из них прожить для себя уступает место “общему времени” [Гаршин 1955, с.116] – человек начинает понимать, что живет в этом “общем времени”, и оно в нем живет, связывая настоящее с прошлым и будущим.

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “бой”, “память”, “смерть”, “судьба”, “мучения”, “радость”, “ненависть”, “эгоизм”, “любовь”, “воспоминания”, “отец”, “детство”, “благовест”, “безумец”, “несчастный”, “самоубийца”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу “Ночь” может быть представлена следующим образом:

Рис.14

В рассказе “Художники” (1879) концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь - дело”. Рассказ повествует о жизни двух художников (Дедове и Рябинине), связанных внешними обстоятельствами (“делом” [Гаршин 1955, с.76]) и разделенных непроходимой пропастью мировоззрения.

Рассказ не содержит никакой предыстории, оба героя сразу предстают перед нами в “деле” [Гаршин 1955, с.76]. Дедов пишет яличника на реке, потому что “солнце эффектно играло на его лице и красной рубахе” [Гаршин 1955, с.74]. Рябинин пишет натурщика в классе. Ему “скучно мазать” [Гаршин 1955, с.76] стоящего в “очень классической позе” старика [Гаршин 1955, с.75]. Он устает от этой бесцельной и машинально переносимой на холст неподвижности. Момент убивания жизни, превращения ее в эффектную “натуру” [Гаршин 1955, с.75] – вот творческий толчок для Дедова. Для Рябинина в этом крушение творчества. Ибо искусство для него – оживление куска жиз-

ни, оплодотворение его своими мыслями, чувствами, ответ на “вечный вопрос “Зачем?” [Гаршин 1955, с.77].

Дедов находил “полное удовлетворение в искусстве”. Оно выражалось в рублях: “Дешевле 300 не отдам. Давали уже 250. Я такого мнения, что никогда не следует отступать от раз назначенной цены. Это доставляет уважение.” [Гаршин 1955, с.78]. Страшным призраком появляется перед Рябининым образ “господина с сигарой” – “разбогатевшего желудка на ногах, который не спеша подойдет к пережитой, выстраданной, дорогой картине, писанной не кистью и красками, а нервами и кровью, и пробурчит: “М м ... ничего себе”, сунет руку в оттопырившийся карман, бросит несколько сот рублей и унесет ее. Унесет вместе с волнениями, с бессонными ночами, с огорчениями и разочарованиями” [Гаршин 1955, с.76].

Рябинин с усмешкой говорит о творчестве Дедова: “Он пишет, <...>, без усталости komponует закаты, восходы, полдни, начала и концы дождя, зимы, весны и прочее” [Гаршин 1955, с.79]. Дедов осуждает Рябинина за “его странное пристрастие к так называемым реальным сюжетам: пишет лапти, онучи, полушубки” [Гаршин 1955, с.78].

“Мужичья полоса в искусстве” с пресловутыми репинскими “Бурлаками” во главе [Гаршин 1955, с.81], вот где Дедов отводит место Рябинину. И сам определяет свой идеал: “Так пишет К.” (Клевер) [Гаршин 1955, с.79].

Репин и Клевер – два направления в искусстве, два вождя. И два ведущих критика: Владимир Стасов, который угадывает в Рябинине будущего “нашего корифея” [Гаршин 1955, с.75], и Александр Ледаков из “Санкт – Петербургских ведомостей”, который “не терпит, чтобы искусство служило каким-то низким и туманным идеям” [Гаршин 1955, с.85], и так “тонко понимает” [Гаршин 1955, с.88] пейзажи Дедова.

Для Рябинина творить – значит “создать целый мир” [Гаршин 1955, с.77] и отдать его людям. Дедов – лицемер: он пьет с Рябининим на брудер-

шафт и просит Ледакова “прокатить” [Гаршин 1955, с.82] в статейке рябининскую картину.

Дедов и Рябинин – два полюса, два антогониста, два солдата на художественном поприще. Накал страстей может быть разрешен только в бою. И выстрел грянул: “рябининский “Глухарь” [Гаршин 1955, с.82].

Человек забрался в котел, зажал заклепку клещами и навалился на них грудью, другой человек снаружи колотит по заклепке пудовым молотом. Так клепали котлы. Дедов и Рябинин увидели Глухаря одновременно, но инженер Дедов знал о нем и прежде. Уйдя в искусство, он был рад, что навсегда разделался с “тяжелыми впечатлениями от этих заводов” [Гаршин 1955, с.81]. Рябинин же, впервые увидев Глухаря, сразу почувствовал, как зреет решение написать “рабочего” [Гаршин 1955, с.81]. “Я вызвал тебя, - обращается Рябинин к Глухарю, - <...> из душного, темного котла, чтобы ты ужаснул своим видом эту чистую, прилизанную толпу. Приди, силою моей власти прикованный к полотну, смотри с него на эти фраки и трэны, крикни им: я – язва растущая! Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком! Убей их спокойствие...” [Гаршин 1955, с.83]. Бред Больного Рябинина – это и есть определение места Глухаря в большом мире. Огромный завод. Черные, прокопченные стены. Гигантские, изрыгающие пламя, печи. “Странное, безобразное существо корчится на земле от ударов, сыплющихся на него со всех сторон. Целая толпа бьет, кто чем попало. Тут все мои знакомые с остервенелыми лицами колотят молотами, ломami, палками, кулаками это существо, которому я не прибрал названия. Я знаю, что это – все он же... Я кидаюсь вперед, хочу крикнуть: “перестаньте! За что?” – и вдруг вижу бледное, искаженное, необыкновенно страшное лицо, страшное потому, что это – мое лицо. Я вижу, как я сам, другой я сам, замахивается молотом, чтобы нанести неистовый удар” [Гаршин 1955, с.88].

Картина “выставлена, куплена и увезена” [Гаршин 1955, с.84]. Глухари не ходят на выставки. Они по-прежнему будут сами страдать и умирать. “Я не видел хорошего влияния хорошей картины на человека” [Гаршин 1955, с.76], - грустно признался Рябинин.

Последняя сцена “Художников” – последняя встреча героев перед отъездом. Дедов едет “на четыре года за границу совершенствоваться в искусстве” [Гаршин 1955, с.90]. Рябинин собирается учителем в деревню, но там он не “преуспел” [Гаршин 1955, с.91].

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “Дедов”, “Рябинин”, “дело”, “искусство”, “творчество”, “мазание”, “писание”, “цель”, “эффект”, “убивание”, “оживление”, “удовлетворение”, “нервы”, “кровь”, “расчет”, “лицемер”, “награда”, “художник”, “инженер”, “талант”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу “Художники” может быть представлена следующим образом:

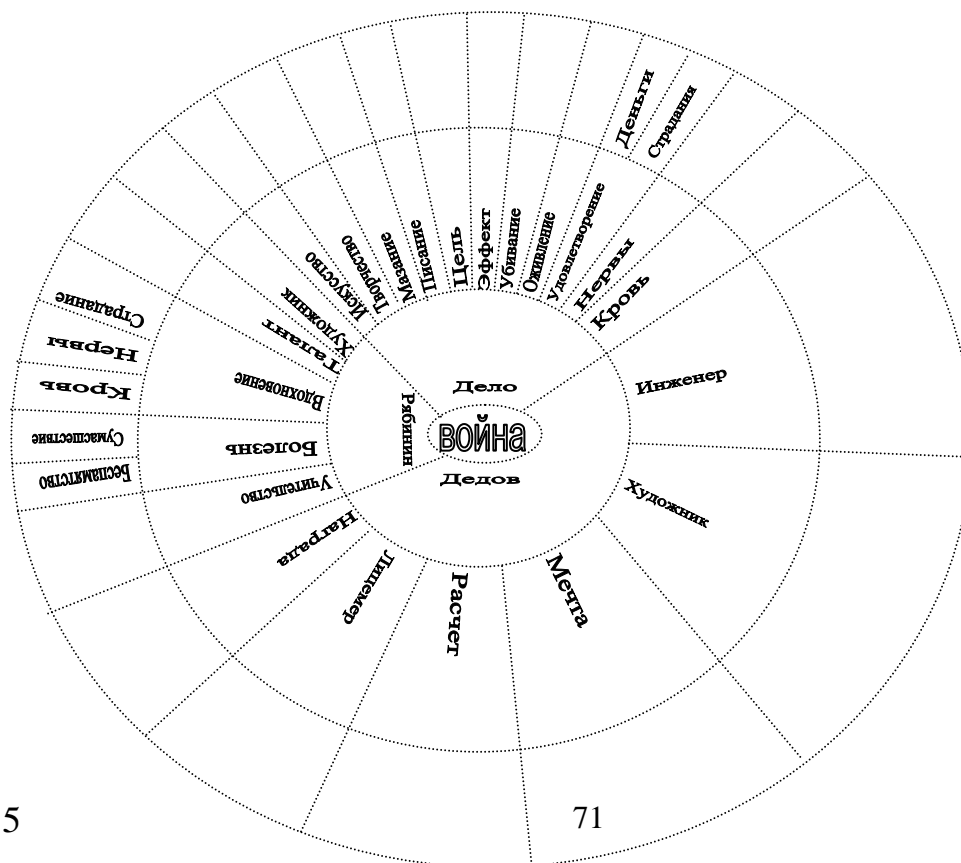

Рис.15

В сказке “Attalea princeps” (1880) концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “жизнь – борьба - смерть”. Сказка повествует о судьбе гордой пальмы, вырвавшейся из тюрьмы-оранжереи.

С первых страниц сказки автор рисует образ красивой оранжереи-тюрьмы и растений-заключенных: “В огромной оранжереи из железа и стекла” жили “заключенные растения”, которые никогда не видели родного неба. “Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Корни переплетались между собою и отнимали друг у друга влагу и пищу. Ветви деревьев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрезали ветви, подвязывали проволоками, чтобы они не могли расти, куда хотят” [Гаршин 1955, с.92]. Растения называли только по-латыни, родных имен они не могли знать, за этим следил “ученый директор и не допускал никакого беспорядка” [Гаршин 1955, с.93].

Растения без конца разговаривают, спорят, злятся друг на друга, они подрались бы между собой, но не могут двигаться – каждое растение вкопано в землю, навсегда прикреплено к своему месту. Красивая и гордая Attalea, устав от их ссор, однажды обратилась к обитателям оранжереи: “- Зачем вы ссоритесь? – сказала Attalea. – Разве вы поможете себе этим? Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздражением. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стекла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрется в стекло, то, конечно, ее отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами” [Гаршин 1955, с.95]. В ответ на речь Attalea обитатели оранжереи возмущенно отвергают борьбу: “- Глупости! Глупости! Несбыточная мечта! – кричали они, - вздор, нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж

такое? Придут люди с ножами и с топорами, отрубят ветви, заделают рамы, и все пойдет по-старому. Только и будет, что отрежут от нас целые куски...” [Гаршин 1955, с.95]. И тогда смелая и гордая пальма решает бороться одна: “Теперь я знаю, что мне делать. Я одна найду себе дорогу. Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, - и я увижу!” [Гаршин 1955, с.95]. Только маленькая и бледная травка согласилась с Attalea, но расти в высь у нее не было сил. Пальма принялась расти одна: “Attalea подымалась. Наконец она плотно уперлась в рамы. Расти дальше было некуда. Тогда ствол начал сгибаться. Его листовая вершина скомкалась, холодные прутья рамы впились в нежные молодые листья, перерезали и изуродовали их, но дерево было упрямо, не жалело листьев, несмотря ни на что давило на решетки” [Гаршин 1955, с.97]. Все следили за “борьбой”, “страданиями”, “освобождением” [Гаршин 1955, с.98] Attalea.

Вдруг раздался звонкий удар: “Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стекол. Над стеклянным сводом гордо высились выпрямившаяся зеленая корона пальмы” [Гаршин 1955, с.98]. Но горькое разочарование ожидало пальму на свободе: “Только-то? – думала она. Была глубокая осень. Моросил мелкий дождик пополам со снегом; ветер низко гнал серые клочковатые тучи. Ей казалось, что они охватывают ее. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснах да на елях стояли темно-зеленые хвои. Угрюмо смотрели деревья на пальму. “Замерзнешь! – как будто говорили они ей. – Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть. Зачем ты вышла из своей теплицы? И Attalea поняла, что для нее все было кончено. Она застывала” [Гаршин 1955, с.98].

В сказке актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “Attalea”, “дело”, “борьба”, “заключен-

ные”, “тюрьма”, “обитатели”, “победа”, “ссоры”, “вздор”, “мечта”, “нелепость”, “смерть”.

Схема смыслового содержания концепта “война” может быть представлена следующим образом:

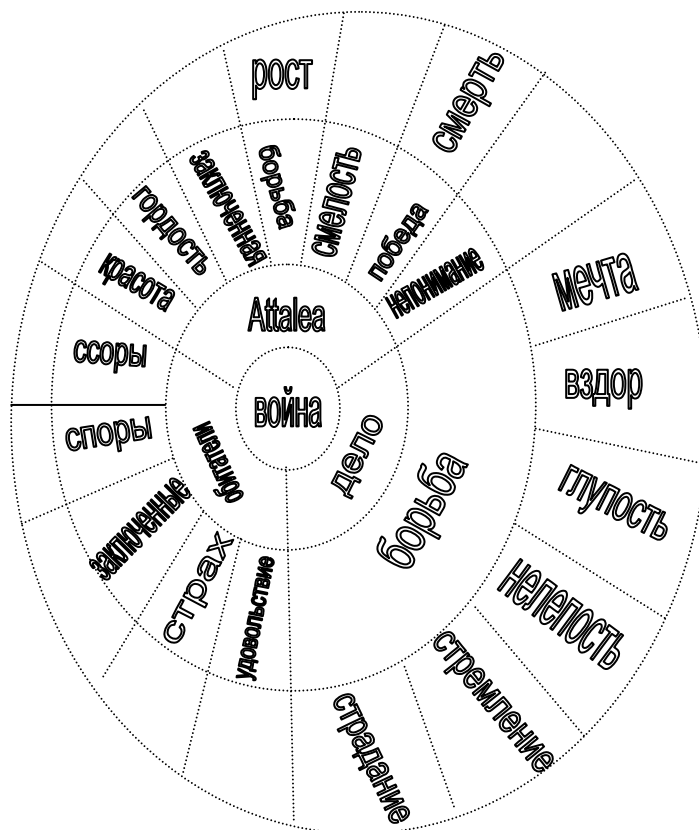

Рис.16

Гаршин был большим мастером социально-психологического рассказа. Его герои – смирные добродушные, молодые люди – внезапно сталкиваются с каким-то фактом вопиющей несправедливости жизни. Это столкновение порождает глубокий нравственный кризис, который разрешается самоубийством, уходом в горе. Будничное перестает быть будничным, оно входит в поле зрения автора и читателя только тогда, когда теряет свои будничные очертания и внезапно приобретает характер давящего кошмара. Писатель заостряет трагизм жизненных ситуаций. Каждая встреча, любое происшествие перерастает свои бытовые рамки и становится под пером писателя трагедией всечеловеческого значения. Для Всеволода Гаршина не существует единич-

ных выражений жизненной правды; в каждом конкретном образе зла он хочет увидеть “всю невинно пролитую кровь, все слезы, всю желчь человечества” [Гаршин 1955, с.195]. Поэтому образы Гаршина приобретают характер аллегорий и символов. Шедевр творчества – “Красный цветок” – представляет собой попытку соединения этих двух гаршинских начал. Они объединены стремлением писателя показать социальное зло во всей его наготе, без каких бы то ни было смягчающих обстоятельств.

В рассказе “Красный цветок” (1883) концепт “война” актуализируется через противопоставление концепту “судьба – борьба - смерть”

Рассказ повествует о том, как несчастный безумец отдал свою жизнь на борьбу с красным цветком зла, - и оба они оказались “победителями - побежденными”. “Красный цветок” – история героической войны сумасшедшего, она сама по себе реальна, правдоподобна.

Первая же фраза о “ревизии” [Гаршин 1955, с.184] именем Петра Великого, не заключающая в себе ничего определенного, дает понятие о каких-то общественных тенденциях бреда больного, о его отнюдь не камерных, а чуть ли не государственных масштабах.

Намеченный возвышенный уровень лихорадочных переживаний и поведения маниака далее закрепляется: безумец говорит “громким, резким, звенящим голосом” [Гаршин 1955, с.184], ходит “высоко подняв безумную голову, почти бегом” [Гаршин 1955, с.184], он весь – олицетворенный порыв, безысходный и непрерывный.

Вид сумасшедшего вызывает у окружающих некоторый страх: “Он был страшен. Сверх изорванного во время припадка в клочья серого платья куртка из грубой парусины с широким вырезом обтягивала его стан; длинные рукава прижимали его руки к груди накрест и были завязаны сзади. Воспаленные, широко раскрытые глаза горели неподвижно горячим блеском; нервная судорога подергивала край нижней губы; спутанные курчавые волосы падали

гривой на лоб” [Гаршин 1955, с.184]. Теплая ванна наводит его на мысль об испытании кипятком и каленым железом: “Теплая вода показалась ему кипятком. Захлебываясь водою и судорожно барахтаясь руками и ногами, выкрикивал бессвязную речь” [Гаршин 1955, с.186], обстановка комнаты, в которой проводились процедуры, только усугубляет болезненные ассоциации: “большая комната со сводами, с липким каменным полом, освещенная одним, сделанным в углу окном; стены и своды были выкрашены темною масляною краскою; в почерневшем от грязи полу, в уровень с ним, были вделаны две каменные ванны, как две овальные, наполненные водою ямы. Огромная медная печь с цилиндрическим котлом для нагревания воды и целой системой медных трубок и кранов занимала угол против окна; все носило необыкновенно мрачный и фантастический характер” [Гаршин 1955, с.186]. Страдания безумец переносит с той же стойкостью, что евангельские апостолы и герои житийной литературы, откуда и возникают ассоциации больного, его молитвы и проклятия, и готовность к нечеловеческому страданию, и восклицания: “Святой великомученник Георгий! В руки твои передаю тело мое. А дух – о нет, нет!” [Гаршин 1955, с.186], и обращение: “О вы, мучимые раньше меня! Вас молю, избавьте” [Гаршин 1955, с.186]. И уже не в больном воображении, а в самой напряженной эмоциональной атмосфере рассказа просвечивает второй план. Готовность героя к испытанию воспринимается уже как свидетельство высокого человеческого духа.

С самого начала рассказа заявлен двойной масштаб происходящего: в реальности – сумасшедший дом, но в идеальном, созданном воображении больного – место действия “всегда и везде” [Гаршин 1955, с.189]. Герой ощущает себя живущим вне времени и пространства: “Я живу во всех веках” [Гаршин 1955, с.188]; недаром он умеет читать мысли людей: “Вы не прочтете того, что у меня в душе, - а я ясно читаю в вашей! Зачем вы делаете зло? К чему эти мученья?” [Гаршин 1955, с.188]; воскрешать историю предметов:

“большие вязы в больничном саду рассказывали ему целые легенды из пережитого...” [Гаршин 1955, с.191]. Когда больному перед прогулкой в саду дают белый колпак с красным крестом, он “придавал этому кресту особое, таинственное значение” [Гаршин 1955, с.192]. В саду он увидел “цветы мака. Цветы были ярче. – Он побеждает, - сказал больной, - но мы посмотрим.” [Гаршин 1955, с.192]. Первая встреча с олицетворением земного зла сильно подействовала на безумца: “Он почувствовал жар и колотье в протянутой руке, а потом и во всем теле, как будто бы какой-то сильный ток неизвестной ему силы исходил от красных лепестков и пронизывал все его тело. Он придвинулся ближе и протянул руку к самому цветку, но цветок, как ему казалось, защищался, испуская ядовитое, смертельное дыхание” [Гаршин 1955, с.193], и в больном сознании родилась великая идея: “во что бы то ни стало я покончу с ним. Не сегодня, так завтра мы померяемся силами. И если я погибну, не все ли равно...” [Гаршин 1955, с.193]. В этот же день, выждав удобного случая, он “схватил цветок и торопливо спрятал его на своей груди под рубашкой. Когда свежие, росистые листья коснулись его тела, он побледнел как смерть, и в ужасе широко раскрыл глаза. Холодный пот выступил у него на лбу.” [Гаршин 1955, с.193], а после “он хотел раздавить, разможжить спрятанное растение. – Я утолю тебя! Я задушу тебя! – глухо и злобно говорил он.” [Гаршин 1955, с.193], и “дрожал как в лихорадке и судорожно стискивал себе грудь, всю пропитанную, как ему казалось, неслышанно смертельным ядом” [Гаршин 1955, с.195]. Красный цветок мака, впитавший в себя “все зло мира”, “всю невинно пролитую кровь” [Гаршин 1955, с.195], представляется больному мозгу таинственным существом, “противоположность Богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид” [Гаршин 1955, с.195].

Ариман – олицетворение сил зла, божество тьмы и преисподней, отождествляемый с Сатаной. И если герой идет сражаться с Ариманом, то не

считает ли он себя Ормуздом, Богом света и добра. По замыслу безумца, “зло перейдет в его грудь, его душу, и там будет побеждено или победит – тогда сам он погибнет, умрет, но умрет как честный боец и как первый боец человечества” [Гаршин 1955, с.196].

День за днем безумец бился с цветами красного мака, уничтожая их, сжигая их в печи, молясь и плача, и с каждым разом он становился все слабее, болезненнее, ближе к смерти.

Последний, только что раскрывшийся бутон мака, он уничтожил ночью: “- Последний! –шептал больной. – Последний! Сегодня победа или смерть. Но это для меня уже все равно. Погодите, - сказал он, глядя на небо: я скоро буду с вами. Он вырвал растение, истерзал его, смял и, держа его в руке, вернулся в свою комнату. Больной, едва дойдя до постели, рухнул на нее без чувств. Утром его нашли мертвым. Лицо его было спокойно и светло; истощенные черты с тонкими губами и глубоко впавшими закрытыми глазами выражали какое-то горделивое счастье” [Гаршин 1955, с.199], свой последний “трофей” он унес в могилу.

В рассказе актуализируются следующие доминантные компоненты концепта “война”, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое: “апостолы”, “безумец”, “битва,” “боец”, “больной”, “бог”, “вера”, “гибель”, “добро”, “зло”, “иллюзия”, “мак”, “муки”, “мученик”, “пытки”, “святые”, “страдалец”, “страдания”, “сатана”, “смерть”, “судьба”, “трофей”.

Схема смыслового содержания концепта “война” по рассказу “Красный цветок” может быть представлена следующим образом:

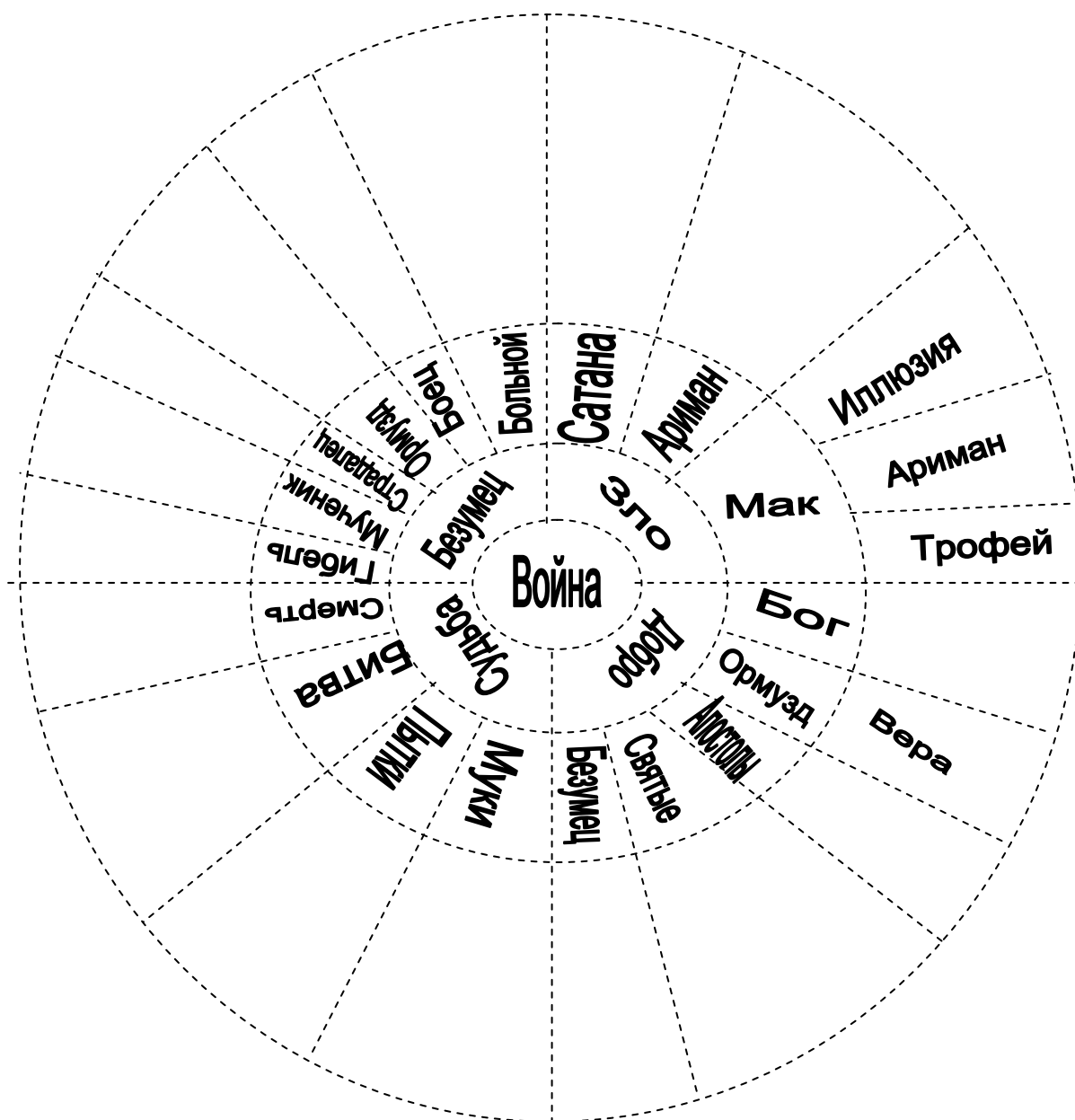

Рис.17

Доминантный в поэзии В.М.Гаршина концепт “война” включает в себя компоненты, обозначающие трагические явления или эмоциональные состояния, формирующие трагическое, “беда”, “бой”, “война”, “враги”, “гибель”, “герой”, “доблесть”, “думы”, “кровь”, “лишения”, “мир”, “муки”, “орудия”, “печаль”, “разлука”, “рать”, “раны”, “смерть”, “сыны”, “стенания”,

“страдания”, “солдаты”, “столп”, “убийство”, “умирать”, что схематично может быть изображено следующим образом:

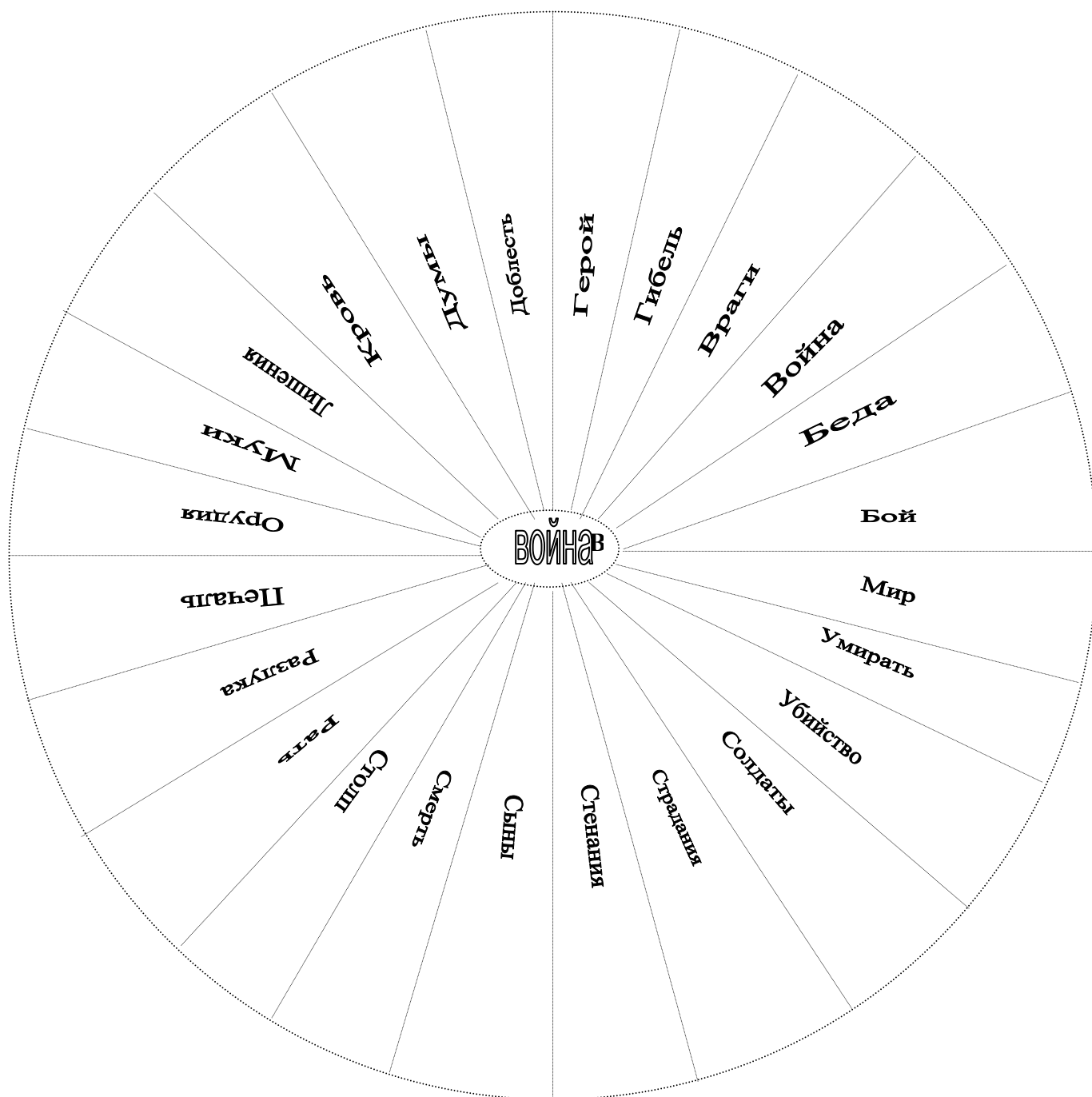

Рис.18

Эмоциональная сфера концепта “война” представлена амбивалентными эмоциями несчастья, страха, ужаса и т.д.

Так в рассказе “Трус” (1879) причиной заявленной в заглавии эмоции “страх” становится осознание войны как неизбежного и закономерного процесса, угнетающего человека, подавляющего его индивидуальность, разум, свободу, ведущего к болезненному состоянию, безумию, смерти.

Эмоции страха, ужаса репрезентируются выражениями: “война решительно не дает мне покоя” [Гаршин 1955, с.32] (покой – “спокойствие физическое и душевное, отсутствие тревог, забот” [ТСРЯ 1996, с.497]); “нервы, что ли, у меня так устроены, только военные телеграммы с обозначением числа убитых и раненых производят на меня действие гораздо сильное, чем на окружающих” [Гаршин 1955, с.32](нервы – “повышенная чувствительность и болезненная раздражительность” [ТСРЯ 1996, с.545]); “не поражает нас таким ужасом” [Гаршин 1955, с.32] (ужас – “чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета” [ТСРЯ 1996, с.904]); “не храбритесь, придет и ваш черед” [Гаршин 1955, с.33] (храбриться – “принимать храбрый, бодрый вид, выставлять себя решительным, на все готовым” [ТСРЯ 1996, с.1185]; “у меня сжалось сердце” [Гаршин 1955, с.33]; “в этом страшном деле” [Гаршин 1955, с.35]; “трус я или нет” [Гаршин 1955, с.35]; “исходят из страха за собственную кожу” [Гаршин 1955, с.35]; “не мог обвинить себя в трусости” [Гаршин 1955, с.35]; “тогда я не боялся” [Гаршин 1955, с.35]; “не смерть пугает меня” [Гаршин 1955, с.35]; “немного отвлекшая меня от одной и той же гнетущей мысли” [Гаршин 1955, с.36] (гнетущий – “тягостный, мрачный” [ТСРЯ 1996, с.578]); “я мог бы избежать участи, которой так боюсь” [Гаршин 1955, с.38]; “и этого страшного, нелепого случая могло бы и не быть” [Гаршин 1955, с.42]; “болезнь и страх смерти” [Гаршин 1955, с.42]; “вместе со страхом смерти и физическими страданиями” [Гаршин 1955, с.42]; “думать о смерти так горько” [Гаршин 1955, с.44] (горький – “об ощущении, чувстве горести; бедственный, тягостный” [ТСРЯ 1996, с.605]); “разве она не возбуждает в вас ужаса” [Гаршин 1955, с.44].

Интенсивность эмоции страха репрезентируется эмоциями “ужас” (“чувство сильного страха, испуга” [ТСРЯ 1996, с.904]); “страшный” (“вызывающий, внушающий чувство страха, пугающий” [ТСРЯ 1996, с.551]); “гнетущий” (“тягостный, мрачный” [ТСРЯ 1996, с.578]); “горький” (“чувство горести; бедственный, тягостный” [ТСРЯ 1996, с.605]).

Схема эмоции страха по рассказу “Трус” представлена в следующем виде:

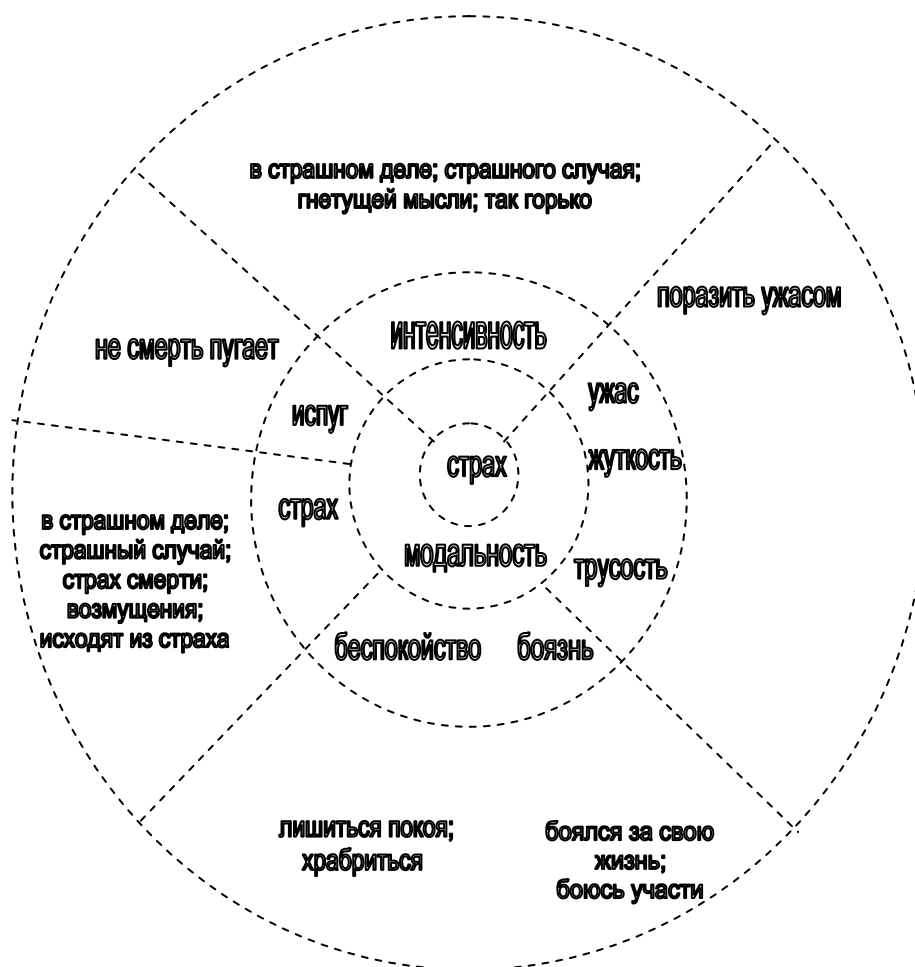

Рис.19

В рассказе “Четыре дня” (1877) актуализируется эмоция зла, которая включает в себя компоненты: “мучения”, “ужасный”, “страдание”.

Модальность эмоции зла представлена концептами “мучение”, “ужас”, “страдание”, которые репрезентируются следующим образом: “воспоминания, не мучьте меня, ... настоящие муки ... пусть бы остались одни мучения” [Гаршин 1955, с.7] (мучение – “мука, страдание, состояние того, кого

мучат” [ТСРЯ 1996, с.284]); “ты и теперь ужасен”; “он был ужасен” [Гаршин 1955, с.70] (ужасный – “вызывающий ужас; чрезвычайный, крайний в своем проявлении” [ТСРЯ 1996, с.905]); “придется страдать”, “страдание людям” [Гаршин 1955, с.13] (страдание – “мучение” [ТСРЯ 1996, с.543]).

Семантическая структура эмоции зла представлена компонентами “убийство”, “смерть”, “драка”. Концепт “убийство” репрезентируется выражениями: “за что я его убил”, “придется убивать людей”, “мог бы убить одним ударом”, “кроме этого убийства” [Гаршин 1955, с.9] (убийство – “преступное лишение жизни кого-нибудь” [ТСРЯ 1996, с.856]). Концепт “умирать” актуализируется выражениями: “лежи и умирай” [Гаршин 1955, с.6], “все равно – умирать” [Гаршин 1955, с.8], “скоро я умру” [Гаршин 1955, с.14] (умирать – “умереть; истомиться, прийти в изнеможение от чего-нибудь” [ТСРЯ 1996, с.940]). Концепт “драться” актуализируется выражениями: “шел драться” [Гаршин 1955, с.7], “затеял идти драться” [Гаршин 1955, с.9] (драться – “сражаться” [ТСРЯ 1996, с.797]).

Интенсивность эмоции зла репрезентируется выражениями: “дикие, безумные хриплые вопли вырываются” [Гаршин 1955, с.6] (дикий – “неестественно странный, необычайный, крайне нелепый” [ТСРЯ 1996, с.708], безумный – “отличающийся крайней степенью чего-нибудь, очень напряженный, сильный” [ТСРЯ 1996, с.117]); “оцепенение ... после этого ужасного случая” [Гаршин 1955, с.12] (ужасный – “вызывающий ужас, странный” [ТСРЯ 1996, с.905]); “несчастнее, потому что мучаюсь” [Гаршин 1955, с.13] (несчастнее – “очень несчастный, бедственный” [ТСРЯ 1996, с.556]).

Схема эмоции зла по рассказу “Четыре дня”:

Рис.20

Эмоция несчастья в рассказе “Очень коротенький роман” (1878) актуализируется концептами “раны”, “горе”, “страдание”, “драка”, “несчастье”, “раскоряка”: “начал рассказывать вам о своих ранах” [Гаршин 1955, с.399] (раны – “поврежденное место в наружных или внутренних покровах тела; душевная боль, мучения” [ТСРЯ 1996, с.1212]); “я молодой человек на деревянной ноге” [Гаршин 1955, с.399] (деревянная нога – “искусственная деревянная нога, протез” [ТСРЯ 1996, с.692]); “мог умереть и я” [Гаршин 1955, с.400] (умереть – “перестать жить” [ТСРЯ 1996, с.940]); “бедное человеческое сердце” [Гаршин 1955, с.400]; “умело так много” [Гаршин 1955, с.400], “сердце мечется, ищет и не находит облегчения” [Гаршин 1955, с.400] (облегчить – “уменьшить тяготы” [ТСРЯ 1996, с.652]); “не походил на какого-то раскоряку” [Гаршин 1955, с.400] (раскоряка – “человек с растопыренными, развернутыми врозь ногами” [ТСРЯ 1996, с.1225]); “сколько горя может вы-

держат человека” [Гаршин 1955, с.400] (горе – “невзгода, несчастье” [ТСРЯ 1996, с.598]); “могли придавить пальцем и меня, чтобы и я перестал страдать” [Гаршин 1955, с.401] (страдание – “мучение” [ТСРЯ 1996, с.543], придавить – “раздавить” [ТСРЯ 1996, с.785]); “пошел драться из-за Маши” [Гаршин 1955, с.401] (драться – “сражаться” [ТСРЯ 1996, с.794]); “несчастье одно” [Гаршин 1955, с.403] (несчастье – “бедствие, горе” [ТСРЯ 1996, с.556]).

Интенсивность эмоции несчастья репрезентируется эмоцией: “бедное” (“несчастье” [ТСРЯ 1996, с.101]).

Схема эмоции несчастья по рассказу “Очень коротенький роман”:

Рис.21

Эмоциональное содержание концепта “война” в рассказе “Из воспоминаний рядового Иванова” (1882) определяется эмоциями, возникающими в результате осознания войны, как особого мира, несущего бедствия, лишения, несчастье, мучения, кровь, страдания, смерть.

Концепт “война” сопровождается следующими эмоциями:

ужаса (“ужасный крик” [Гаршин 1955, с.137]);

страха (“страх наказания” [Гаршин 1955, с.138]; “страшные преграды” [Гаршин 1955, с.162]; “страшные картины” [Гаршин 1955, с.170]);

ненависти (“чувство ненависти к неизвестному врагу” [Гаршин 1955, с.138]);

бойни (“кровавая бойня” [Гаршин 1955, с.138]; “крики и стоны, тысячи валящихся людей, отчаянное “ура!”, атака в штыки” [Гаршин 1955, с.170]; “резкий лязг штыков” [Гаршин 1955, с.173]; “глухое дребезжание артиллерии” [Гаршин 1955, с.173]; “батальоны таяли” [Гаршин 1955, с.176]; “скрежещущий звук снаряда” [Гаршин 1955, с.180]; “бой разгорался” [Гаршин 1955, с.181]; “ружейный огонь разгорался и перешел в сплошной грозный вой” [Гаршин 1955, с.181]; “окровавленные люди” [Гаршин 1955, с.181]);

страдания (“люди физически страдали” [Гаршин 1955, с.149]; “жалобный крик” [Гаршин 1955, с.180]);

несчастья (“я испытывал невзгоды” [Гаршин 1955, с.149])невзгода – “несчастье, неудача” [ТСРЯ 1996, с.150]);

убийства (“шел под пули убивать людей” [Гаршин 1955, с.150]; “нужно убить” [Гаршин 1955, с.180]);

смерти (“тысячи молодых погибающих жизней” [Гаршин 1955, с.162]; “нужно умереть” [Гаршин 1955, с.180]);

мучений (“трудные переходы, пыль, жара, усталость” [Гаршин 1955, с.163]; “долго мучился до смерти” [Гаршин 1955, с.175]; “голодавшие люди” [Гаршин 1955, с.176]).

Схема эмоционального содержания концепта “война” по рассказу “Из воспоминаний рядового Иванова” представлена в следующем виде:

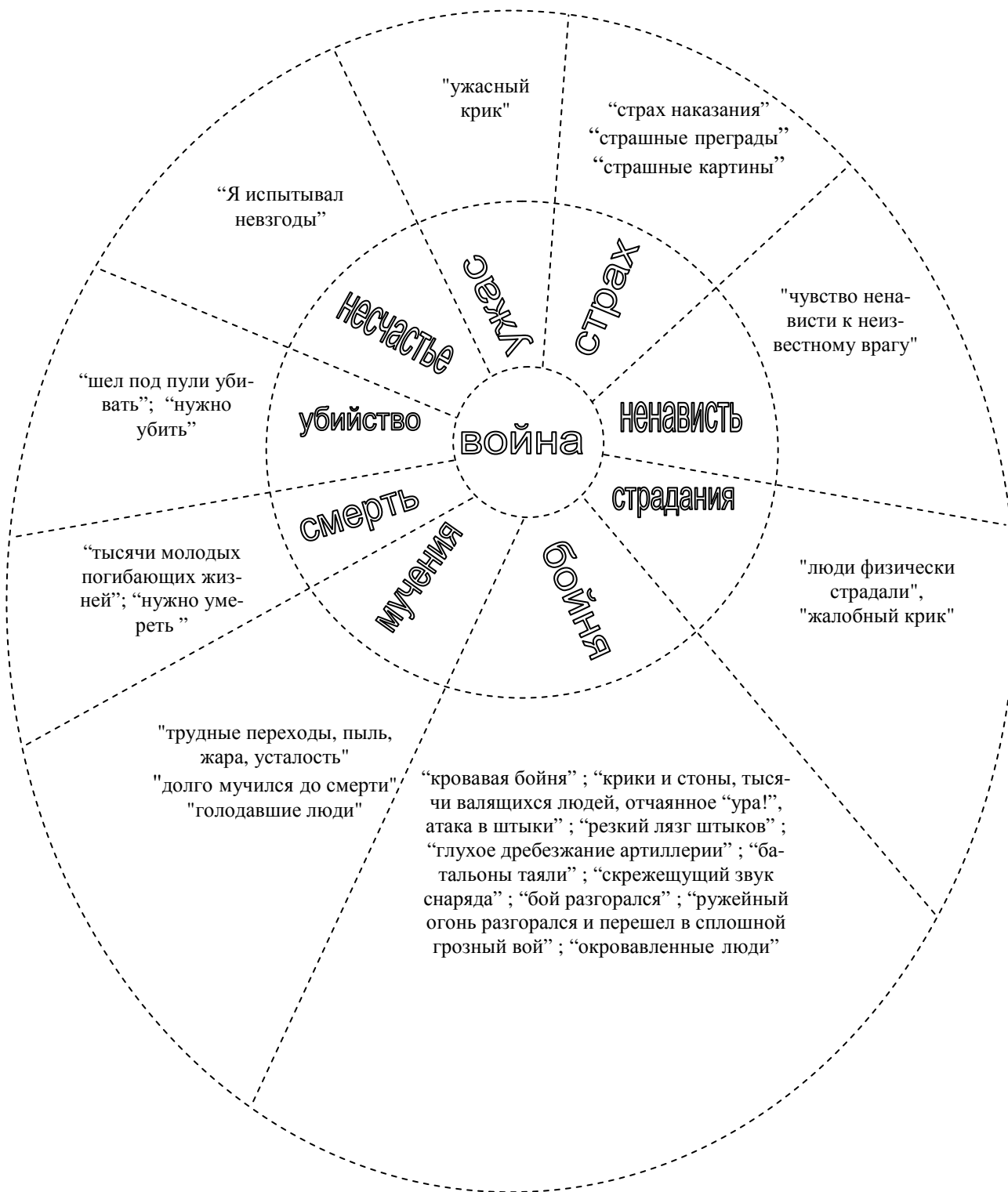

Рис.22

В рассказе “Аясларское дело”(1877) концепт “война” сопровождается следующими эмоциями:

страдания (“жара была смертная” [Гаршин 1955, с.387] (смертный - “мешающий жизни” [ТСРЯ 1996, с.297]); “страдающие солдаты” [Гаршин 1955, с.387]; “измученные бессонною ночью, и жаждой, и нервным напряжением” [Гаршин 1955, с.395] (измученный - “изнуренный; выражающий изнеможение” [ТСРЯ 1996, с.1170]); “жалобно воя” [Гаршин 1955, с.396]; “лежавшие дико вскрикивали” [Гаршин 1955, с.397]);

страха (“испугавшаяся турецкая колонна” [Гаршин 1955, с.398]);

дела (“пустое дело” [Гаршин 1955, с.391]; “полк, бывший в огне” [Гаршин 1955, с.391]; “грозные пушечные выстрелы” [Гаршин 1955, с.392]; “пули визжали пронзительно” [Гаршин 1955, с.396]);

смерти (“быть убитым . . . лучше в генеральном сражении” [Гаршин 1955, с.389]; “убитых было мало” [Гаршин 1955, с.391]; “свежие трупы наших и турок” [Гаршин 1955, с.396]).

Схема эмоционального содержания концепта “война” по рассказу “Аясларское дело” представлена в следующем виде:

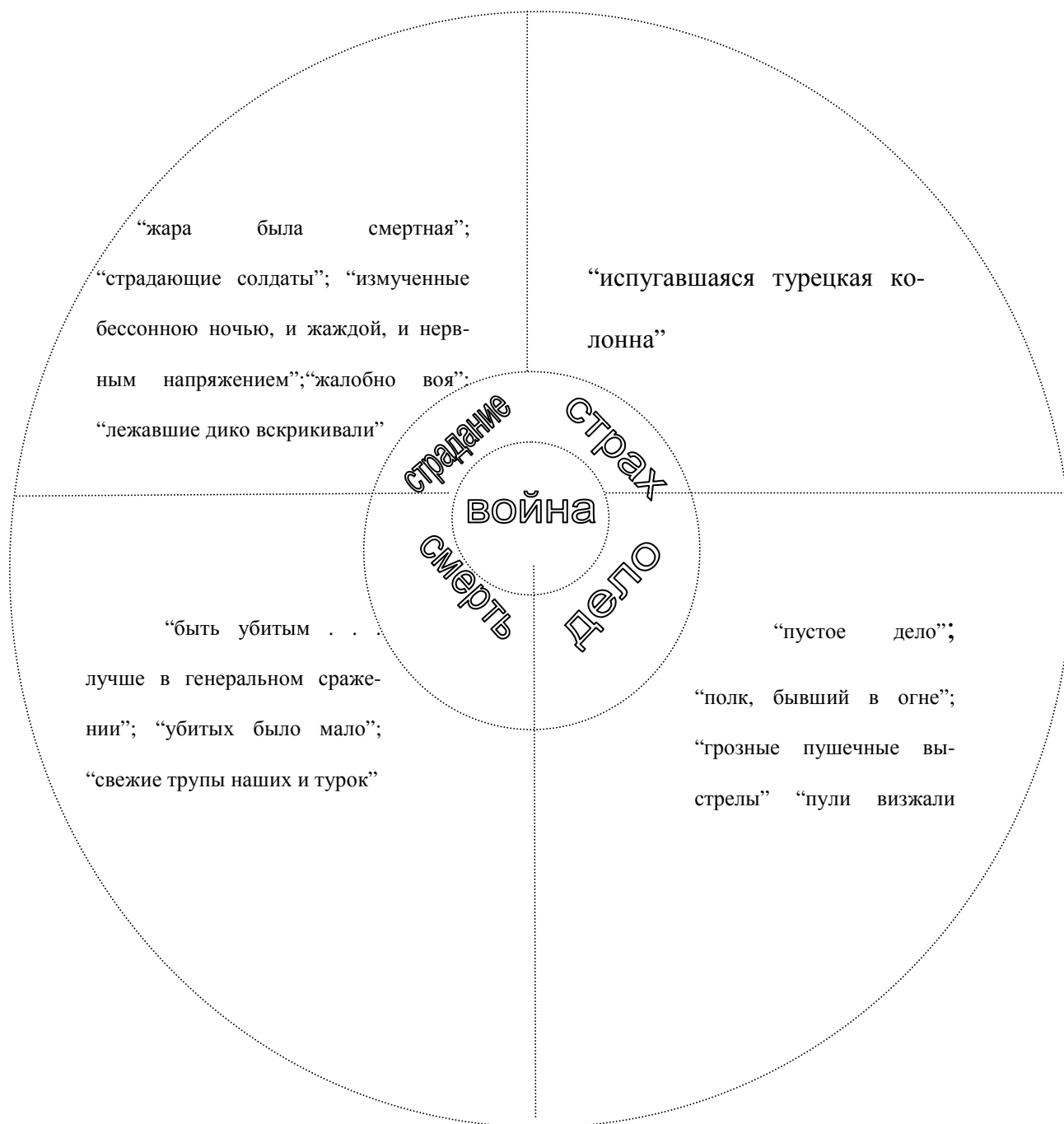

Рис.23

Таким образом, схема эмоционального содержания концепта “война” (на материале произведений В.М.Гаршина) представляется следующим образом:

Рис.24

* * * * *

Хотя в нашу задачу не входил анализ сущности категории “трагическое” в творчестве В.М. Гаршина, но обойти проявление данного понятия невозможно, так как компоненты доминантного концепта способствуют формированию “трагического” в его творчестве.

Концепт “война”, включая в свою семантику вариативные концепты, обозначающие разные грани трагического, становится как бы полисемантом, от которого ответвляется целое лексико-семантическое поле концептов, отражающих трагические проявления войны.

“Трагическое” в художественных произведениях В.М.Гаршина – это иерархически структурированная категория, в которой принцип инвариантности концепта “война” сочетается с вариативностью обозначения трагических явлений или эмоциональных состояний, связанных с концептом “война”, таких как “бойня”, “горе”, “зло”, “муки”, “насилие”, “ранения”, “смерть”, “страдания”, “убийства” и т. д. Все они категоризованные, хорошо известные модели эмоциональных состояний, составляющих “трагическое”.

Повторяющиеся компоненты модели семантико-ассоциативной структуры концепта “война” и схемы эмоционального содержания концепта могут быть объяснены авторским повторением из рассказа в рассказ.

Сам текст рассказов Гаршина стилистически нейтрален, так как писатель не использует какие-либо языковые приемы, в результате этого семантика концептов “трагического”, взаимопересекаясь и взаимодействуя друг с другом, ведет к приращению семантических оттенков, вследствие этого происходит усиление семантики этих слов, что в свою очередь способствует усилению ощущения трагичности в жизни описываемых героев. Ощущение трагичности усиливается еще и потому, что смерть героев неотвратима и неизбежна, потому что у них нет выбора: идти им воевать или не идти.

ГЛАВА 4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКО-АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА “ВОЙНА”

Цель эксперимента заключается в выявлении семантико-ассоциативной структуры концепта “война” и его компонентов, что в свою очередь помогает выявить превалирующее в творчестве Гаршина – трагическое видение войны. Эксперимент проводился в два этапа.

Мы исходили из того, что процесс восприятия и понимания художественного текста определяется в психолингвистике как сложный речементальный механизм, в основе которого лежит взаимодействие двух составляющих: структуры и семантики текста как вербального произведения и речемыслительных процессов индивида, воспринимающего текст.

Как подчёркивает В.Ф.Петренко, необходимость быть понятым диктует автору создание такой структуры текста, которая бы вызвала адекватное целям речевого произведения коммуникативное поведение реципиента, которое может быть зафиксировано в ходе эксперимента. Положение о том, что текст является репрезентацией фрагмента концептуальной картины мира автора, в проекции на трагический текст, требует следующего дополнения: трагическое как структурообразующий текстовой компонент представлено системой доминантного личностного смысла. Исходя из положения В.Ф.Петренко об изоморфизме речевого произведения, можно полагать, “что глубинная речевая структура понимания любого текста с восстановленной смысловой неполнотой и структура человеческой деятельности находятся в отношениях изоморфизма” [153]. Отсюда мы делаем предположение, что в известной степени возможно установление своеобразия речемыслительных процессов, совершающихся у респондентов при восприятии текста, и установлении своеобразия восприятия трагического при восстановлении намеренно нарушенной структуры текста, причём при сопоставлении этих двух

процессов, на наш взгляд, должна быть выявлена роль трагического как универсалии лингвоментального психолингвистического порядка.

Первый этап состоял в предъявлении реципиентам анкет, содержащих фрагменты художественных текстов В.М. Гаршина. Цель данного этапа заключается в выявлении уровня понимания содержания художественного текста на основе фиксации реципиентами доминантных, с точки зрения семантики, ключевых слов, на их взгляд.

Всего было предложено 11 анкет.

Эксперимент проводился среди студентов гуманитарного факультета АлтГТУ. В целом было получено 429 анкет.

Отбор материала для анкетирования определялся выделенными в ходе концептуального анализа доминантными личностными смыслами. Фрагменты текстов раскрывают содержание концепта “война”, выявленного как доминантного в произведениях В.М. Гаршина.

Обработка результатов первого этапа эксперимента позволяет сопоставить выделенные реципиентами доминанты с выделенными нами языковыми репрезентантами доминантных личностных смыслов, с одной стороны, а с другой - выявить доминантное для реципиентов содержание фрагментов, а также способы осуществления (стратегии) понимания, или непонимания. Критерием понимания в данном случае служит моделирование текста, фиксирующее доминантное смысловое содержание.

Список доминантных слов, выделенных реципиентами:

Анкета 1

убивать-39; драться-37; не хотел зла-34; пули-30; подставлять свою грудь под пули-2; я не хотел этого-1.

Анкета 2

война; солдат; противник; потери; убийство; жертвы-39; мёртвые; изувеченные-38; кровавая картина-34; ужас-30; катастрофа-25; военные теле-

граммы-20; день уносит сотни людей-19; известие о каком-нибудь убийстве-15; вид пронизанных пулями трупов-2; “убито 50, ранено 100”; нервы; не даёт покоя-1.

Анкета 3

убивать; война; умирать; зло-39; идти умирать-29; ружьё-28; идти умирать и убивать-10; свобода; против войны-5; я вижу моё здание спокойствия разрушенным; не дадут мне жалкой физической свободы; свободы располагать своим телом-2; духовная свобода; избегай этого зла-1.

Анкета 4

война; горе-39; страдание; война есть общее горе-38; человек будет изуродован-37; драться-36; измучен-35; я боюсь-34; общее страдание; вы не понимаете меня-1.

Анкета 5

причина всевозможных людских бед и страданий; кровавая бойня-39; чувство ненависти к неизвестному врагу-31; масса шла-30; неведомая тайная сила-24.

Анкета 6

лагерная жизнь; штаб-39; театры войны-37; окружающий мир-30; стояли в Ковачище-6.

Анкета 7

ряд лагерных фур-38; ружейная перестрелка-30; солдаты крестились-27; солдаты-12; ряд-1.

Анкета 8

солдаты-39; не вспомнил, что у него есть другой мир-37; отошли невцы-31; разговаривали-3; обстоятельства-2; пушечные выстрелы; родина, родные, друзья-1.

Анкета 9

пули летели и летели; при звуке смерти-39; напряжённое состояние-35; рота молчала-34; пули-30.

Анкета 10

драться; долг; стон; с окровавленными руками; отрезанная нога-39; унтер-офицер; я не струсил-38; крест-35; встреча-30; сон-28; “компания”-25; сёстры милосердия-3; дали крест и произвели в унтер-офицеры-1.

Анкета 11

предала; послать на смерть; изранены врагами-39; рады смерти-38; не стоит жить – страдать-37; стенания детей, погибших-35; за родину-31; пожертвовать собой-30; готовы биться до последней капли крови-29; сынов; нет пощады; день грозных бед-1.

В ходе первого этапа эксперимента 75% реципиентов в качестве доминант выделяют смыслы, репрезентирующие доминантные авторские смыслы, выделенные нами в процессе концептуального анализа на материале произведений В.М. Гаршина.

Следующие лексемы, репрезентирующие, по мнению реципиентов, доминантные авторские смыслы, составляют больший процент по сравнению со средним процентом совпадения доминантных слов реципиентов и репрезентации доминантных авторских смыслов:

анкета 1 – придётся **УБИВАТЬ** людей 100%; драться 95%;

анкета 2 – война 100%; солдат 100%; убийство 100%; кровавая картина 87%;

анкета 3 – убивать 100%; война 100%; зло 100%;

анкета 4 – война-зло 100%; горе 100%; страдания 97%;

анкета 5 – тайная сила 38%; неведомая тайная сила 61%; кровавая бойня 100%;

анкета 7 – солдат 30%;

анкета 10 – драться 100%; долг 100%;

анкета 11 – смерть 100%.

Выделение данных лексем как репрезентантов языковых доминант существенно влияет на интерпретацию текста при восстановлении пропущенных лексем.

Частичное несовпадение репрезентантов доминантных авторских смыслов, выделенных нами, и репрезентантов, фиксирующих доминантное содержание для реципиентов, выявляет разные поля интерпретации смысла. Так, концепт “убийство” в концептуальной системе В.М. Гаршина является одним из доминантных компонентов концепта “война”. Выделяемый компонент его структуры “драться” расширяется в разных произведениях в значении “предмет занятия”. В рассказе “Четыре дня”, по которому составлена анкета 1, реципиенты, акцентируя внимание на лексеме “драться” и одновременно на лексеме “убивать”, тем самым акцептируют данный концепт как доминантный. Приводим модель концепта “война”:

Рис.26

Концепт “война”, репрезентированный в анкетах 2,3 и 4 по рассказу “Трус”, имеет следующую структуру:

Рис.27

Выделение реципиентами лексем “неизбежность” (38%), “общее горе”, “общее страдание” (97%), определяют структуру данного концепта, акцентируют усиление эмоций горя и страдания.

Выделение в анкете 5 лексем “неведомая тайная (сила)” (61%) подчеркивает неосознанность самого процесса, ведущего к обезличиванию человека (“масса шла” (76%), подчиненная чей-то воле).

В анкетах 6,7,8 и 9 в качестве доминантной лексема “жизнь” (100%), репрезентирующая доминантный авторский смысл “зло” (94%), ядром интерпретативного поля является смысл, выраженный словом “мир”, противопоставленный “делу” как “кровавой войне”. Сравнение модели концептов “жизнь” и “мир” по анкетным данным приведено ниже.

Модель концепта “жизнь” по анкетным данным.

Рис.28

Модель концепта “мир” по анкетным данным.

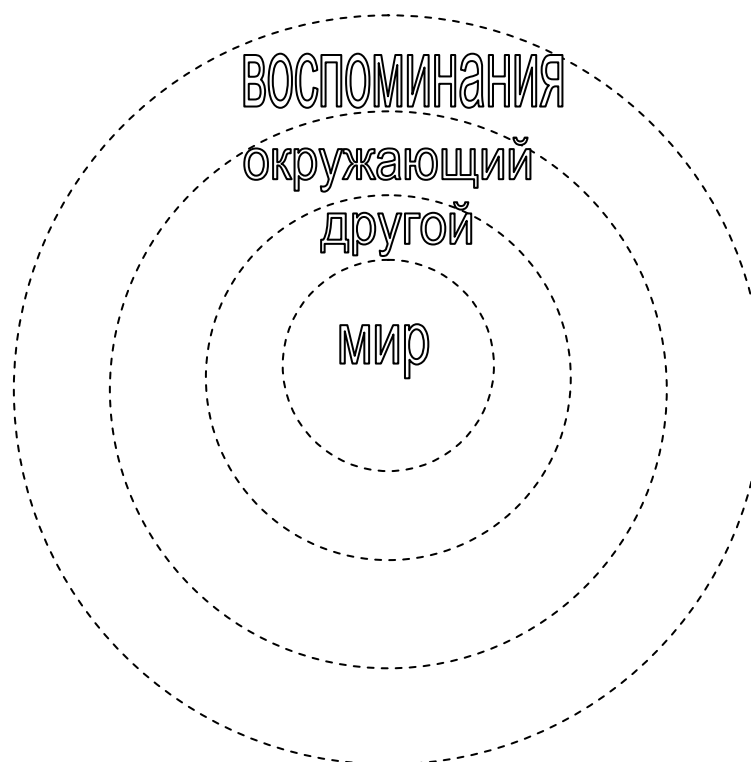

Рис.29

В анкете 10, которая составлена по очерку “Очень коротенький роман”, доминантные лексемы “компания” (64%), “встреча” (76%), “драться (100%), “долг” (100%), актуализируют концепт “война”. Реципиенты, акцентируя внимание на лексеме “драться” и одновременно на лексеме “долг”, интерпретируют данный концепт как один из доминантных. Сравнение моделей концептов “война” (выделенный нами) и “война” (выделяемый реципиентами) приведены ниже.

Рис.30

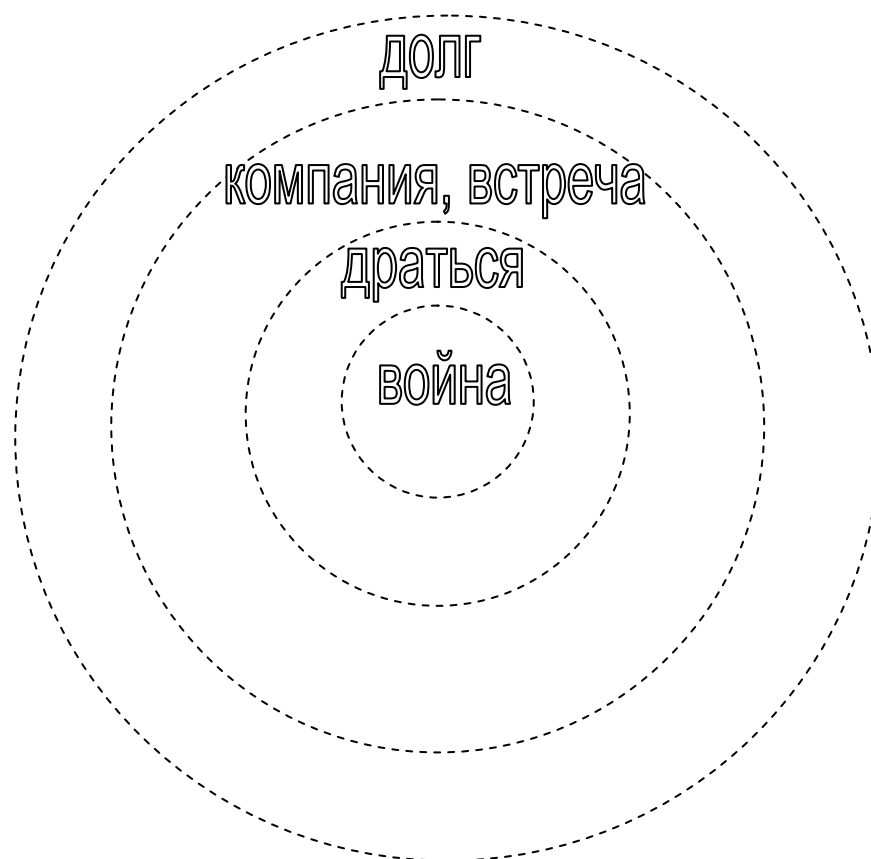

Рис.31

Фиксация лексем “послать на смерть”, “предала” в анкете 11 актуализирует концепт “война”. Выделение реципиентами лексем “рады смерти”, “не стоит жить-страдать” интерпретирует концепт “война” как преступление.

Таким образом, при различии смысловых компонентов структура полей интерпретации, выявленных нами посредством концептуального анализа и выявленных реципиентами в эксперименте, оказывается изоморфной. Это позволяет сформулировать гипотезу: в процесс понимания включаются все компоненты концепта, активизация которых происходит на базе имеющихся у индивида ассоциативных связей с тем или иным языковым репрезентантом. Поэтому актуализация даже одного компонента концепта ведет к восстановлению структуры и содержания концепта в целом, что становится необходимым условием понимания.

Для второго этапа эксперимента мы избрали методику восстановления языковых репрезентантов доминантных авторских смыслов. Это позволило

нам сопоставить процесс актуализации доминантных смыслов автором и реципиентами, и выявить структуры и стратегии понимания, осуществляемые реципиентами.

Второй этап эксперимента состоял в предъявлении реципиентам анкет, содержащих те же фрагменты текстов В.М. Гаршина, что и на первом этапе. В текстах были пропущены слова, выделенные реципиентами в ходе первого этапа эксперимента как доминантные (см. Приложение).

Каждая анкета содержала задание:

впишите на место пропусков необходимые, по-вашему, слова.

Всего было предложено 22 анкеты. Основные 11 анкет первого эксперимента предлагались по два раза в случае, если этого требовало количество пропущенных слов.

Цель второго этапа эксперимента заключается в выявлении стратегии понимания художественного текста на основе фиксации реципиентами языковых репрезентантов доминантных авторских смыслов.

Эксперимент проводился среди студентов гуманитарного факультета АлтГТУ. В целом было получено 858 анкет.

Всего в ходе первого и второго этапов эксперимента было получено 1287 анкет.

Список реакций реципиентов на предъявленные тексты второго этапа эксперимента:

Анкета 1 а

драться - драться – 11; на войне– 28.

Анкета 1 б

Зло - воевать – 1; этого - 9; зло – 19.

Анкета 2а

Война - кровопролитие – 1; бойня – 7; война – 31.

Анкета 2 б

Покой – спокойствие – 9; покой – 30.

Потери – трупы –8; жертвы – 11; потери – 20.

Картина_– картина – 1; бойня – 2; кровавая бойня – 15; кровавая картина – 21.

Анкета 3а

Война – зло, жестокость –1; смерть –3; насилие – 8; война –26.

Анкета 3 б

Зло – насилие; враждебность; преступление; смерть –1; разрушение – 5; жестокость – 10; зло – 20.

Умирать – сражаться; защищать Родину; воевать – 1; сложить голову – 4; на смерть – 13; умирать –19.

Анкета 4

Зло – горе, убийство, страдание; бойня; беда; кровь; трупы; калеки; раненые; чья-то идея; потери; необходимость; вызывает страх; особый мир; решение конфликтов – 1; противоестественна – 3; неизбежность; уродует людей; закономерность – 4; зло –9.

Анкета 5 А

Кровавая бойня – смерть; преступление; ужасная война; эта кровавая война; эта глупая война; бойня; насилие; военные действия; боль – 1; убийство себе подобных; ожесточенная война – 2; убийство – 4; жестокая война – 5; кровавая бойня; война – 9.

Анкета 5 б

Тайная сила – тайная сила – 39.

Анкета 6 а

Дело – битва, фронт, развалины, бой, действия –1; сражения – 8; война, место военных действий – 13.

Анкета 6 б

Мир – вокруг – 1; на войне, в бою, в деле – 3; окружающий мир – 5; жизнь – 10; мир – 14.

Анкета 7

Место – развалины; тропой; кровавое место – 1; место – 36.

Анкета 8 а

Драться – остался; выступил – 1; ранен; воюет – 2; убит – 5; погиб – 10; кто дерется; дерется с нашей стороны – 16.

Анкета 8 б

Другой – надежды – 1; другая жизнь – 2; мечты – 4; своему – 12; другое лицо – 21.

Анкета 9

Напряженное – накаленное – 1; тревожное – 6; напряженное – 31.

Анкета 10 а

Драться – на убийство – 1; убивать; сражаться; на фронт – 2; на преступление – 3; воевать – 6; на войну – 12; драться – 13.

Анкета 10 б

Долг – долг – 39.

Встреча – перестрелка – 1; схватка – 2; битва – 4; встреча – 32.

Анкета 11 а

Биться – воевать – 2; драться – 3; сражаться – 4; биться – 30.

Анкета 11 б

Тени – звери – 2; тени – 37.

Изранены – изранены – 39.

Смерть – гибель – 1; на войну – 2; смерть – 36.

Результаты анкетирования на втором этапе эксперимента позволили выявить следующие стратегии понимания текста: актуализация смыслового компонента концепта, репрезентированного пропущенной лексемой; репрезентированными другими лексемами текста; актуализация смыслового поля

эмоции, модальности и интенсивности эмоции; актуализация ассоциативных и стереотипных связей концепта.

Выбор той или иной стратегии понимания текста определяется, с одной стороны, смыслом самого текста, фиксирующего концептуальную картину мира его автора, с другой стороны, содержанием концептуальной картины мира индивида, осуществляющего процесс понимания.

Актуализация смыслового компонента концепта, репрезентированного пропущенной лексемой фиксируется в анкетах 2а, 3б, 5а, 6а, 6б, 7, 8а, 8б, 9, 10а, 10б, 11.

В анкете 2а 79% реципиентов фиксируют и расширяют смысловое поле лексемы “война” (война – “вооруженная борьба” [ТСРЯ 1996, с.347]). Расширение данного поля происходит по значению “деятельность” (борьба); бойня (бойня – “резня”, массовое избиение, побоище” [ТСРЯ 1996, с.166]); кровопролитие (кровопролитие – “убийство, гибель множества людей [ТСРЯ 1996, с.1521]).

Схема смыслового поля “война” по данным анкеты 2а:

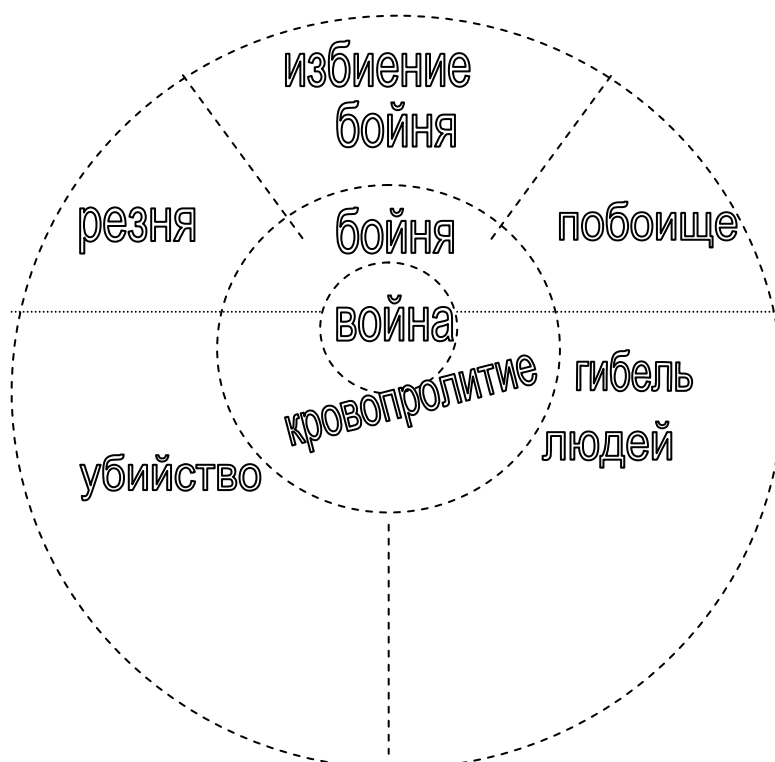

Рис.32

В анкете 3а 66% реципиентов фиксируют смысловое поле лексемы “война”. Значительное расширение данного поля происходит благодаря лексемам “жестокость” – 2% (крайняя суровость и грубость, беспощадность” [ТСРЯ 1996, с. 861]); “зло” – 2% (“беда, несчастье [ТСРЯ 1996, с.1101]); “смерть – 8% (“прекращение жизни, гибель” [ТСРЯ 1996, с.298]); “насилие” - 20% (применение физической силы, притеснение, злоупотребление властью [ТСРЯ 1996, с.423]).

Смысловое поле “зло” восстанавливают 51% реципиентов в анкете 3б. Данное направление интерпретации задается, с одной стороны, соседней лексемой “смерть” (“умирать”), с другой стороны, широким смысловым полем самой лексемы “зло” (“дурное, греховное, вредное; беда, напасть, несчастье; злость[ТСРЯ 1996, с. 1101]; жестокость – “крайняя суровость и грубость, беспощадность” [ТСРЯ 1996, с. 861]; разрушение – “результат действия” [ТСРЯ 1996, с. 1197]; смерть – “прекращение жизни, гибель” [ТСРЯ 1996, с.298]; преступление – “общественно опасное действие” [ТСРЯ 1996, с. 758]; насилие – “применение силы, принудительное воздействие; притеснение, злоупотребление властью, незаконное применение силы” [ТСРЯ 1996, с.423]; враждебность – “исполненность вражды, ненависти, неприязни”[ТСРЯ 1996, с. 392]; с.: умирать – “перестать жить; исчезнуть, прекратиться” [ТСРЯ 1996, с.240]; сложить голову – “погибнуть, умереть” [ТСРЯ 1996, с.279]; защищать Родину – “оборонять , ограждать от враждебных, неприязненных действий, от неприятеля [ТСРЯ 1996, с.1079]; воевать – “вести войну против кого-нибудь” [ТСРЯ 1996, с.329]; сражаться – “вести бой, принимать участие в сражении, биться, драться с оружием в руках” [ТСРЯ 1996, с.460]).

Схема смыслового поля “зло” по данным анкеты 3 б:

Рис.33

Смысловое поле “зло” по данным анкеты 4 дополняют принципиально новые лексемы: неизбежность – “судьба, рок” [ТСРЯ 1996, с. 509]; закономерность – “последовательное проявление” [ТСРЯ 1996, с. 954]; противоестественность – “находящееся в противоречии с естественным, обычным, нормальным” [ТСРЯ 1996, с.1024]; идея – “намерение; принцип мировоззрения” [ТСРЯ 1996, с.1133]; необходимость – “обязательность, неизбежность” [ТСРЯ 1996, с. 523] (особый мир – “состояние” [ТСРЯ 1996, с.224]; решение конфликтов – “разрешение столкновений, осложнений” [ТСРЯ 1996, с.1453]; страх – “состояние крайней тревоги, беспокойства от грозящей опасности” [ТСРЯ 1996, с.549]). Данное смысловое поле выделяют 41% реципиентов.

В анкете 5а смысловое поле “бойня” выделяется 46% реципиентов: война, бойня (война – “вооруженная борьба между государствами” [ТСРЯ 1996, с.347]; бойня – “резня, побоище” [ТСРЯ 1996, с.166]). Лексемы со значением “борьба” фиксируют 95% реципиентов. Это семантические группы: греховность (убийство, насилие, преступление (10%), вина (бойня, военные действия (48%), гибель (смерть (2%)).

Смысловое поле лексемы “дело” в анкете 6 а включает лексемы со значением “борьба” (борьба – “схватка” [ТСРЯ 1996, с. 177]); “столкновение” (столкновение – “стычка, бой” [ТСРЯ 1996, с. 529]); “остатки” (остатки –

следы существования” [ТСРЯ 1996, с.879]). Данное смысловое поле выделяют 97% реципиентов.

Смысловое поле лексемы “мир” в анкете 6 б включает лексемы со значением “война” (война – “вооруженная борьба” [ТСРЯ 1996, с.347]); “жизнь” (жизнь – “реальная действительность” [ТСРЯ 1996, с.870]); “территория” (территория – “пространство, ограниченное какими-нибудь пределами” [ТСРЯ 1996, с. 693]). Данное смысловое поле выделяют 85% реципиентов.

Схема смыслового поля “мир” по данным анкеты 6 б:

Рис.34

В анкете 7 смысловое поле лексемы “место” выделяют 92% реципиентов: развалина, тропой, кровавое место (развалины – “остатки разрушенного” [ТСРЯ 1996, с. 1122]; тропа – “путь, дорога” [ТСРЯ 1996, с. 807]; кровавое место – “залитое, покрытое кровью; кровопролитное, сопровождаемое множеством жертв” [ТСРЯ 1996, с. 1520]).

Схема смыслового поля “место”:

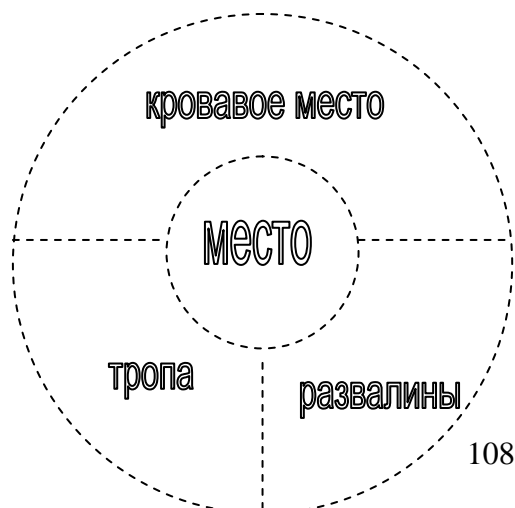

Рис.35

В анкете 8а смысловое поле “драться” фиксируют 41% реципиентов: кто дерется, дерется с нашей стороны, погиб, выступил, воюет, ранен, убит, остался (драться – “сражаться” [ТСРЯ 1996, с.797]; воевать – “принимать участие в войне” [ТСРЯ 1996, с.329]; выступить – “выйти вперед” [ТСРЯ 1996, с.510]; погибать – “подвергаться уничтожению, умирать [ТСРЯ 1996, с.344]; раненый - “имеющий рану, получивший ранение” [ТСРЯ 1996, с.1213]; убитый – “мертвый [ТСРЯ 1996, с.860]; остаться – “сохраниться, не перестать существовать” [ТСРЯ 1996, с.879].

Схема смыслового поля “драться” по данным анкеты 8а:

Рис.36

В анкете 8 б смысловое поле лексемы “другой” фиксируют 54% реципиентов: другая жизнь, другой мир, мечты, надежды (другой – “ не такой, иной, отличный от данного” [ТСРЯ 1996, с.804]; свой – “особый, своеобраз-

ный, свойственный только чему-нибудь данному” [ТСРЯ 1996, с.102]; мечта – “мысленный образ чего-нибудь сильно желаемого, манящего, предмет стремлений” [ТСРЯ 1996, с.205]; надежда – “желание, ожидание чего-нибудь радостного, приятного, соединенного с уверенностью в возможности осуществления” [ТСРЯ 1996, с.334]).

Схема смыслового поля “другой”:

Рис.37

В анкете 9 смысловое поле лексемы “напряженное” фиксируют 49% реципиентов: напряженное состояние, тревожное, накаленное (напряженный – “нервно приподнятый, возбужденный, готовый разразиться чем-нибудь” [ТСРЯ 1996, с.406]; тревожный – “исполненный тревоги, сопровождающийся тревогой” [ТСРЯ 1996, с.782]; накаленный - “назревает ссора, столкновение, инцидент” [ТСРЯ 1996, с.361]).

В анкете 10 а смысловое поле лексемы “драться” включает лексемы со значением “воевать” (воевать – “вести вооруженную борьбу” [ТСРЯ 1996, с.347]); “убивать” (убит – “лишить жизни, умертвить” [ТСРЯ 1996, с.360]).

Данное смысловое поле выделяют 94% реципиентов.

В анкете 10 б смысловое поле лексемы “встреча” выделяют 82% реципиентов: битва, схватка, перестрелка (битва – “сражение, бой” [ТСРЯ 1996, с.142]; схватка – “вооруженное столкновение, стычка” [ТСРЯ 1996, с.609]; перестрелка – “обстреливать друг друга” [ТСРЯ 1996, с.208]).

Схема смыслового поля “встреча”:

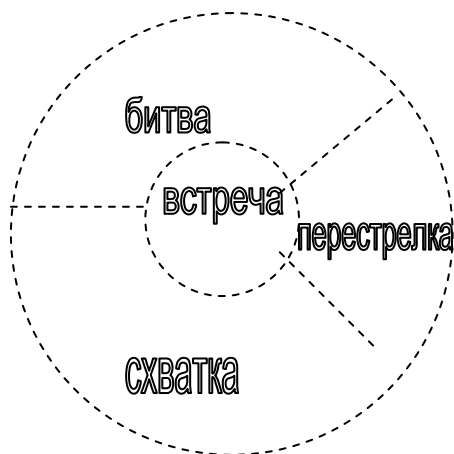

Рис.38

В анкете 11 а смысловое поле лексемы “биться” выявляют 77% реципиентов: сражаться, драться, воевать (сражаться – “вести бой, биться, драться с оружием в руках” [ТСРЯ 1996, с.460]; драться – “сражаться” [ТСРЯ 1996, с.797]; воевать – “принимать участие в войне” [ТСРЯ 1996, с.329]).

Схема смыслового поля “биться”:

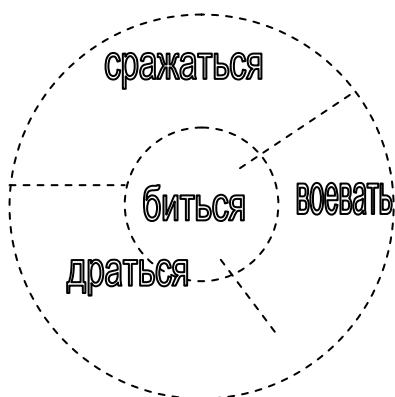

Рис.39

Актуализация эмоционального компонента концепта, репрезентированного пропущенной лексемой, фиксируется в анкетах 3б, 4, 5а, 6а, 8а, 10а.

В анкете 3б 51% реципиентов фиксируют смысловое поле эмоции как чувства, состояния. 33% реципиентов восстанавливают модальность эмоции зла: жестокость, насилие.

Рис.40

В анкете 4 смысловое поле пропущенной лексемы “зло” выявляют 41% реципиентов: чувства, волнения, неизбежность, закономерность. Модальность фиксируют 18% реципиентов: уродует людей, горе, убийство, бойня (уродовать – “калечить, наносить кому-чему-нибудь увечье” [ТСРЯ 1996, с.980]).

Схема эмоции “зло” по данным анкеты 4:

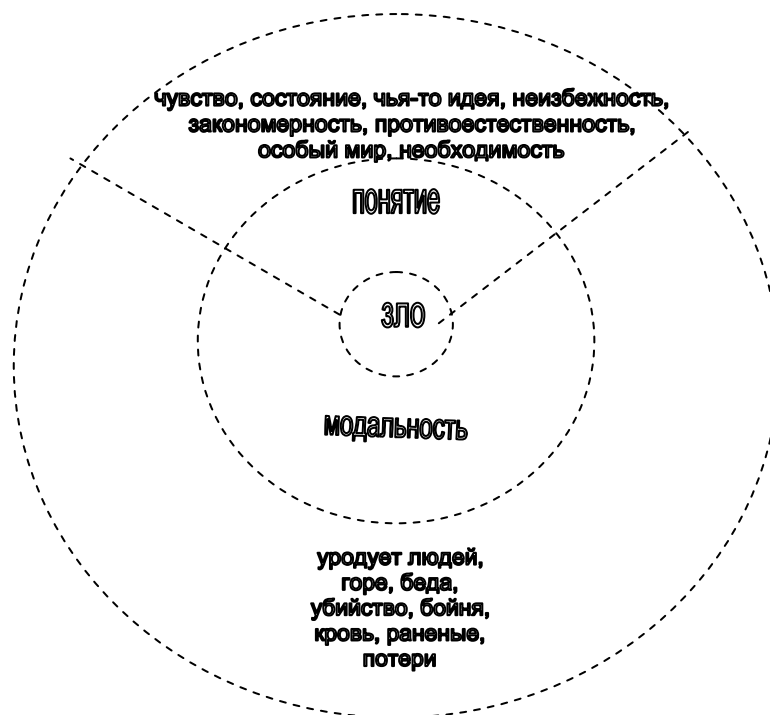

Рис.41

В анкете 5а 46% реципиентов выделяют смысловое поле эмоции “зло”, на что указывает контекст: “Нас влекла неведомая тайная сила” (чувство, состояние, настроение). 50% реципиентов фиксируют модальность эмоции “сила зла”: гибель, страдание. На выбор эмоции “страдание” влияет контекст: “... вся масса шла, ... подчиняясь тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню – самую крупную причину всевозможности, людских бед и страданий” (страдание – “мучение, боль физическая или душевная” [ТСРЯ 1996, с.543]).

Поэтому 58% реципиентов фиксируют смысловое поле эмоции: чувства, ощущения, стремления. 3% реципиентов выделяют модальность эмоции: боль, убийство себе подобных, глупая война.

Схема эмоции страдание:

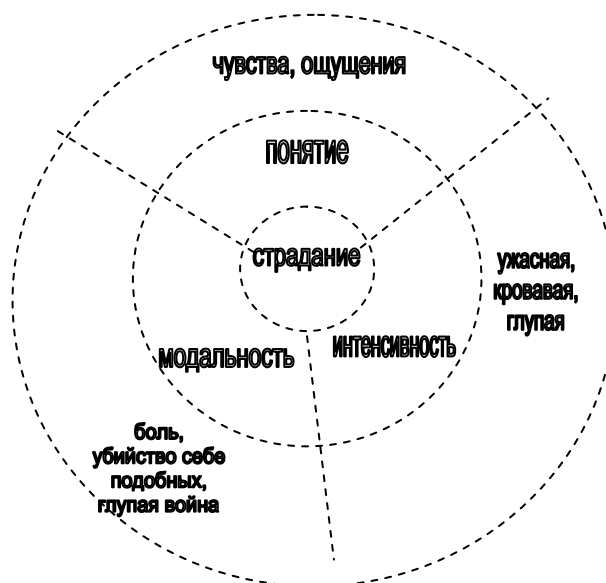

Рис.42

В анкете 8а основным способом интерпретации становится актуализация смыслового поля “война”, репрезентированного контекстом. 31% реципиентов фиксируют смысловое поле следующими лексемами: сражение, битва, фронт, бой, действия. 33% реакций “нет дела”, “нет никакого дела” вызываются семантическими связями глагола “делать” (“действовать” [ТСРЯ 1996, с.678]).

В анкете 8а 90% реципиентов выделяют модальность эмоции зло, репрезентированной лексемой “драться”: дерется, погиб, ранен, воюет, убит (драться – “сражаться” [ТСРЯ 1996, с.797]).

Во втором случае модальность темы фиксируют 69% реципиентов, понятие темы не фиксируются.

Актуализация ассоциативных связей концепта фиксируется в анкетах 1, 2а, 3б, 5а.

Частотность таких слов, как “драться”, “зло” в анкете 1 объясняется наличием устойчивых ассоциативных связей со словом “война” (война – драться -11, зло -19).

Фиксация слов в анкете 2а вместо пропущенного концепта “война” – бойня и кровопролитие, также вызывается ассоциативными связями (война – бойня 7, кровопролитие – 1).

Ассоциативное поле “умирать” в анкете 3б включает зафиксированные 92% реципиентов лексемы со значением “смерть”: “умирать, сложить голову, на смерть (смерть – умирать -19, на смерть 13, сложить голову 4).

В анкете 5а 77% реципиентов выделяют следующие составляющие ассоциативного поля “бойня”: война, убийство, действия, кровь (война – “битва, бойня, действия, кровопролитие” [РАС 1994, с. 167]).

Схема ассоциативного поля “бойня”:

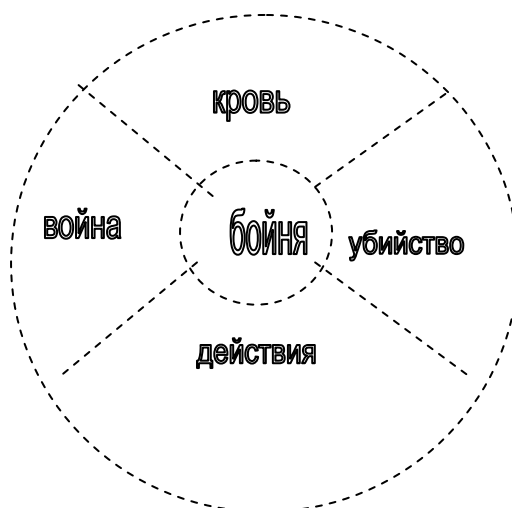

Рис.43

Актуализация стереотипных связей концепта фиксируется в анкетах ба, 9, 10а, 10б, 11а.

В анкете ба такие реакции, как дело, действия, сражение, битва, фронт, бой, основаны на стереотипном понимании войны как боевых действий. В рамках данного стереотипа текст интерпретируют 64% реципиентов.

В анкете 9 эмоция состояния, репрезентированная лексемой “напряженное”, усиливается стереотипной реакцией “тревожное”, “накаленное” (18%).

В анкете 10а такие реакции, как воевать, сражаться, убивать (94%), основаны на стереотипном понимании слова “драться”.

В анкете 10б выбор пропущенной лексемы “встреча” определяется стереотипностью словосочетания “с врагом”: битва, схватка, перестрелка (96%).

В анкете 11 а такие синонимичные реакции, как биться, сражаться, драться, воевать (100%) возникают благодаря стереотипным реакциям на слово “воевать”.

Таким образом, одной из стратегий понимания текста по данным второго этапа эксперимента является актуализация одного или нескольких компонентов поля интерпретации смысла, репрезентированного пропущенными лексемами. Актуализацию и построение такого концептуального поля определяет сам текст как совокупность отдельных лексем, каждая из которых указывает на семантические связи искомой лексемы.

Результаты актуализации семантических связей отдельных лексем текста различны: в одном случае выстраивается поле интерпретации смысла, репрезентированного пропущенной лексемой, в другом случае выстраиваются смысловые поля лексем, семантически и ассоциативно не связанные с пропущенной лексемой. В первом случае неэмоциональная лексика фиксирует 23% реакций, эмоциональная – 40% реакций, во втором случае неэмоциональная лексика составляет 26% реакций, эмоциональная – 17%.

Такое несовпадение в интерпретации эмоциональной и безэмоциональной лексики выявляет еще одну стратегию понимания текста – актуализацию эмоционального компонента компонентов концептуального поля интерпретации смысла.

Следующей стратегией понимания текста, выявленной на втором этапе эксперимента, является актуализация ассоциативных связей текстовых репрезентантов. Выявленный нами незначительный процент 5% актуализации ассоциативных связей не означает подчиненности данной стратегии другим

стратегиям понимания текста, так как наличие всех ассоциативных связей всех лексем и сочетаний лексем текста не поддается проверке, тем более, что массив личностных ассоциаций реципиентов значителен (около 45%).

Такая стратегия понимания текста, как актуализация стереотипных связей, выявляется по данным небольшого количества реакций (5% - безэмоциональная лексика, 2,5 % – эмоциональная). Это определяется, с одной стороны, спецификой материала, с другой стороны, отсутствием четкого критерия разделения реакций на стереотипные и уникальные.

* * * * *

Для произведений Гаршина “трагическое” является структурообразующим текстовым компонентом, актуализирующимся в доминантном концепте “война”.

Фиксация реципиентами доминантных ключевых слов показали, что концепт “война” имеет семантико-ассоциативную структуру. Семантико-ассоциативная структура доминантного концепта “война”, репрезентированного в разных рассказах до некоторой степени вариативна. Например, в рассказе “Трус” концепт “война” имеет следующую структуру: “горе”, “зло”, “ужас”, “мнение “Я”, “неизбежность”, “убийство” и т.д.

Сопоставление выделенных реципиентами доминант с языковыми репрезентантами доминантных личностных смыслов показывает, что существует определённая степень совпадения (несовпадения в понимании содержания фрагментов текста).

Лексемы, репрезентирующие с точки зрения реципиентов доминантные авторские смыслы, составляют больший процент в сопоставлении со средним процентом совпадения доминантных слов реципиентов и репрезентации доминантных авторских смыслов.

Частичное несовпадение доминантных слов реципиентов и репрезентации доминантных авторских смыслов в процентном отношении очень мало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном диссертационном исследовании был проведён концептуальный анализ произведений Р.Олдингтона и В.М.Гаршина и на его основе построены модели фрагментов концептуальной картины мира каждого писателя. В результате анализа был выявлен доминантный концепт “война”, семантико-ассоциативная структура которого относительно вариативна.

Проведённое экспериментальное исследование структуры и содержания доминантного концепта “война” показало, что в нём возможно выделение доминантных личностных смыслов каждого автора анализируемых произведений.

Компоненты доминантного концепта “война” в целом формируют категорию “трагическое”, исследование которой не входило в нашу задачу, тем не менее мы не можем не касаться темы трагического в произведениях Р.Олдингтона и Гаршина, так как концепт “война”, включая в свою семантику вариативные концепты, обозначающие различные грани трагического, становится как бы полисемантом, от которого ответвляется целое лексико-семантическое поле концептов, отражающих трагические проявления войны.

На основании результатов концептуального анализа текстов Р.Олдингтона и В. М. Гаршина были разработаны модели семантико-ассоциативной структуры концепта “война” этих писателей.

Экспериментальное исследование структуры концепта “война”, проведенное на материале произведений В. М. Гаршина, показывает, что доминантный концепт “война” является универсальным, включает в себя ряд вариативных концептов, набор которых также вариативен от произведения к произведению.

Известно, что концепт “война” несет в себе большую долю трагического смысла, однако проведенное диссертационное исследование не решает проблем, связанных с трагическим смыслом вообще, скорее, оно является

постановкой проблемы, имеющей различные перспективные направления: решение комплекса вопросов о статусе, сущности и природе реляционных категорий в концептуальной картине мира; определение роли трагического смысла, репрезентированного в художественных и нехудожественных текстах и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абелева И.Ю. Речь о речи: Введение в психологию общения - М.: Наука, 1992. - 122 с.
2. Абрамян Л.А. Значение как категория семиотики // Вопросы философии. - 1965. - №1. - С.56-66.
3. Абульханова К.А., Воловикова М.И. Проблемы исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. - 1991. - №4. - Т. 12. - С.27-40.
4. Аветян Э.Г. Природа лингвистического знака. - Ереван: Митк, 1968. - 223с.
5. Аветян Э.Т. Семиотика и лингвистика. - Ереван, 1989. - 286 с.
6. Аветян Э.Т. Смысл и значение. - Ереван, 1979.
7. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. - 1986. - №1. - С. 95-101.
8. Адам Д. Восприятие, сознание, память. - М.: Мир, 1983. - 147 с.
9. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного текста. - Ташкент: Изд-во ФАН УзССР, 1988. - 119с.
10. Алексеев Н.Г. Заметки к соотношению мыследеятельности и сознания // Вопросы методологии. - 1991. - №1. - С. 3-8.
11. Андриющенко Т.Я. Лингвистические закономерности интерпретации речевого сообщения. Обращение, текст, высказывание. - М., 1981.
12. Андриющенко Т.Я. Структура текста как инструмент смыслового восприятия речевого сообщения // Культура, общение, текст. - М., 1988. - С.127-138.
13. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. - М.: Наука, 1980. - С.196.
14. Анпилова Н.В. Психологический анализ роли личностной значимости содержания высказывания в речевой деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. АПН СССР. НИИ общ. и пед. психологии. - М., 1984. - С.24.

- 15.Апресян Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
- 16.Апухтин В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1977.
- 17.Артемяева Е.Ю. Психология субъективной семантики. - М. : Изд-во МГУ, 1980. - С.126.
- 18.Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. - М.,1982.
- 19.Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация.- М.,1977.
- 20.Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека – М., 1999. – 896 с.
- 21.Асмолов А.Г. Деятельность и установка. - М.: Изд-во МГУ, 1979. -С.150.
- 22.Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности // Вопросы психологии. - 1986. - №1. - С.5-11.
- 23.Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. - М.: МГУ, 1990. - С.367.
- 24.Аувяэрт Л. Эмоции и речевая деятельность // Известия Тарт. ун-та. - 1989. Вып. 714. - С.40-51.
- 25.Аугустинавичюте А. О дуальной природе человека. // Соционика, ментология и психология личности. - 1996. - №1. - С.5- 19.
- 26.Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. - С.184.
- 27.Баранов А.Г. Функционально-практическая концепция текста. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Краснодар, 1993. - С.50
- 28.Баранов А.Г. Эмоциональная экспрессия - язык - текст. // Филология. - 1993. - №1. - С. 5-10.
- 29.Баранов А.Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). - М.: Знание, 1990. – 63 с.

30. Баранов Б.Н., Добролюбский Д.О. Л.Вайсгербер в когнитивной перспективе. // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. - 1990. - Т. 49. - № 5. - С. 451-458.
31. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. – М.: Издательская гр. “Прогресс”, “Универс”, 1994. – 616 с.
32. Барт Р. Текстовый анализ // Новое в заруб. лингвистике: Сб. Вып. IX. Лингвистика. (Сост. и вступ. ст. И.Р. Гальперина. – М.: Прогресс, 1980. - С. 307-312.
33. Басин Ф.В. К развитию проблемы значения и смысла // Вопросы психологии . - 1973. - №6. - С.13-25.
34. Басин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве // Вопросы философии. - 1978. - №2.
35. Баталова Т.М.. Соотношение предикативных и релятивных отрезков текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1977.
36. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. - Киев, “NEXТ”, 1994. – 509 с.
37. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. - М.: МГУ, 1988. – 120 с.
38. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
39. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Вып. 4. – М. , 1965.
40. Бехтерева Н.П. Материальные основы психической деятельности человека // Человек в системе наук. - М.: Наука, 1989. - С.134-143.
41. Богданов В.Г. Текст и текстовое обобщение. - СПб: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1983. - 68 с.
42. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1984. – 34 с.

43. Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. – Калинин: КГПУ, 1989. - 69 с.
44. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. - Тверь: ТГУ, 1993.-138 с.
45. Богушевич Д.Г. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. – Минск: Высшая школа, 1985. – 116 с.
46. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. - Томск: ГТУ, 1992. – 212 с.
47. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня – Томск, 1992. – 309 с.
48. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой вариативности: Основы эмотивной стилистики текста. - Ташкент, 1981. – 116 с.
49. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л.,1978.
50. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий: Отношения оппозиций и неоппозитивные различия // Вопросы языкознания. – 1981. - №6. - С.17-28.
51. Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1989. – 17 с.
52. Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект. Диссерт. ... доктора филолог. наук. - Барнаул, 1998.
53. Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. - 1975. - №10.
54. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Философские науки. -1973. - №1. - С.108-117.
55. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании. Методологические проблемы анализа языка. – Ереван, 1976.

- 56.Булыгина Т.В., Крылов С.А. Языковая категория // Лингв. энцикл. слов. (Гл. ред. В.Н.Ярцева.- М.: Сов. Энцикл., 1990. – с.215-216.
- 57.Булыгина Т.В., Крылов С.А. Понятийные категории // Лингв. энцикл. слов. (Гл.ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 385-386.
- 58.Бутакова Л.О. Концептуально-семантический анализ художественного текста как средство моделирования авторского сознания // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса русистов-исследователей /Под общ. ред. М.Л.Ремневой и А.А.Поликарпова – М., 2001. – С. 91-92.
- 59.Бюллер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка – М., 1993. – 528 с.
- 60.Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. - М.: Наука, 1987. – 140 с.
- 61.Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев, 1988. – 237 с.
- 62.Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. - 1993. -№5. - С.5-19.
- 63.Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков – М., 1990. – 780 с.
- 64.Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – 416 с.
- 65.Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. - М.: МГУ, 1982.- 336 с.
- 66.Ветров А.А. Методологические проблемы современной лингвистики. Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1973. – 96 с.
- 67.Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций: Тексты. – М., 1993. – С. 3-28.
- 68.Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М., 1990. – 283 с.

- 69.Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971.
- 70.Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959.
- 71.Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М., 1980.
- 72.Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.
- 73.Л. Витгенштейн. Философские работы. – М.:ГНОУзи, 1994. – 612 с.
- 74.Волков А.Г. Язык как система знаков. – М., Изд-во МГУ, 1966. – 88 с.
- 75.Воронова Н.Г. Деятельностная модель интерпретации художественного текста. Автореферат диссертации ... к.ф.н. – Барнаул, 2000. – 17 с.
- 76.Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Искусство, 1986.- 537с.
- 77.Вяткина Н.Б. Смысл в логике. - Киев: Наукова думка, 1991.- 124с.
- 78.Гайденок П.П. Проблема рациональности на исходе XX века. // Вопросы философии.- 1991.- №6. - С.3-14.
- 79.Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР. Серия литерат. и языка. - Т. 36.- №6. - 1977.- С. 522-532.
- 80.Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. - М., 1974.
- 81.Гальперин И.Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // Вопросы языкознания. -1977.- №1.
- 82.Гальперин И.Р. О понятии “текст” // Вопросы языкознания.- 1974. -№ 6.
- 83.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.,1981.
- 84.Гаршин В.М. Рассказы.- Спб., 1882. (Первая книжка рассказов).
- 85.Гаршин В.М. Вторая книжка рассказов. - Спб., 1885.
- 86.Гаршин В.М. Третья книжка рассказов. Посмертное издание. - Спб., 1888.
- 87.Гаршин В.М. Сочинения. - М.: Художественная литература, 1955.- 436с.
- 88.Гаузенблаз Карел. О характеристике и классификации речевых произведений.// Новое в зар. лингвист. Вып. 8. Лингвистика текста.- М., 1978.
- 89.Герман И.А. Лингвосинергетика. – Барнаул, 2000.

90. Герман И.А. Речевая деятельность как самоорганизующаяся система: к становлению лингвосинергетической парадигмы. Автореферат диссертации ... к.ф.н. – Барнаул, 1999.
91. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. - Барнаул, 1999. – 128 с.
92. Гиндин С.И. Внутренняя организация текста: Элементы теории и семантический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1972. – 23 с.
93. Голикова Т.А. Слово как интегративный компонент репрезентации концептуальной картины мира (на материале творчества В.В.Набокова.) Дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1996. – 219 с.
94. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. - М.: Наука, 1986. – 104 с.
95. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – Калинин, 1983. – 224 с.
96. Гриб В.В. Проблема взаимосвязи образа и знака. – Минск: Наука и техника, 1978. – 168 с.
97. Гришина О.Н. Особенности организации информации в научном и художественном тексте. Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. (Отв. ред. М.Я. Цивьян. - М.: Наука, 1985. - С.39-48.
98. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. - 400с.
99. Гумбольдт В. Фон. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1984.- 450 с.
100. Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение: структура и способы организации. - Спб.: Наука, 1994. – 88 с.
101. Дейк Т.А. ван. Язык. Познания. Коммуникация. – М., 1989.- 312 с.
102. Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – 169 с.

103. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. - М., 1989. – 172 с.
104. Дмитриева Н.Л. Конвенциональный стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1996.
105. Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека. Логический анализ языка: Знание и мнение. - М., 1988.
106. Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. - М., 1982.
107. Драчева С.И. Экспериментальное исследование национальной специфики концептуальной картины мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1998. – 22 с.
108. Дубов И.Г. Феномен менталитета: Психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20-30.
109. Единицы языка в функциональном аспекте. – Тула, 1991. – 150с.
110. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. - М.: Наука, 1982. - 159с.
111. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. – Киев, 1984.
112. Жоль К.К. Язык как практическое сознание. – Киев, 1990.
113. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М., 1981.
114. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. - Тверь, 1992. - 136с.
115. Залевская А.А. Понимание текста как актуальная психологическая проблема // Литературный текст: проблемы и методы исследования. - Калинин, 1987. – 204 с.
116. Залевская А.А. Проблемы психолингвистики. - Калинин, 1983. – 135 с.
117. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999.- 382 с.
118. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 2000.- 382 с.

119. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. - Воронеж, 1990. – 204 с.
120. В.П.Зинченко, М.К.Мамардашвили. Изучение высших психологических функций и категория бессознательного // Вопросы философии. -1991. - №10. - С.34-40.
121. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии.- 1991. - №2. - С.15-36.
122. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. - 1977. - №7.
123. Зинченко В.П. От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология. - М.: Изд-во МГУ, 1983. - С.140-149.
124. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. – М.: РАН, 1994.- 235с.
125. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии мышления // Вопросы психологии. - 1991. - №1. - С.18-25
126. Зинченко В.П. Проблема образующих сознания в деятельностной теории психики // Вестн. МГУ. Сер14: Психология. - 1988.- №3. - С.25-33.
127. Зинченко В.П., Смирнов С,Д. Методологические вопросы психологии. - М. 1988.
128. Иванов А.В. Сознание и мышление. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 130с.
129. Изард К.Е. Эмоции человека. - М.: Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
130. Исследования речевого мышления в психолингвистике. - М.: Наука, 1985. – 240 с.
131. Каменская О.Л. Текст и коммуникация.- М.: Высшая школа, 1990. – 151 с.
132. Каменская О.Л. Структура и функции текста как средства коммуникации.- М.: Изд-во МГУ, 1991.- 72 с.

133. Каражаев Ю.Д. Парадигмы миров в художественных текстах // Художественный текст: проблемы изучения: Тез. Выступ. На совещ. ИРЯ АН СССР, Пензенский ГПИ им. В.Г.Белинского. – М., 1990. -С.12-13
134. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 370 с.
135. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987. –262 с.
136. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Ленинград: Изд-во Ленингр. Универ., 1978. – 160 с.
137. Клаус Г. Сила слова (Гносеологический и прагматический анализ языка) - М.: Прогресс, 1967. – 215 с.
138. Кожина М.Н., Салимовский В.А. Человек-Текст-Культура // Вопросы языкознания. 1996. №1. С. 166-169..
139. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке.- М.: Наука, 1990.
140. Контекст – 1974. -- М.,1975.
141. Красных В.В. Анализ дискурса с точки зрения национально-культурной составляющей // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса русистов-исследователей /Под общ. ред. М.Л.Ремневой и А.А.Поликарпова. – М., 2001. – С.74.
142. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1998. № 1. С. 53-70.
143. Крюков А.Н. Межъязыковая коммуникация и проблема понимания // Перевод и коммуникация. - М., 1997. С. 73-83.
144. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира. Роль человеческого фактора в языке // Язык и картина мира. -М.: Наука, 1988. - С.141-171.

145. Кубрякова Е.С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этой проблемы // Язык и структуры представления знаний. - М.: ИНИОН, 1992. - С.4-38.
146. Кузьменко-Наумова О.Д. Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. - Куйбышев, 1980. – 78 с.
147. Кузьменко-Наумова О.Д. Семиотика речевого воздействия. Отражение и смысл. - Куйбышев, 1986. – 116 с.
148. Культура, общение, текст. - М., 1988. – 202 с.
149. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М. , 1985.
150. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. - М., 1993. - С.18-25.
151. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 287 с.
152. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
153. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. - М.: Педагогика, 1983.
154. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М., 1999. – 487 с.
155. Логический анализ языка. Проблемы интенсивных и прагматических контекстов: Сб. ст. /Под ред. Н.Д.Арутюновой. – М.: Наука, 1989. – С.3-6.
156. Ломтев Т.П. О природе значения языкового знака // Вопросы философии. - 1960.- №7. - С.130
157. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – Киев, 1982.
158. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. – Киев: “Collegium”, 1994. – 288 с.
159. Мамардашвили М.К. Что такое сознание // Вопросы философии. -1984.- №2. - С.58-75.

160. Мамардашвили М.К. Язык и культура // Вестн. высш. шк. - 1991. - №3. - С.46-52.
161. Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 23с.
162. Марковина И.Ю. Культурные факторы и понимание художественного текста // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. - 1984. - Т. 43. - №1.
163. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии. -1991. - №10.- С.41-47.
164. Мигирин В.Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. – Кишинев: Изд-во “Штиинца”, 1978. – 139 с.
165. Мозг и разум. - М.: Наука, 1994. – 175 с.
166. Мороховская Э.Я. Взаимодействие грамматических категорий в тексте // Текст и его категориальные признаки: Сб. научн. Тр. КГПИИЯ. – Киев, 1989. – С.101-110.
167. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. - Красноярск, 1991. – 213 с.
168. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж, 1990. – 106 с.
169. Налимов В.В. Вероятная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М.: Наука, 1979. – 304 с.
170. Никитиевич В.М. К вопросу о категории в русском языке // Филологические науки. - 1960. - №3.
171. Нишанов В.К. О смысле смысла // Экспериментальный анализ смысла. - Фрунзе, 1987. - С.10 – 19.
172. Новиков А.Н. Семантика текста и ее формализация. - М.: Наука, 1983. – 215 с.

173. Новинков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. - М.: Наука, 1990. – 136 с.
174. Общение. Текст. Высказывание. - М.: Наука, 1989. – 175 с.
175. Павленис Р.Й. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. - М.: Мысль, 1983. – 286 с.
176. Павленис Р.Й. Понимание речи к философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. - М.: Прогресс, 1986. С.380-389.
177. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания.- М.:МГУ, 1988.-208 с.
178. Петров В.В. Структуры значения (логический анализ). –Новосибирск: Наука, 1979. – 144 с.
179. Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления. // Вестник Моск. ун-та. Сер.14. Психология. - 1984.- №4. - С.13-21.
180. Пищальникова В.А. Общее языкознание. – Барнаул, 2001. – 238 с.
181. Пищальникова В.А. Понятие картины мира в современном мире // Этногерменевтика и языковая картина мира: теория и тактика. - Кемерово: Изд-во КГУ, 1998. - С.71-74.
182. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. - Новоосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 1992. – 132 с.
183. Пищальникова В.А. Речевая деятельность как синергетическая система // Известия Алт. гос. ун-та. – Барнаул, 1997. № 2. С. 72-79.
184. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – 209 с.
185. Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс , 1985, -344 с.
186. Понимание и интерпретация текста. - Тверь, 1994. – 169 с.
187. Проблемы взаимодействия единиц различных языковых уровней. – Барнаул, 1984. – 97 с.
188. Психолингвистические проблемы семантики. - Калинин, 1990. –140 с.

189. Психология. Словарь. (Под общ. Ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Полит-издат, 1990. – 494 с.
190. Психология эмоций. - М.: Изд-во МГУ, 1984. – 287 с.
191. Радзиевская Т.В. Слово СУДЬБА в современных контекстах // Логический анализ языка: культурные концепты. – М., 1991. – С. 64-71.
192. Радченко О.А. Языковая картина или языковое мирозидание? // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. - 1990. - Т. 49. - №5. - С.444-450.
193. Ракитов А.И. Диалектика процесса понимания (Истоки проблемы и операционная структура понимания) // Вопросы философии. -1985. - №12. - С.62-71.
194. Речевое мышление и текст. - Воронеж, 1993. – 196 с.
195. Реферовская Е.И. Лингвистические исследования структуры текста. – Л.: Наука, - 1983. – 215 с.
196. Роль человеческого фактора в языке: Языковая картина мира. - М.: Наука, 1988. – 216 с.
197. Рубинштейн С.Л. Эмоции // Психология эмоций: Тексты. – М., 1983. – С. 160-170.
198. Русский ассоциативный словарь (Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева и др. - М.: “Помовский и партнеры”, 1994.- 567 с.
199. Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М.: Наука, 1996. – 217 с.
200. Рыклин М.К. Метафизика речи // Вопросы философии. - 1991.- №5.- С.20-25.
201. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 181 с.
202. Семиотика языка и литературы (Составление, вступительная статья и общая редакция Ю.С.Степанова). – Москва: “Радуга”, 1983. – 636 с.

203. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.- М.: Издательская группа “Прогресс”, “Универс”, 1993. – 656 с.
204. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира. Роль человеческого фактора в языке //Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С.87-108.
205. Сидорова Л.Н. К определению понятия “интерпретация”. Структуры языкового сознания. - М.: Наука, 1990. - С.18-38.
206. Симонов П.В. Мозг и творчество // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 3-24.
207. Система и уровни языка. – М.: Наука, 1969. – 262 с.
208. Системные семантические связи языковых единиц. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 192 с.
209. Словарь синонимов. – Москва: ТОМ, 1997. – 648 с.
210. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14: Психология. - 1981.- №2. - С.15-29.
211. Смирнов С.Д. Понятие “образа мира” и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н.Леонтьев и современная психология. - М.: Изд-во МГУ, 1983.- С.149-155.
212. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема психологического отражения.- М.: Изд-во МГУ, 1985. - 232 с.
213. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование.- Москва: Наука, 1977. – 341 с.
214. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты текста. - М.: Наука, 1985. – 168 с.
215. Сорокин Ю.А., Левченко Е.Б. Общение и текст // Речевое общение: Проблемы и перспективы. - М., 1983. - С.132-159.
216. Сорокин Ю.А. Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста . - М., 1989. – 87 с.

217. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Художественный текст и лингвокультурологическое тестирование // Общая статистика: теоретические и прикладные аспекты. - Калинин: КГУ, 1990.- С.57-62.
218. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985.
219. Степанов Ю.С. Семиотика. – Москва, 1971.
220. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998. – 787 с.
221. Стеценко А.П. Понятие “образ” мира и некоторые проблемы онтогенеза сознания // Вестн. МГУ. Серия 14. Психология. - 1987. -№3. - С.26-37.
222. Стриженко А.А. Семиотические аспекты текстуальной коммуникации // Проблемы структурно-семантической организации и интерпретации текста. - Барнаул, 1980.
223. Стриженко А.А. Взаимодействие авторской речи и речи персонажей в современной драматургии (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филолог. н. – М., 1972.
224. Стриженко А.А. Художественный текст как особая форма коммуникации // Лингвистика текста. Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып.103. – М., 1976.
225. Стриженко А.А. Кручинина Л.И. Об особенностях текстов, относящихся к разным функциональным стилям. – Иркутск, 1985.
226. Стриженко А.А. Типы авторской речи в произведениях английской и американской драматургии // Сб. научн. трудов МГПИИЯ. Вып. 67. – М., 1972.
227. Стриженко А.А. Психолингвистические основы социально ориентированного общения. – Барнаул, 1981 – 100 с.
228. Структуры языкового сознания.- М.: Наука, 1990. – 326 с.

229. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. -Алма-Ата, 1989. – 160 с.
230. Тарасов Е.Ф. Текст: Проблема формирования навыков смыслового восприятия. Аспекты изучения текста. - М., 1981. - С. 109-114.
231. Текст как инструмент общения. - М., 1983. – 154 с.
232. Текст как отображение картины мира - М.,1989. – 136 с.
233. Текст как явление культуры. - Новосибирск: Наука, 1989 .- 104 с.
234. Тихомиров О.К., Знаков В.В. Мышление, знание и понимание // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. - 1989. - №2. - С.6-16.
235. Толковый словарь русского языка: В 4 т. (Под. ред. проф. Д.Ушакова. – Москва: ТЕРРА, 1996. – 824 с.
236. Труды по знаковым системам. Выпуск 308. – Тарту, 1973.
237. Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 127с.
238. Уорф Б. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1992. - 593с.
239. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып.1. - М.: Наука, 1960. - С.153-189.
240. Ушакова Т.Н. Текст как объект психологического анализа // Психологический журнал. - 1989. - №1. - С.107-115.
241. Ушакова Т.Н. Психология речи и психолингвистика // Психологический журнал. - 1991. - №6.- С.12-25.
242. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: “Наука”, 1974. – 206с.
243. Функционирование текста в речевой деятельности. - М.,1989. – 184 с.
244. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира.- М.,1990. – 204 с.
245. Человек в системе наук.- М.: Наука, 1989. – 504 с.
246. Человек – текст – культура. - Екатеринбург, 1994. – 236 с.
247. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность. - М.: Наука, 1992. – 280 с.

248. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991. – Aldington с.
249. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991. - 214 с.
250. Чупина Г.А. Принцип деятельности и язык. - Красноярск, 1987. –192 с.
251. Чуприкова Н.И. Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека.- М.: Просвещение, 1967. – 328 с.
252. Шабес В.Я. Событие и текст. - М.: Высшая шк., 1989. – 175 с.
253. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 191 с.
254. Шварко Л.И. Особенности формирования инокультурных концептов у младших школьников в процессе изучения иностранного языка: Дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 1995. – 226 с.
255. Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем – М . , 1974.
256. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно – структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования: Методологические проблемы: 1986.- М., 1987. – С.124-146.
257. Хэллидей М.А.К. Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX: Лингвистика. – М., 1979. - С.116-147.
258. Экспериментальный анализ смысла. - Фрунзе, 1987. – 123 с.
259. Этнопсихолингвистика. (Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н.). - М.: Наука, 1988. – 190 с.
260. Язык, дискурс и личность. - Тверь, 1990. – 134 с.
261. Язык и когнитивная деятельность. - М., 1989. – 144 с.
262. Язык и личность. - М.: Наука, 1989. – 216 с.
263. Язык и модель мира. - М., 1993. – 116 с.
264. Язык и структуры представления знаний. - М.: ИНИОН, 1992. –164 с.

265. Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. - Новосибирск, 1994. - С.115-123.
266. Языковая личность: проблемы значений смысла. - Волгоград: Перемена, 1994. – 204 с.
267. Языковые уровни и их взаимодействие. – Казань: Изд-во Казанского Ун., 1990. – 160 с.
268. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994. – 343 с.
269. Ярославцева Е.И., Новиков А.И. Семантические расстояния в языке и тексте. - М.: Наука, 1990. – 135 с.
270. Richard Aldington “Death of hero”. – Moscow, 1985.
271. Oxford Advanced Learner’s Encyclopedic Dictionary, Oxford University Press, 1992.
272. The Advanced Learner’s Dictionary of Current English by A.S.Horby University Press, 1972.
273. Practical English Dictionary, Holland Enterprises Ltd., 1990.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(анкеты)

Социальное положение _____ возраст _____ пол _____

Выделите, на Ваш взгляд, “ключевые слова”

АНКЕТА № 1

Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется убивать людей, как-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули. И я пошел и подставил.

Ну и что? Глупец, глупец!

АНКЕТА № 2

Война решительно не дает мне покоя. Я ясно вижу, что она затягивается, и когда кончится – предсказать очень трудно. Наш солдат остался тем же необыкновенным солдатом, каким всегда, но противник оказался вовсе не таким слабым, как думали, и вот уже четыре месяца, как война объявлена, а на нашей стороне еще нет решительного успеха. А между тем каждый лишний день уносит сотни людей. Нервы, что ли, у меня так устроены, только военные телеграммы с обозначением числа убитых и раненных производят на меня действие гораздо более сильное, чем на окружающих. Другой спокойно читает: “Потери наши незначительны, ранены такие-то офицеры, нижних чинов убито 50, ранено 100”, и еще радуется. Что мало, а у меня при чтении такого известия тотчас появляется перед глазами целая кровавая картина. Пятьдесят мертвых, сто изувеченных – это незначительная вещь! Отчего же мы так возмущаемся, когда газеты приносят известие о каком-нибудь убийстве, когда жертвами являются несколько человек? Отчего вид пронизанных

пулями трупов, лежащих на поле битвы, не поражает нас таким ужасом, как вид внутренности дома, разграбленного убийцей? Отчего катастрофа на тигульской насыпи, стоившая жизни нескольким десяткам человек, заставила кричать о себе всю Россию, а на аванпостные дела с “незначительными” потерями тоже в несколько десятков человек никто не обращает внимание?

АНКЕТА № 3

Куда ж денется твое “я”? ты всем существом своим протестуешь против войны, а все-таки война заставит тебя взять на плечи ружьё, идти умирать и убивать. Да нет, это невозможно! Я, смирный. Добродушный молодой человек, знавший до сих пор только свои книги, да аудиторию, да семью и ещё несколько близких людей, думавший через год-два начать иную работу, труд любви и правды; я, наконец привыкший смотреть на мир объективно, привыкший ставить его перед собою, думавший, что всюду я понимаю в нем зло и тем самым избегаю этого зла, - я вижу все мое здание спокойствия разрушенным, а самого себя напяливающим на свои плечи то самое рубище, дыры и пятна которого я сейчас только рассматривал. И никакое развитие, никакое познание себя и мира, никакая духовная свобода не дадут мне жалкой физической свободы – свободы располагать своим телом.

АНКЕТА № 4

Война – зло; и вы, и я, и очень многие такого мнения; но ведь она неизбежна; любите вы ее или не любите, все равно, она будет, и если не пойдете драться вы, возьмут другого, и все-таки человек будет изуродован или измучен походом. Я боюсь, что вы не понимаете меня; я плохо выражаюсь. Вот что: по-моему, война есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится.

АНКЕТА № 5

Но мы не остались. Нас влекла неведомая тайная сила: нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушел бы домой, но вся масса шла, повинясь не дисциплине, не сознанию правоты дела, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню – самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий.

АНКЕТА № 6

Мы две недели стояли в Ковачице. Вяло, однообразно течет лагерная жизнь, когда нет никакого дела, да еще в такой глуши. Впрочем, глушью Ковачицу назвать было бы несправедливо: в ней находился наш корпусный штаб, почтовое отделение – словом, средства узнать что-нибудь, что делается в окружающем мире, а главное, на обоих театрах войны и в далекой дорогой родине.

АНКЕТА № 7

Мы шли к месту вчерашней ружейной перестрелки. Солдаты крестились. Длинный ряд лазерных фур остановился на дороге, чтобы дать нам пройти, и потянулся вслед за нами.

АНКЕТА № 8

Я лежал и почти дремал. Около меня солдаты тихо и сдержанно разговаривали. Теперь припоминаю странное обстоятельство, не могшее в то время обратить на себя мое внимание: никто ни словом не намекнул, не вспом-

нил, что у него есть другой мир, родина, родные, друзья. Как будто бы все забыли свою прежнюю жизнь. Говорили об этих грозных пушечных выстрелах, о том, зачем отошли невцы и отчего не подвезли патронов, о том, сколько может быть турок и кто дерется с нашей стороны.

АНКЕТА № 9

Пули летели и летели. Рота молчала. Напряженное состояние, невольно явившееся при звуке смерти, ослабело; все стали думать, что пули только перелетают или безвредно падают на землю.

АНКЕТА № 10

Я пошел драться из-за Маши, но я честно исполнил свой долг и относительно родины. Я бодро шел по Румынии под дождем и пылью, в жар и холод. Я самоотверженно грыз сухари “компаний”. Когда случилась первая встреча с турками, я не струсил: за это мне дали крест и произвели в унтер-офицеры. Когда случилась вторая встреча – что-то хлопнуло, и я хлопнулся о землю. Стон, туман... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками... Сестры милосердия... Моя отрезанная нога с родимым пятном ниже колена... Все это как сон пролетело мимо меня.

АНКЕТА № 11

Не люди то, а только тени
Отверженников родины своей.
Ты предала их мать! В глухой степи – один,
Без хлеба, без глотка воды гнилой,
Изранены врагами, все они

Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы биться до последней капли крови
За родину, лишившую любви,
Пославшую на смерть своих сынов...
Кругом – песчаный ряд холмов,
У их подножия - орда свирепая кольцом
Объявила горсть героев. Нет пощады!
К ним смерть стоит лицом!
И, может быть, они ей рады;
И, может быть, не стоит жить-страдать!..
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенания детей,
Погибших за тебя среди глухих степей,
Вспомнутся через много лет,
В день грозных бед!

Социальное положение _____ возраст _____ пол _____

Вставьте необходимые, на Ваш взгляд, “ключевые слова” на места пропусков

АНКЕТА № 1-а

Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел
Мысль о том, что и мне придется убивать людей, как-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули. И я пошел и подставил.

Ну и что? Глупец, глупец!

АНКЕТА № 2-а

..... решительно не дает мне покоя. Я ясно вижу, что она затягивается, и когда кончится – предсказать очень трудно. Наш солдат остался тем же необыкновенным солдатом, каким всегда, но противник оказался вовсе не таким слабым, как думали, и вот уже четыре месяца, как объявлена, а на нашей стороне еще нет решительного успеха. А между тем каждый лиш- ний день уносит сотни людей. Нервы, что ли, у меня так устроены, только военные телеграммы с обозначением числа убитых и раненных производят на меня действие гораздо более сильное, чем на окружающих. Другой спо- койно читает: “Потери наши незначительны, ранены такие-то офицеры, ниж- них чинов убито 50, ранено 100”, и еще радуется. Что мало, а у меня при чте- нии такого известия тотчас появляется перед глазами целая кровавая картина. Пятьдесят мертвых, сто изувеченных – это незначительная вещь! Отчего же мы так возмущаемся, когда газеты приносят известие о каком-нибудь убий- стве, когда жертвами являются несколько человек? Отчего вид пронизанных пулями трупов, лежащих на поле битвы, не поражает нас таким ужасом, как вид внутренности дома, разграбленного убийцей? Отчего катастрофа на ти- лигульской насыпи, стоившая жизни нескольким десяткам человек, заставила кричать о себе всю Россию, а на аванпостные дела с “незначительными” по- терями тоже в несколько десятков человек никто не обращает внимание?

АНКЕТА № 3-а

Куда ж денется твое “я”? ты всем существом своим протестуешь про- тив, а все-таки заставит тебя взять на плечи ружьё, идти умирать и убивать. Да нет, это невозможно! Я, смиренный. Добродушный мо- лодой человек, знавший до сих пор только свои книги, да аудиторию, да се- мью и ещё несколько близких людей, думавший через год-два начать иную

работу, труд любви и правды; я, наконец привыкший смотреть на мир объективно, привыкший ставить его перед собою, думавший, что всюду я понимаю в нем зло и тем самым избегаю этого зла, - я вижу все мое здание спокойствия разрушенным, а самого себя напяливающим на свои плечи то самое рубище, дыры и пятна которого я сейчас только рассматривал. И никакое развитие, никакое познание себя и мира, никакая духовная свобода не дадут мне жалкой физической свободы – свободы располагать своим телом.

АНКЕТА № 4-а

..... – зло; и вы, и я, и очень многие такого мнения; но ведь она неизбежна; любите вы ее или не любите, все равно, она будет, и если не пойдете драться вы, возьмут другого, и все-таки человек будет изуродован или измучен походом. Я боюсь, что вы не понимаете меня; я плохо выражаюсь. Вот что: по-моему, есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится.

АНКЕТА № 5-а

Но мы не остались. Нас влекла неведомая тайная сила: нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушел бы домой, но вся масса шла, повинясь не дисциплине, не сознанию правоты дела, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий.

АНКЕТА № 6-а

Мы две недели стояли в Ковачице. Вяло, однообразно течет лагерная жизнь, когда нет никакого дела, да еще в такой глуши. Впрочем, глушью Ковачицу назвать было бы несправедливо: в ней находился наш корпусный штаб, почтовое отделение – словом, средства узнать что-нибудь, что делается в окружающем мире, а главное, на обоих театрах и в далекой дорогой родине.

АНКЕТА № 7-а

Мы шли вчерашней ружейной перестрелки. Солдаты кристились. Длинный ряд лазерных фур остановился на дороге, чтобы дать нам пройти, и потянулся вслед за нами.

АНКЕТА № 8-а

Я лежал и почти дремал. Около меня солдаты тихо и сдержанно разговаривали. Теперь припоминаю странное обстоятельство, не могшее в то время обратить на себя мое внимание: никто ни словом не намекнул, не вспомнил, что у него есть другой мир, родина, родные, друзья. Как будто бы все забыли свою прежнюю жизнь. Говорили об этих грозных пушечных выстрелах, о том, зачем отошли невцы и отчего не подвезли патронов, о том, сколько может быть турок и кто с нашей стороны.

АНКЕТА № 9-а

Пули летели и летели. Рота молчала. Напряженное состояние, невольно явившееся при звуке смерти, ослабело; все стали думать, что пули только перелетают или безвредно падают на землю.

АНКЕТА № 10-а

Я пошел из-за Маши, но я честно исполнил свой долг и относительно родины. Я бодро шел по Румынии под дождем и пылью, в жар и холод. Я самоотверженно грыз сухари Когда случилась первая встреча с турками, я не струсил: за это мне дали крест и произвели в унтер-офицеры. Когда случилась вторая встреча – что-то хлопнуло, и я хлопнулся о землю. Стон, туман... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками... Сестры милосердия... Моя отрезанная нога с родимым пятном ниже колена... Все это как сон пролетело мимо меня.

АНКЕТА № 11 -а

Не люди то, а только тени
Отверженников родины своей.
Ты предала их мать! В глухой степи – один,
Без хлеба, без глотка воды гнилой,
Изранены врагами, все они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы до последней капли крови
За родину, лишившую любви,
Пославшую на смерть своих сынов...
Кругом – песчаный ряд холмов,

У их подножия - орда свирепая кольцом
Объявила горсть героев. Нет пощады!
К ним смерть стоит лицом!
И, может быть, они ей рады;
И, может быть, не стоит жить-страдать!..
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенания детей,
Погибших за тебя среди глухих степей,
Вспомнутся через много лет,
В день грозных бед!

Социальное положение _____ возраст _____ пол _____

Вставьте необходимые, на Ваш взгляд, “ключевые слова” на места пропусков

АНКЕТА № 1-б

Я не хотел Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется людей, как-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять свою грудь под пули. И я пошел и подставил.

Ну и что? Глупец, глупец!

АНКЕТА № 2-б

Война решительно не дает мне Я ясно вижу, что она затягивается, и когда кончится – предсказать очень трудно. Наш солдат остался тем же необыкновенным солдатом, каким всегда, но противник оказался вовсе не таким слабым, как думали, и вот уже четыре месяца, как война объявлена, а на нашей стороне еще нет решительного успеха. А между тем каждый лиш- ний день уносит сотни Нервы, что ли, у меня так устроены, только военные телеграммы с обозначением числа убитых и раненных производят на меня действие гораздо более сильное, чем на окружающих. Другой спо- койно читает: “Потери наши незначительны, ранены такие-то офицеры, ниж- них чинов убито 50, ранено 100”, и еще радуется. Что мало, а у меня при чте- нии такого известия тотчас появляется перед глазами целая Пятьдесят мертвых, сто изувеченных – это незначительная вещь! Отчего же мы так возмущаемся, когда газеты приносят известие о каком-нибудь убий- стве, когда жертвами являются несколько человек? Отчего вид пронизанных пулями трупов, лежащих на поле битвы, не поражает нас таким, как вид внутренности дома, разграбленного убийцей? Отчего катастрофа на тилигульской насыпи, стоившая жизни нескольким десяткам человек, заста- вила кричать о себе всю Россию, а на с тоже в несколько десятков человек никто не обращает внимание?

АНКЕТА № 3-б

Куда ж денется твое “я”? ты всем существом своим протестуешь про- тив войны, а все-таки война заставит тебя взять на плечи ружьё, идти уми- рать и убивать. Да нет, это невозможно! Я, смирный. Добродушный молодой человек, знавший до сих пор только свои книги, да аудиторию, да семью и ещё несколько близких людей, думавший через год-два начать иную работу,

труд любви и правды; я, наконец привыкший смотреть на мир объективно, привыкший ставить его перед собою, думавший, что всюду я понимаю в нем и тем самым избегаю этого, - я вижу все мое здание спокойствия разрушенным, а самого себя напяливающим на свои плечи то самое рубище, дыры и пятна которого я сейчас только рассматривал. И никакое развитие, никакое познание себя и мира, никакая духовная свобода не дадут мне жалкой физической свободы – свободы располагать своим телом.

АНКЕТА № 4-б

Война –; и вы, и я, и очень многие такого мнения; но ведь она неизбежна; любите вы ее или не любите, все равно, она будет, и если не пойдете вы, возьмут другого, и все-таки человек будет или походом. Я боюсь, что вы не понимаете меня; я плохо выражаюсь. Вот что: по-моему, война есть,, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится.

АНКЕТА № 5-б

Но мы не остались. Нас влекла неведомая тайная: нет силы большей в человеческой жизни. Каждый отдельно ушел бы домой, но вся масса шла, повинясь не дисциплине, не сознанию правоты, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню – самую крупную всевозможных людских бед и страданий.

АНКЕТА № 6-б

Мы две недели стояли в Ковачице. Вяло, однообразно течет лагерная жизнь, когда нет никакого, да еще в такой глуши. Впрочем, глушью Ковачицу назвать было бы несправедливо: в ней находился наш корпусный штаб, почтовое отделение – словом, средства узнать что-нибудь, что делается в окружающем мире, а главное, на обоих театрах войны и в далекой дорогой родине.

АНКЕТА № 7-б

Мы шли к месту вчерашней ружейной Солдаты Длинный ряд лазерных фур остановился на дороге, чтобы дать нам пройти, и потянулся вслед за нами.

АНКЕТА № 8-б

Я лежал и почти дремал. Около меня солдаты тихо и сдержанно разговаривали. Теперь припоминаю странное обстоятельство, не могшее в то время обратить на себя мое внимание: никто ни словом не намекнул, не вспомнил, что у него есть, родина, родные, друзья. Как будто бы все свою прежнюю жизнь. Говорили об этих грозных пушечных выстрелах, о том, зачем отошли невцы и отчего не подвезли патронов, о том, сколько может быть турок и кто дерется с нашей стороны.

АНКЕТА № 9-б

..... летели и летели. Рота молчала. состояние, невольно явившееся при звуке, ослабело; все стали думать, что пули только перелетают или безвредно падают на землю.

АНКЕТА № 10-б

Я пошел драться из-за Маши, но я честно исполнил свой и относительно родины. Я бодро шел по Румынии под дождем и пылью, в жар и холод. Я самоотверженно грыз сухари “компаний”. Когда случилась первая с турками, я не струсил: за это мне дали крест и произвели в унтер-офицеры. Когда случилась вторая– что-то хлопнуло, и я хлопнулся о землю. Стон, туман... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками...Сестры милосердия... Моя отрезанная нога с родимым пятном ниже колена... Все это как пролетело мимо меня.

АНКЕТА № 11-б

Не люди то, а только
Отверженников родины своей.
Ты предала их мать! В глухой степи – один,
Без хлеба, без глотка воды гнилой,
..... врагами, все они
Готовы пасть, собой,
Готовы биться до последней капли крови
За родину, лишившую любви,
Пославшую на своих сынов...
Кругом – песчаный ряд холмов,
У их подножия - орда свирепая кольцом
Объявила горсть героев. Нет пощады!
К ним стоит лицом!
И, может быть, они ей рады;
И, может быть, не стоит жить-страдать!..
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенания детей,

Погибших за тебя среди глухих степей,
Вспомнутся через много лет,
В день грозных бед!